

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2016

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Бобров Л.А.

ББК 63.3

УДК 94(47).035=161.1(045)“653”(47)

**Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев
конца XV – середины XVII вв.**

В статье, на основе комплексного анализа источников, рассмотрены характерные особенности тактического искусства крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. Впервые в отечественной историографии выявлены и проанализированы базовые тактические приемы ведения боя в конном и пешем строю («хоровод», «тулгана», «кылыч» и др.), а также их эволюция на протяжении рассматриваемого исторического периода. Реконструированы варианты боевых построений армий кочевников. Выделены три этапа эволюции военного дела крымских татар и ногаев. Установлено, что трансформация ордынского военного искусства являлось ответом традиционной кочевой военной системы на новые вызовы эпохи «Пороховой революции». Отказ от рукопашной схватки, в пользу динамичного лучного боя на средней и дальней дистанции позволили номадам успешно противостоять кавалерии оседлых народов. Благодаря помощи Османской Турции крымские татары значительно раньше других кочевников обзавелись отрядами огнестрельной пехоты и артиллерией, что дало им важное конкурентное преимущество в ходе военных конфликтов конца XV – первой половины XVI вв. В целом, обновленное крымско–татарское военное искусство достаточно успешно встроилось в новые военные реалии региона. Однако во второй половине XVI – начале XVII вв. «позднетюркская» военная система, основанная на сочетании масс легких конных лучников с небольшими отрядами ружейных стрелков, вступила в полосу кризиса, для преодоления которого, потребовались масштабные военные реформы

Ключевые слова: XV в., XVI в., XVII в., Крымское ханство, крымские татары, ногаи, военное искусство кочевников, тактика

Автор: Бобров Леонид Александрович. Доктор исторических наук. Доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно–исследовательской части Новосибирского государственного университета.

Научные интересы: военное искусство и военная история народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии, Сибири и Восточной Европы эпохи поздней Древности, Средневековья и раннего Нового времени. spsml@mail.ru

Литература, использованная в статье:

Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI-XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. — Ростов-на-Дону, 1989.

Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI-XVIII вв.) // Тюркский сборник: 2002. Россия и тюркский мир. — М., 2003.

Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. — Казань, 2001.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М., 2002.

Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV-XVII вв. — М., 2013.

Хабибуллин А.Н. К вопросу о типологии оборонительных сооружений Крымского ханства XV–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. — Казань, 2009

Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens). — 2010. — № 2.

Пенской В.В. Сражение при Судьбищах 3-4 июля 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости. — 2009. — № 7 (62).

Пенской В.В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣнства своего». Стояние на Оке в 1541 г. // Военно-исторический журнал. — 2011. — № 12.

Пенской В.В. Сражение при Молодях 28 июля - 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. II. — С. 127-236. <http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1> (23.08.2012).

Brian Glyn Williams. The Sultans Raiders. The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. — Washington, 2013.

Вильямс Б.Г. Татарские воины на службе османского султана // Золотоордынская цивилизация. — Казань, 2015. — № 8.

Сейдалиев Э.И. Военное дело кочевников Северного Причерноморья в IX–XIII вв. и Крымского ханства: сравнительный анализ на основании письменных источников // Золотоордынская цивилизация. — Казань, 2015. — № 8.

Бобров Л.А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIX вв. // Parabellum novum: Военно-исторический журнал. — 2014. — № 2.

Бобров Л.А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661-январь 1663 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, — 2014. — № 6.

Бобров Л.А. Калмыцкая конница в Русско-Польской войне 1654-1667 гг.: вооружение, тактика, военная стратегия // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. (Матеріали першої Української міжнародної зброєведчої науково-практичної конференції). — Киев, 2014.

Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины-середины XVII в. // «Золотоордынская цивилизация». — Казань, 2015. — № 8. — С. 357-378.

- Зайцев И.В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. — 2003. — № 2 (13).
- Прокопенко В.М. Крымские татары в европейской миниатюре XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] // Книга хона. <http://www.kitabhona.org.ua/lib_izo/tatareurmin.html> (06.10.2012).
- Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. — М., 2010.
- Гайворонский О. Повелители двух материков. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. — Киев, Бахчисарай, 2007. — Т. I.
- Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.-Л., 1948.
- Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1867. — Т. 6.
- Литвин М. О нравах татар, литовцев и московитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Киев, 1890. — Вып. I. (XVI ст.).
- Герберштейн С. Московия. — М., 2007.
- Бобров Л.А. Комплекс вооружения крымских татар ногаев конца XV–XVII вв. по материалам письменных и изобразительных источников // Parabellum novum: Военно-исторический журнал. — 2016 (в печати).
- Флетчер Д. О государстве русском. Проезжая по Московии. — М., 1991.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — Смоленск, 2003.
- Боплан Г. Описание Украины. — М., 2004.
- Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины. — М., 1961. — Вып. 1.
- Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). — Симферополь, 2008.
- Челеби Э. Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. — М., 1979. — Вып. № 2.
- Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современных иностранцев. — Москва, 2000.
- Санин Г.А. Отношения России и Украины с крымским ханством в середине XVII века. — М., 1987.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. — М., 2002.
- Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. — Астана, 2013.
- Контарини А. Путешествие Амвросия Контарини посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России XV–XVI в. — СПб., 1836.
- Бобров Л.А. Калмыцкая конница в Русско-Польской войне 1654–1667 гг.: вооружение, тактика, военная стратегия // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. (Матеріали першої Української міжнародної озброєвническої науково-практичної конференції). — Киев, 2014.
- Бабур-наме. Записки Бабура. — Ташкент, 1993.

Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. — Казань, 2011.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. — Новосибирск, 1997.

Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV- XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. — СПб., 2013. — Ч. I.

Бобров Л.А., Сальников А.В. Тактический прием "тулгана" в военном искусстве монголов XIII в. // Былые годы. — 2015. — № 4.

Бабулин И.Б. Битва под Конотопом 28 июня 1659 года. — М., 2009.

Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. — М., 2011. — Вып. № 2.

Пилипчук Я.В. Татарская политика Казимира IV, 1480-1492 // Золотоордынская цивилизация. — 2015. — Вып. № 8.

Малов А.В. Русско-Польская война 1654-1667. — М., 2006.

Моисеев М.В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480 – 1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 160 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

Введенский Г.Э. Янычары. — СПб, 2003.

Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. — СПб, 2002.

Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмидио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 // Записки Императорского Одесского Общества. — Одесса, 1902. — Т. 24.

Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII-XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 2007.

Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). — Элиста, 2006.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>

Ссылка для печатных изданий:

Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 210-388 <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (28.03.2016).

Bobrov L. The Art of War of the Crimean Tartars and Nogais from the end of the XV to the mid-XVII century

Using in his research variety of primary sources, the author reconstructs the basics of the tactical infantry and cavalry's maneuvering practiced by the Crimean Tartars and Nogais; the special attention is given to its further tactical capabilities toward the mid-seventeenth century. Chronologically, the author dissected three major stages in the evolution of their art of war and argues that the transformation in the military art of the Crimean Tartars and Nogais was their subsequent response to the development and use of the first firearms. Further, getting rid of the hand-to-hand combat in favor of the archery – either middle or long distance-range – allowed the nomads to withstand against the mounded troops of their adversaries. Thanks to the ties with the Ottoman Porte, the Crimean Tartars adopted first artillery and infantry detachments equipped with the firearms, which allowed them to receive a certain prerogatives during prolonged military conflicts. However, at the beginning of the seventeenth century, the combined system of mounted archers and infantry with firearms underwent certain crisis and soon was in desperate need of reform

Keywords: XV, XVI, XVII, The Crimean Khanate, the Crimean Tartars, Nogais, the art of war of the nomads, tactics.

Author: Leonid A. Bobrov is a history professor at the Department of Archeology and Ethnography of the Novosibirsk State University. He specializes in the military art and history of the Central and continental East Asia, Siberia and East Europe touching period from antiquity to the early modernity. spsml@mail.ru

References:

Ishhenko S.A. Vojna i voennoe delo u krymskih tatar XVI-XVIII vv. [War and military Affairs of the Crimean Tatars from XVI-XVIII centuries] (po zapiskam inostrannyh puteshestvennikov i diplomatov) // Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnoshenijah Vostoka i Zapada v XII-XVI vekah. — Rostov-na-Donu, 1989.

Dmitriev S.V. Krymskoe hanstvo v voennom otnoshenii [The Crimean khanate militarily] (XVI-XVIII vv.) // Tjurkskij sbornik: 2002. Rossiya i tjurkskij mir. — M., 2003.

Ostapchuk V. Hronika Remmalja Hodzhi «Istorija Sagib Gerej hana» kak istochnik po krymsko-tatarskim pohodam [Chronicle Of Remmele Khoja] // Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy). Ot Kalki do Astrahani. 1223-1556. — Kazan', 2001.

Trepavlov V.V. Istorija Nogajskoj Ordy [History Of The Nogai Horde]. — M., 2002.

Habibullin A.N. K voprosu o tipologii oboronitel'nyh sooruzhenij Krymskogo hanstva XV–XVIII vv. [The typology of the fortifications of the Crimean khanate XV–XVIII centuries.] // Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 1. — Kazan', 2009

Penskoj V.V. Voennyj potencial Krymskogo hanstva v konce XV – nachale XVII v. [The military potential of Crimean khanate in the late XV – early XVII century.] // Vostok (Oriens). — 2010. — № 2.

Penskoj V.V. Srazhenie pri Sud'bishhah 3-4 ijulja 1555 g. – jepizod rusko-krymskogo protivostojanija [The battle of Sudibyvo 3-4 July 1555] // Nauchnye vedomosti. — 2009. — № 7 (62).

Penskoj V.V. «Car' krymskij prishel ko bregu Oky-reky s velikoju pohvaloju i s mnozhestvom v#instva svoego». Stojanie na Oke v 1541 g. [Standing on the Oka river in 1541] // Voeno-

istoricheskij zhurnal. — 2011. — № 12.

Penskoj V.V. The battle of Moladah 28 July - 3 August 1572 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2012. — Vol. II. — P. 127-236. <http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1> (23.08.2012).

Brian Glyn Williams. The Sultans Raiders. The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. — Washington, 2013.

Vil'jams B.G. Tatarskie voiny na sluzhbe osmanskogo sultana [Tatar warriors in the service of the Ottoman Sultan] // Zolotoordynskaja civilizacija. — Kazan', 2015. — № 8.

Sejdaliev Je.I. Voennoe delo kochevnikov Severnogo Prichernomor'ja v IX–XIII vv. i Krymskogo hanstva: sravnitel'nyj analiz na osnovanii pis'mennyh istochnikov [The military art of nomads of the Northern black sea in the IX–XIII centuries] // Zolotoordynskaja civilizacija. — Kazan', 2015. — № 8.

Bobrov L.A. K voprosu ob istokah konnogo kopejnogo boja rossijskih kazakov vtoroj poloviny XVII – pervoj poloviny XIX vv. [To the question about the origins of the equestrian spear-armed combat Russian Cossacks of second half XVII – first half XIX centuries] // Parabellum novum: Voенno-istoricheskij zhurnal. — 2014. — № 2.

Bobrov L.A. «Voron'ja staja» nad Krymom. Tatarsko-kalmyckoe protivoborstvo v stepjah Severnogo Prichernomor'ja (sentjabr' 1661-janvar' 1663 gg.) [Tatar Kalmyk opposition in the steppes of the Northern black sea] // Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. — Kazan', — 2014. — № 6.

Bobrov L.A. Kalmyckaja konnica v Russko-Pol'skoj vojne 1654-1667 gg.: vooruzhenie, taktika, voennaja strategija [Kalmyk cavalry in the Russo-Polish war 1654-1667: weapons, tactics, military strategy] // Istorija davn'oї zbroї. Doslidzhennja 2014: zb. nauk. (Materialy pervoj Ukrainskoj mezhdunarodnoj oruzhievedcheskoj nauchno-prakticheskoi konferencii). — Kiev, 2014.

Bobrov L.A., Rjumshin M.A. «...I protiv nih ne staivali oni nigde i bit'sja s nimi ne umejut». Oruzhejnyj i voенno-takticheskij aspekt kalmycko-nogajskih i kalmycko-tatarskih vojn pervoj poloviny-serediny XVII v. [Weapons and military/tactical aspect Kalmyk-Nogai and Nogai-Tatar wars of the first half-the middle of XVII century.] // «Zolotoordynskaja civilizacija». — Kazan', 2015. — № 8. — S. 357-378.

Zajcev I.V. Krymskie hany: portrety i szuzhety [Crimean khans: portraits and stories] // Vostochnaja kollekcija. — 2003. — № 2 (13).

Prokopenko V.M. Krymskie tatory v evropejskoj miniatjуре XVI–XVII vv. [Elektronnyj resurs] // Kitab hona. <http://www.kitabhona.org.ua/lib_izo/tatareurmin.html> (06.10.2012).

Penskoj V.V. Velikaja ognestrel'naja revoljucija [Great firearm revolution]. — M., 2010.

Gajvoronskij O. Poveliteli dvuh materikov. Krymskie hany XV-XVI stoletij i bor'ba za nasledstvo Velikoj Ordy [The masters of two continents. The Crimean khans of XV-XVI centuries and the struggle for the legacy of the great Horde]. — Kiev, Bahchisaraj, 2007. — T. I.

Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of XVII century]. — M.-L., 1948.

Bobrov L.A. Kompleks vooruzhenija krymskih tatar nogaev konca XV-XVII vv. po materialam pis'mennyh i izobrazitel'nyh istochnikov [Weapons of the Crimean Tatars, Nogais of the end of the XV-XVII centuries] // Parabellum novum: Voенno-istoricheskij zhurnal. — 2016 (v pečati).

Fletcher D.O. gosudarstve russkom. Proezzhaja po Moskovii [About the Russian state. Going through Muscovy]. — M., 1991.

Kushkumbaev A.K., Bobrov L.A. Mongol'skaja taktika vedenija stepnogo boja [Mongolian steppe tactics of the battle] // Voennoe delo kochevnikov Kazahstana i sopredel'nyh stran jepohi

Srednevekov'ja i Novogo vremeni. — Astana, 2013.

Kontarini A. Puteshestvie Amvrosija Kontarini posla svetlejshej Venecianskoj respubliki k znamenitomu persidskomu gosudarju Uzun-Gassanu sovershennoe v 1473 g. [The Journey Of Ambrose Contarini] // Biblioteka inostrannyh pisatelej o Rossii XV-XVI v. — SPb., 1836.

Bobrov L.A. Kalmyckaja konnica v Russko-Pol'skoj vojne 1654-1667 gg.: vooruzhenie, taktika, voennaja strategija [Kalmyk cavalry in the Russo-Polish war 1654-1667: weapons, tactics, military strategy] // Istorija davn'oi zbroi. Doslidzhennja 2014: zb. nauk. (Materialy pervoj Ukrainskoj mezhdunarodnoj oruzhievedcheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii). — Kiev, 2014.

Seliverstov D.A. Srazhenie pri Solhate (Kastadzone) 22 ijunja 1434 goda [The battle at Solkhat (Catazone) June 22, 1434] // Voennoe delo Zolotoj Ordy: problemy i perspektivy izuchenija. — Kazan', 2011.

Hudjakov Ju.S. Vooruzhenie kochevnikov Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v jepohu razvitogo Srednevekov'ja [Armaments of nomads of southern Siberia and Central Asia in the epoch of developed middle Ages]. — Novosibirsk, 1997.

Bobrov L.A. Kazahskaja taktika vedenija boja v konnom stroju v konce XV- XVI vv. [Kazakh combat tactics in equestrian ranks at the end of XV - XVI centuries] // Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. — SPb., 2013. — Ch. I.

Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. Takticheskij priem "tulgama" v voennom iskusstve mongolov XIII v. [Tactic "of Tulama" the art of war of the Mongols of the XIII century] // Bylye gody. — 2015. — № 4.

Babulin I.B. Bitva pod Konotopom 28 ijunja 1659 goda [The battle of Konotop on June 28 1659]. — M., 2009.

Kurbatov O.A. Oчерki razvitija taktiki russkoj konnicy «sotenoj sluzhby» s serediny XVI v. do serediny XVII v. [Essays on the development of the tactics of Russian cavalry «sotenoj sluzhby» from mid XVI century until the mid XVII] // Voennaja arheologija. — M., 2011. — Vyp. № 2.

Pilipchuk Ja.V. Tatarskaja politika Kazimira IV, 1480-1492 [Tatar policy of Casimir IV, 1480-1492] // Zolotoordynskaja civilizacija. — 2015. — Vyp. № 8.

Malov A.V. Russko-Pol'skaja vojna 1654-1667 [The Russo-Polish war of 1654-1667]. — M., 2006.

Moiseev M. "Steppe Wars: form The Great Standoff on the Ugra River to destruction of the Crimea by the Nogai Horde, 1480-1522." [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

Vvedenskij G.Je. Janychary [The Janissaries]. — SPb, 2003.

Astvacaturjan Je.G. Tureckoe oruzhie [Turkish weapons]. — SPb, 2002.

Bobrov L.A., Pastuhov A.M. Ojratskaja artillerija XVII-XVIII vv.: voprosy proishozhdenija, konstrukcii i boevogo primenenija [Oirat artillery XVII-XVIII centuries: the origins, design and combat use] // Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Central'noj Azii. — Novosibirsk, 2007.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>

Reference:

Bobrov L. The Art of War of the Crimean Tartars and Nogais from the end of the XV to the mid-XVII century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 210-388 <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (28.03.2016)

Л.А. Бобров

ТАКТИЧЕСКОЕ
ИСКУССТВО
КРЫМСКИХ ТАТАР
И НОГАЕВ

конца XV — середины XVII вв.

История Крымского ханства неотделима от истории его войн, оказавших значительное влияние на политическую, экономическую и социальную жизнь данного государственного образования. Эта идея, с небольшими вариациями, вот уже третье столетие повторяется в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Однако историографический парадокс состоит в том, что военная история Крыма XVI–XVIII вв. изучается давно и плодотворно, а военное искусство народов, населявших в этот период территорию ханства, долгое время не привлекало к себе должного внимания историков.

Первые специальные работы, в которых военное дело крымских татар и ногаев стало рассматриваться в качестве самостоятельного объекта научного исследования, появились только в последней четверти XX в.

В 1989 г. вышла в свет статья С.И. Ищенко, в которой были собраны и классифицированы сообщения иностранных путешественников и дипломатов о военном деле крымских татар XVI–XVIII вв.¹ На основании анализа собранных материалов автор пришел к выводу о малой информативности данной разновидности письменных источников. Так, по мнению С.И. Ищенко, *«...авторы записок дали лишь общую*

Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

характеристику военным силам крымских татар, поэтому большинство документов подобного рода носят поверхностный характер... мало сведений об изготовлении оружия, о военных поставках во время походов... недостаточно сведений о характере ведения боя, о военной тактике в сражениях в составе регулярной турецкой армии, либо в боях, где татары выступали как союзническая сила... отсутствуют данные о начале применения татарами огнестрельного оружия» и т.д.² Несмотря на то, что с данным выводом С.И. Ищенко сложно согласиться, необходимо отметить, что его работа была первым специальным исследованием, в котором военное дело крымских татар рассматривалось не в контексте их противостояния Российскому Государству, а в качестве самостоятельного военно-исторического феномена.

В 2003 г. С.В. Дмитриевым была опубликована научная статья, посвященная «военной культуре» крымских татар XVI–XVIII вв.³ В ней автор проанализировал сведения европейских, османских и русских письменных источников, содержащих данные о боевой подготовке, воинских качествах, вооружении, снаряжении, военной организации крымско-татарских отрядов в рассматриваемый исторический период. Некоторое внимание было уделено тактике ведения боя, хотя не все выводы автора относительно данного вопроса выдержали проверку временем. Так, в частности, специальные исследования показали, что притворное бегство, «пляска» и «лава» представляют собой три разных тактических приема, а не три разных названия одного и того же способа ведения сражения, как полагал С. В. Дмитриев⁴. В то же время следует отметить, что рассматриваемая работа сыграла важную роль в деле изучения военной культуры крымских татар, а многие выводы, сделанные С.В. Дмитриевым, касающиеся вооружения, снаряжения, конского парка, системы снабжения, военной стратегии ордынских войск, сохраняют свою актуальность вплоть до настоящего времени.

В 2001 г. В. Остапчуком были проанализированы интересные данные об организации военных операций, военных ритуалах, вооружении и тактике крымско-татарской армии, содержащиеся в османской хронике Реммаль Ходжи (Кайсуни-заде Мехмед Нидаи) «Тарих-и Сагиб Герей хан» («История хана Сахиб-Герей») ⁵. Реммаль Ходжа присоединился к свите Сахиб-Герей в 1532 г. и служил ему вплоть до 1551 г. Сопровождая хана во время военных походов (в «Тарих-и Сагиб Герей

хан» описаны девять из них), Реммаль Ходжа смог подробно описать различные аспекты военной практики крымских татар и ногаев первой половины XVI в., которые и стали объектом изучения В. Остапчука. Анализируя материалы хроники, канадский историк первым из современных исследователей отметил особую роль ружейных стрелков, артиллерии и *вагенбургов* в военном искусстве Крымского ханства⁶.

В. В. Трепавловым были собраны, систематизированы и проанализированы материалы письменных и фольклорных источников о военном деле (вооружению, военной организации, тактике) ногаев XV–XVI вв. На основании полученных данных исследователь пришел к выводу, что «...при объективной ограниченности и относительных недостатках комплекса вооружения и доспехов на общемировом фоне развития военного дела ногаи XV–XVI вв. выглядели в целом достойно»⁷.

В 2009 г. А. Н. Хабибулиным было опубликовано исследование, посвященное типологии оборонительных сооружений Крымского ханства XV–XVIII вв.⁸

Важным этапом в изучении военного искусства крымских татар позднего Средневековья и раннего Нового времени стала работа В. В. Пенского «Военный потенциал Крымского ханства в конце XVI–XVII вв.»⁹. На основании детального анализа письменных источников автор рассмотрел изменения мобилизационных возможностей ханства на данном историческом отрезке. В результате было опровергнуто распространенное в отечественной историографии представление о крымско-татарском войске как о «тьмочисленной» конной армии, насчитывающей 100–200 тыс. всадников. По репрезентированным расчетам, в середине XVI в. даже при тотальной мобилизации всего боеспособного мужского населения ханства его правители не могли выставить в поле более 40–50 тыс. воинов. Максимальная численность ордынских войск второй половины XVI — первой половины XVII вв. (включая вассалов и союзников) не превышала 40–60 тыс. чел.

¹⁰ Если С. И. Ищенко и С. В. Дмитриев рассматривали военное дело крымских татар как некое цельное статичное явление, то В. В. Пенской, в свою очередь, правомерно отстаивал тот факт, что военное искусство ордынцев постепенно эволюционировало, приспособляясь к меняющимся реалиям эпохи. Вслед за В. Остапчуком, В. В. Пенской

приписывал огнестрельному оружию значительную роль в военном деле крымских татар и подвергал обоснованной критике предположение С. И. Ищенко о том, что крымские ханы сохранили золотоордынские военные традиции без существенных изменений¹¹. Вытеснение защитного вооружения из широкого военного обихода крымских татар В. В. Пенской связан как с процессами экономического характера, так и со «стремительным развитием огнестрельного оружия»¹². Различные аспекты крымско-татарской и ногайской тактики ведения полевого боя были проанализированы В. В. Пенским на примере сражений XVI в.: битвы московских и татарских войск при переправе через Оку в 1541 г., сражения при Судьбищах (1555), при Молодях (1572) и др.¹³

Из публикаций последнего времени можно выделить статьи и монографии американского историка Брайана Глина Вильямса, в которых были рассмотрены примеры участия кочевников из числа подданных Крымского ханства в военных компаниях Османской империи¹⁴. Значительный интерес представляет также статья Э. И. Сейдалиева, в которой исследователь сравнил военное дело восточноевропейских кочевников IX–XIII вв. с военным искусством крымских татар позднего Средневековья и раннего Нового времени¹⁵.

Определенная работа по изучению военного искусства крымских татар и ногаев была проделана и автором настоящей публикации. Так, в частности, были проанализированы оружейный и тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины–середины XVII в., рассмотрены ключевые сражения данного периода, а также изменения в особенностях ведения военного дела у тюркских номадов региона, произошедшие под влиянием военного искусства монголоязычных ойратов¹⁶.

В то же время, тему военного искусства крымских татар и ногаев XVI–XVIII вв. сложно считать исчерпанной. Скорее, наоборот, в настоящее время созданы условия для более детального изучения военного дела тюркских кочевников региона. Это стало возможным, прежде всего, благодаря введению в научный оборот многочисленных изобразительных источников, фиксирующих внешний вид и вооружение крымских татар и ногаев XVI–XVIII вв. Так, в частности, в 2003 г. И. В. Зайцевым были изучены изображения крымских ханов и их окружения в османской книжной миниатюре, а также в рисунках европейских художников

XVI–XVII вв.¹⁷ Данная работа была продолжена В.М. Прокопенко, существенно расширившим в рамках электронной публикации 2012 г. профильную подборку за счет многочисленных изображений рядовых татарских и ногайских воинов, выполненных европейскими и азиатскими художниками XVI–XVIII вв.¹⁸

Перспективным направлением для современных научных исследований является привлечение вещественных источников (их сбор, классификация и типологический анализ) при изучении наступательного и защитного вооружения крымских татар и ногаев XV–XVIII вв. Данное направление создает условия для проведения комплексного исследования по военному искусству тюркоязычных номадов Восточной Европы периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Целью настоящей работы является выявление характерных особенностей тактического искусства крымских татар и ногаев конца XV–середины XVII вв., а также фиксация основных этапов и закономерностей его эволюции на протяжении рассматриваемого исторического периода. Под тактикой мы понимаем составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными аспектами в изучении тактики являются порядок боевого строя и приемы ведения сражения, особенности подготовки сражения и развертывания войск (перехода от походного строя к боевому), специфика тактической разведки, отступления и преследования, военные хитрости и др. Ранее данная тема еще не становилась предметом специального научного исследования.

Научную базу настоящей работы составляют русские, османские, польские, литовские, германские, английские, французские, хорватские и др. письменные источники, а также османские и европейские изобразительные материалы XVI–XVII вв. (книжные миниатюры, гравюры, картины, барельефы и др.). В качестве вспомогательных привлекаются вещественные и фольклорные источники.

Хронологические рамки исследования детерминированы важными изменениями в комплексе вооружения и тактике тюркских кочевников Восточной Европы. Так, нижняя граница исследования локализована началом распространения в действующих войсках Крымского ханства огнестрельного оружия. Верхняя граница обусловлена военными

преобразованиями Мухаммед-Гирея в 60-х гг. XVII в., оказавшими значительное влияние уже на дальнейшую эволюцию военного искусства крымских татар.

Вопреки распространенному мнению, эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени является самостоятельным и весьма важным этапом эволюции военного искусства тюркских кочевников Восточной Европы.

Развитие военного дела крымских татар и ногаев второй половины XV–XVII вв. определялось составом и системой организации армии и относительной неразвитостью собственных оружейно-производственных центров, что оказывало существенное влияние на комплекс вооружения и тактику ведения боя. Большое значение имел и тот факт, что Крымское ханство находилось в состоянии перманентной конфронтации со своими оседлыми соседями. Прокатившаяся по Евразии «Пороховая революция» резко увеличила военный потенциал оседло-земледельческих держав¹⁹. Для того чтобы эффективно противостоять многочисленному, хорошо вооруженному и организованному противнику степные правители должны были трансформировать собственные вооруженные силы применительно к новым военно-политическим реалиям региона.

Учитывая тесную взаимосвязь тактики ведения боя с другими отраслями военного искусства, кратко остановимся на основных особенностях эволюции военной организации²⁰ и комплекса вооружения²¹ крымских татар и ногаев XV–XVII вв.

Особенности эволюции военной организации и комплекса вооружения тюркских кочевников Западного Дашт-и Кипчак в период позднего Средневековья и раннего Нового времени

Военная организация Крымского ханства конца XV–XVII вв. имела весьма существенные отличия не только от классической монгольской «десятичной» модели XIII в., но и от ее симбиотического золотоординского деривата XIV в.

По мере усиления центробежных тенденций внутри Монгольской империи, строгая и жесткая «десятичная» система (с ее суровой дисциплиной, вертикальной военной иерархией, делением армии на отряды

«Татарин» и два «татарских хана» из альбома рисунков, изображающих жителей и гостей Стамбула середины XVII в.

Альбом приобретен в 1657–1658 гг.

строго определенной численности) постепенно разрушалась и заменялась «родо-племенной» системой организации вооруженных сил. Характерными элементами последней было превращение родовых/племенных ополчений в главный (а в некоторых случаях единственный) элемент армейской структуры, что на фоне сокращения численности гвардейских подразделений приводило к резкому росту военно-политического влияния родо-племенной знати, снижению уровня военной дисциплины и общей боеспособности армий кочевников в целом. Данный процесс был характерен для всех государственных образований тюркских номадов Дашт-и Кипчак, сформировавшихся на территории бывшего Улуса Джучи, однако, проходил он с разной степенью интенсивности. В силу различных причин политического и социально-экономического характера он затронул Крымское ханство в значительно меньшей степени, чем многих из его ближних и дальних кочевых соседей.

Военно-организационная структура армии Крымского ханства конца XV–XVII вв. имела симбиотический характер и сочетала в себе элементы «десятичной», «родо-племенной» и «османской» модели организации вооруженных сил. В отличие от армий других тюркских кочевников,

ханы из династии Гиреев сумели сохранить в своих войсках достаточно многочисленный и хорошо вооруженный гвардейский корпус, реформированный с учетом османского военного опыта.

Благодаря целенаправленной политике правителей Крыма общая численность войск ханства на протяжении первых двух столетий его существования возросла с 15 тыс. чел. в начале XVI в. до 40–60 тыс. чел. в первой половине XVII в.²²

Вооруженные силы Крымского ханства рассматриваемого исторического периода состояли из ханской гвардии, дружин беев, ополчений кочевых тюркских племен и отрядов вассалов.

Ядро ханской гвардии первоначально формировали отряды османских *капыкулу*: янычары, кавалеристы, артиллеристы и др. (см. ниже). Наряду с османскими подразделениями в состав гвардии входили ружейные стрелки (*секбаны*) и кавалеристы (*сеймены*) набранные среди подданных крымского хана. Османский гвардейский корпус при крымском хане был сформирован в период правления Менгли-Гирея I (1466–1467, 1469–1474, 1478–1515), а затем пополнялся за счет новых отрядов янычар и *сейменов* при Саадет-Гирее I (1523–1532) в 1523 г., Сахиб-Гирее I (1532–1551) в 1532 г., Девлет-Гирее (1551–1577) в 1551 г., Джанибек-Гирее (1610–1623, 1628–1635) в 1610, 1624 и 1628 гг., Мехмед-Гирее III (1623–1628) в 1623 г. и др. Средства («сапожные деньги») на содержание османских гвардейцев при дворе крымского хана присылались из Стамбула. Подразделения *секбанов* были созданы Сахиб-Гиреем как противовес засилью беев. Причем набор в *секбаны* производился вне зависимости от знатности и родовой принадлежности воинов, что вызвало возмущение представителей крымской знати, заявивших, что ханские *секбаны* были набраны «из мерзавцев и разбойников». Территориально *секбаны* размещались в специальном квартале поблизости от ханского дворца Девлет-Сарай. В правление Газы-Гирея II (1588–1596, 1596–1607) был сформирован отдельный отряд ружейных стрелков-*тюфенки*, насчитывавший 500 чел. (преимущественно черкесов). Для содержания гвардейских стрелков Газы-Гирей II ввел для жителей полуострова специальный налог²³. В случае необходимости к ханским войскам присоединялись наемные подразделения, а также отряды из числа мобилизованных оседлых жителей Крыма (греков, готов, татов, черкесов и др.)²⁴.

В состав дружин представителей крымско-татарской знати входили их личные нукеры и отборные кавалерийские соединения. Позднее к ним присоединились отряды ружейных стрелков-*секбанов*, которых беи содержали за собственный счет. Первоначально ключевые позиции в ханстве занимали представители Ширинов, Барынов, Аргынов и Кыпчаков. В период правления Сахиб-Гирея (1532–1551) в число высшей крымской аристократии были включены Сиджеуты и Мансурь (крымская ветвь ногайских Мангытов)²⁵.

Самую многочисленную категорию крымско-татарских войск составляли ополчения племен тюркских номадов, населявших территорию Крымского ханства. Именно они определяли облик вооруженных сил данного государственного образования. Каждый мужчина в возрасте от 15 до 70 лет считался военнообязанным и в случае необходимости мог быть призван в действующую армию. Как правило, проблем с мобилизацией ополчения не возникало, так как поход за пределы полуострова сулил богатую добычу. На протяжении рассматриваемого периода численность ополчения неуклонно возрастала, так как его ряды пополняли многочисленные ногаи, откочевывавшие в Причерноморье из заволжских степей. По данным В.В. Трепавлова «...к концу XVI в. крымская конница уже в значительной степени состояла из *ногаев*»²⁶. В первой половине XVII в. крымские ополчения пополнили новые тысячи ногайских переселенцев, бежавших на территорию ханства, спасаясь от наступающих калмыцких армий. В некоторых военных кампаниях к крымско-татарским войскам присоединялись отряды народов Северного Кавказа (в первую очередь черкесы) во главе со своими военачальниками, а также подданные и вассалы Османской империи (буджакские ногаи, янычары и сипахи Кефе, Очакова, Азова и др.).

Достаточно точное описание военной структуры крымской армии середины XVI в. оставил польский посланник М. Броневский (1578): *«Хан ведет под знаменами в известном порядке войско, а также дружину из вождей, мурз и других знатнейших татар (отрядами этой дружины командуют те, которые в роде своем были начальниками дружин, и самые отряды называются у них различными именами)... Все татарское войско Хана состоит из конницы, за исключением нескольких сотен пеших вооруженных ружьями янычар, которых Хан получает в виде вспомогательного отряда от турок, или содержит*

на свой счет; кроме того берет с собою в поход несколько небольших пушек. Из жителей Таврического полуострова перекопские и крымские, азовские, ногайские, черкесские данники и союзники, князя пятигорских черкесов, служащие на жалованьи, равно как и вольные должны немедленно являться к Хану по его требованию и принимать участие в войне. Очаковские и аккерманские татары, равно как и те, которые имеют заключенный с турецким Султаном неизменные условия, а также нередко татары добруджские, живущие при Дунае, следуют за Ханом на войну, по приказанию турецкого Султана»²⁷.

Организационная структура крымской армии по сравнению с войсками Золотой Орды XIII–XIV вв. изменилась весьма существенно. Такие важные для «десятичной» системы армейские единицы, как *тумен* (10 тыс. воинов) и *минган* (1 тыс. воинов) уже практически совершенно исчезли из военной практики. Судя по косвенным данным, базовыми подразделениями крымско-татарских армий были десятки, полусотни и сотни, которыми командовали *он-баши* (десятники) и *юз-баши* (сотники). Однако организационные и тактические боевые единицы, как правило, плохо коррелировались между собой. В результате в ходе боевых действий племенные подразделения часто имели произвольную численность. Во время похода или сражения племенные отряды могли сводиться в более крупные оперативно-тактические соединения различной численности, которые русские авторы XVI–XVII вв. называли «полками» (см. ниже).

Отряды *капыкулу* были организованы по османскому образцу и на начальном этапе находились под командованием турецких офицеров. Стрелки-*секбаны* (набранные из числа оседлых жителей Крыма: греков, готов, татов, черкесов и др.) делились на полусотни, во главе которых стояли «офицеры» (*одабаши азабов*), как правило, происшедшие из представителей того же народа, который был отведен под их командование (см. ниже). В 40-х гг. XVII в. общее командование ружеными стрелками *тюфенкчи* (которых русские авторы данного периода называли «копычегями», «стрельцами», «янычарами» и др.) осуществлял специальный военный чиновник («*капычийский голова*»), входивший в ближайшее окружение хана. Среди высших «офицеров» *тюфенкчи* русские современники называли также «*капычийского кегью*» (помощника «*копычийского головы*») и «*кул бая*», которого

А. А. Новосельский определяет как командира «...головного отряда *капычеев*»²⁸.

Во время больших походов функции командующего армией осуществлял лично хан, а при его отсутствии — *калга* (наследник престола) или *нуреддин-султан*. В походах меньшего масштаба функции командующего могли быть возложены на ханского визиря, одного из султанов-Чингизидов («царевичей»), одного из мирз и т.д.

Несмотря на организационную пестроту, комбинированная военная система Крымского ханства была достаточно хорошо сбалансирована и позволяла проводить мобилизацию боеспособного населения в максимально сжатые сроки. Наличие многочисленной и хорошо вооруженной гвардии позволяло ханам неоднократно пресекать своеволие могущественной племенной знати и поддерживать в войсках достаточно высокий уровень дисциплины. Последний факт выгодно отличал крымские вооруженные силы от армий других тюркских кочевников данного периода и вызывал искреннюю зависть литовских и польских военных теоретиков: «*Варвары эти сознают, что для всякого народа нет ничего полезнее храбрости и военной дисциплины...*»; «*татары чрезвычайно быстро умеют строить свои ряды и двигать их; эти эскадроны до такой степени приучены слушаться не только приказаний своих начальников, но достаточно одного указания плети, или даже движения руки, чтобы рассеянных привести в порядок*»²⁹ и т.д.

Что касается военной организации ногаев, то в их войсках процесс замещения «десятичной» системы ее «родо-племенным» аналогом зашел значительно дальше, чем в крымско-татарских. Личные дружины биев и мирз были крайне невелики. Вплоть до середины XVI в. в ногайских войсках отсутствовали подразделения, организованные по образцу оседло-земледельческих народов, да и в более поздний период они были представлены в основном иностранными военными контингентами (см. ниже). Доминирующее положение в структуре ордынских армий занимали племенные ополчения, причем отдельный отряд обычно состоял из членов одного *эля* (племени). Что касается «десятичной» системы, то она сохранилась в ногайских войсках лишь фрагментарно. В письменных источниках упоминаются сотники, что предполагает наличие сотенных подразделений³⁰. К сожалению, о существовании более крупных и мелких войсковых единиц (тысяч, десятков) точных данных нет. Формаль-

но верховным главнокомандующим ногайской армии считался *бий*. Однако в результате административных преобразований внутри Ногайской орды в 30-х гг. XVI в. часть функций по военному руководству были переданы нурадину (главе правого крыла орды)³¹. Тем не менее, несмотря на негативные тенденции в системе военной организации ордынских армий, они продолжали представлять собой серьезную военную силу, с которой были вынуждены считаться все ближние и дальние соседи ногаев.

Значительный интерес представляет эволюция комплекса вооружения тюркских кочевников Западного Дашт-и Кипчак периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Авторы XVI — середины XVII вв. оставили многочисленные и весьма подробные описания вооружения крымских татар и ногаев этого периода. Приведем некоторые из них.

Австрийский посол в Московию в 1517 и 1526 гг. Сигизмунд Герберштейн: *«Их оружие — луки и стрелы; сабля у них редка [Здесь и далее выделение наше — Л.Б.]... Если дело доходит до ближнего или рукопашного боя, они быстро бывают разбиты, так как **не имеют ни щитов, ни копий, ни клинков, ни шлемов**, чтобы противостоять врагу в правильной битве»*³².

Литовский дипломат М. Литвин (середина XVI в.)³³: *«Когда в моем присутствии царь отправлял с своим сыном половину войска в помощь туркам в Венгрию, его насчитали 15000; хотя в поход выступали отборные татары, но снарядились они обыкновенным образом, т.е. были почти безоружны; едва десятый или двадцатый из них был вооружен саблею или колчаном, панцири же встречались еще*

Фрагмент гравюры
«Московит в воинском одеянии,
татарин в своем туземном вооружении»
Гравюра Абрахама де Брюина, 1577 г.

*реже; одни имели только палки костяные или деревянные, другие были препоясаны пустыми ножнами без оружия³⁴. Щитов, копий и другого оружия подобного рода они совсем не знают... Татары носят длинные туники без складок и сборок, легкие и удобные для верховой езды и сражений; колпаки у них белые, остроконечные, сделаны не для парада; во время битвы от их высоты и блеска татары имеют более представительный и грозный для врагов вид, хотя и **не имеют обыкновения надевать шлемы**»³⁵.*

[Другой вариант перевода]: «...Люд есть велми худейший и едва пол их есть ежебы луки имели, пансырей же, ниже збруи коея не вопрошай, токмо в шерстяных одеяниях таскаются и в шубах вывороченных, яко же дивии мужие; кийже оружия не имать, той кость кобылью увяжет на ремни вместо оружия, и тако с тем и ездит ничим же иным стоять, токо прут костию своею»³⁶.

Польский посланник в Крым М. Броневский (1578): «Татары употребляют на войне оружие, известное с древнейших времен, именно: копье, кривую и длинную татарскую саблю, турецкий кинжал или персидский, **короткий** и широкий из отличного железа, или дорогой турецкой работы; длинные и быстрые стрелы, колчан, а иногда короткое копье. Они надевают также панцири, шлемы и вообще вооружение персидское или московское, доставшееся им в добычу... Очень многие в татарском войске вовсе не имеют оружия и не употребляются для боевой службы»³⁷.

Английский посланник в Московию в 1588–1589 гг. Д. Флетчер: «Они [крымские татары]... все выезжают на конях и **не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой**. Они отличные наездники и так же хорошо стреляют назад, как и вперед. Некоторые, кроме другого оружия, берут с собой пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей³⁸. **Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, т.е. черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз, и такой же шапки**. Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении... Главное занятие их состоит в стрельбе, к которой они приучают детей с малолетства, не давая им есть до тех пор, пока не попадут в цель, намеченную на каком-нибудь обрубке»³⁹.

Французский наемник на российской и польской службе Ж. Маржерет (1600–1606, 1610–1611): «*Эти наездники [крымские татары] столь искусны, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую; **кроме лука, стрел и сабли другого оружия не знают**, стреляют крепче и вернее на бегу, нежели стоя неподвижно*»⁴⁰.

Голштинский посланник в Персию А. Олеарий (вторая половина 30-х гг. XVII в.) о ногаях, кочующих под Астраханью: «*Нередко на них нападают и грабят их постоянные их враги калмыки... набеги они совершают в то время, когда вода замерзнет и везде оказывается удобным перебежать через нее. Чтобы, однако, татары были в состоянии тем легче встретить врагов и защититься, им в это время из русской оружейной палаты выдаются ружья и другое военное снаряжение, которое они в начале лета опять возвращают. Другого оружия они не имеют права держать при себе*»⁴¹.

Французский инженер на польской службе в 1630–1647 гг. Г. Боплан: «*Простые [татары] надевают на плечи бараний тулуп, выворачивая его шерстью наружу во время зноя и в дождь. Вид их в такой одежде при неожиданной встрече в поле приводит в ужас, ибо их можно принять за белых медведей, оседлавших лошадей. Во время холодов и зимой они выворачивают свои тулупы шерстью внутрь, то же делают и с шапкой, сделанной из такого же материала. Вооружены они саблей, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож, огнивом для высекания огня, шилом и 5–6 саженьями веревок, чтобы связывать пленников, которых они могут захватить во время похода... **Только самые богатые носят кольчуги, остальные же, за неимением таковых, отправляются на войну [считай] голыми**»⁴².*

Хорватский священник и военный теоретик Юрий Крижанич (1663): «*...У крымцев же мало укрепленных острогов; **оружия огнестрельного и оборонительного** [т.е. доспехов — Л.Б.] **также мало, либо вовсе даже нет**... Они носят легкое вооружение, и коней своих также легко навьючивают... Они бьются нестройными рядами, наподобие воронов враспынную налетают с разных сторон и в разные стороны разлетаются; таким способом нападения они утомляют своего неприятеля и приводят в расстройство его ряды*»⁴³.

Османский путешественник Эвлия Челеби (вторая половина 50–60-е гг. XVII в.) о крымско-татарской коннице в целом: «*Тотчас же*

забили в боевые султанские барабаны, и все мусульмане — воители за веру сели на своих скакунов, заранее подготовленных к бою. Весь обоз и двадцать тысяч воинов были оставлены в одном месте, и еще от каждого коша было оставлено по десять человек, а восемьдесят тысяч отборных и могучих батыров и **джигитов, вооруженных колчанами и палицами и одетых в кольчуги**, были высланы вперед в качестве ударной группы войска и с криками „Аллах!“ бросились на войско неверных. Блеск колчанов и ржание лошадей достигали небес, великий натиск опрокидывал все... И войско в мгновение ока столкнулось с рядами неверных. Его высочество хан с несметным войском был готов осторожно выйти из засады»⁴⁴.

«...У татар не было ни огня [огнестрельного оружия], ни защиты [доспехов], но по обычаю, предписанному посланником божьим, у них имелись только стрелы, луки и плетки»⁴⁵.

«...Ханы являются предводителями очень боеспособного войска, в котором нет и признака конюшен, складов и кладовых, кухонь, повозок, верблюдов и упряжек, пушек и ружей, палаток и шатров. [Войско составляет] 80 тысяч конных воинов **с саадаками и вооружением, с плетью в руках...** а у подножия гор собралось войско, подобное морю, **с саадаками и оружием...** Действительно, татарский народ — это народ беспощадный. С помощью Бога они стали мощной защитой рода Османов, и со всеми неверными они ведут битвы, сражения, войны и смертоубийства. **Все они — легковооружённые воины.**»⁴⁶

[О северокавказских ногаях племени Чобан (1666)]: «Все двадцать тысяч сильных и отважных ногайских воинов **с колчанами и в доспехах** являются богатырями, хорошо вооруженными смелыми мужами на сытых лошадях.»⁴⁷

[О ногаях Малой Орды (1666)]: «Одежды их [сшиты] из бараньих шкур. На головах они носят шапки-буреки тоже из шкур лисиц и ягнят. А нижние одежды сшиты из голубой и красной бязи из Мерзифона. И рубашки также из голубой и красной бязи. Кушаки в большинстве своем [сделаны] из шалей и невыделанного шелка. **Оружие то же, что и у других, быстрых как ветер, красноречивых, приятных, победоносных народов. Они ездят на двух сменных лошадях, носят [при себе] мечи, колчаны, нагайки. Другого оружия нет.**»⁴⁸.

[Об ополчении орского (перекопского) бея (1666)]: *«В случае войны и брани он предводительствует тремя тысячами воинов с саадаками и вооружением. По закону рода Чингизидов в каждой битве они составляют боевое охранение»*⁴⁹.

[О ширинах (1666–1667 гг.)]: *«Затем следует Ширин-бей, по закону являющийся предводителем 20 тысяч боеспособных конных татар... Их было до 20 тысяч — воинов в боевом вооружении, с саадаками, в панцирях, кольчугах и шлемах, надетых на шубы»*.

[О мансурах (1666–1667 гг.)]: *«Слева от хана с нуреддин-султаном ходят в походы беи Мансурлу, очень храбрый и богатырский род. Их источником и предводителем является Гази Кая-бей. Он — предводитель 20 тысяч воинов с саадаками и в полном вооружении, в латах и броневых шлемах, которые никогда не отворачивались от врага. Если случается какое-нибудь сражение или битва, первыми на неверных пускают лошадей вместе с капыкулу эти беи Мансурлу. Под рукой Кая-бея находится 140 превосходных мурз»*⁵⁰.

Как видим, практически все авторы сходятся в том, что главным оружием крымско-татарских воинов XVI — первой половины XVII вв. были лук и стрелы, в то время как ударные копья и пики, а также защитное вооружение имели незначительное распространение⁵¹. Во второй половине XVI — первой половине XVII вв. оснащенность крымско-татарских войск саблями несколько улучшилась. Во всяком случае, в этот период (в отличие от С. Герберштена и М. Литвина) авторами перестала подчеркиваться нехватка у татар данного вида оружия. Со второй половины XVI в. в сочинениях европейских и азиатских авторов саадак и сабля («сабля и колчан», «стрелы и сабля», «меч и колчан» и т.д.) становятся предметами стандартного набора вооружения состоятельных крымских воинов⁵². Однако говорить о поголовном обеспечении татар и тем более ногаев саблями, конечно же, не приходится. В некоторых отрядах ордынцев дефицит вооружения (в том числе длинноклинкавого оружия и саадаков) продолжал ощущаться даже в середине XVII в. Так, например, в отряде Муртазы-бея (150–200 всадников) в 1657 г. *«...на три–четыре человека имелась только одна сабля или лук»*⁵³. Бежавший из крымского плена крестьянин рассказывал русским служилым в 1643 г., что в пленившем его татарском отряде (1 000 чел.), совершавшем набег на Московское государство, *«...у многих ружья [т.е. оружия] нет»*⁵⁴.

«Татарский всадник», 1575 г.
Гравюра Абрахама де Брюина (1540–1587)

Из общего ряда авторов, определяющих татар как легковооруженных конных стрелков, выделяются сообщения М. Броневского (1578) и Э. Челеби (1665–1667), где упомянуты татарские панцирники. Что касается М. Броневского, то, судя по упоминанию турецких и персидских кинжалов «из отличного железа, или дорогой турецкой работы», а также «персидского и московского вооружения», польский посланник описывал внешний вид не рядовых воинов, а представителей крымско-татарской знати. Несколько сложнее обстоит дело с сообщениями Эвлия Челеби, который упоминает о многочисленных конных панцирниках в отрядах ногаев Северного Кавказа, а также в крымских войсках ширинов, мансуров (мансурлу, мансур-улы) и др. На наш взгляд, упомянутые Челеби крымские и ногайские панцирные отряды не являлись лишь плодом воображения османского путешественника, а отображали те реальные изменения, происходившие в войсках тюркских номадов региона в середине XVII в. под воздействием войн с калмыками⁵⁵. Однако численность татарских и ногайских панцирников второй половины 50–60-х гг. XVII в. Челеби преувеличивает даже не в разы, а в десятки раз, что, в принципе, характерно для его произведений, в которых реалистичные данные о гарнизонах крепостей и городов региона соседствуют с совершенно фантастическими сведениями о калмыцких караванах из 150 тыс. человек, а также о московских и польских армиях из 300 тыс. воинов.

Таким образом, анализ письменных материалов XVI — XVII вв. позволяет сделать вывод, что на протяжении большей части рассматриваемого периода наиболее распространенным типом воина в составе крымско-татарских и ногайских армий был легковооруженный всадник, главным оружием которого были лук и стрелы. В ближнем бою состоятельные тюркские номады применяли сабли, булавы и кистени, а простые ополченцы — деревянные дубины. Ударные копья и панцири имели в крымско-татарских и ногайских войсках XVI — первой половины XVII вв. незначительное распространение.

Данные письменных источников хорошо коррелируются с изобразительными материалами. Из более чем 200 изображений татарских и ногайских воинов, выполненных европейскими и азиатскими художниками XVI–XVII вв., копьями снабжены менее 9%, панцирями — менее 14%, а саблями — менее 50% степняков. В качестве оружия татар

**Татарские войны
из окружения Адиль-Гирея**
Фрагмент миниатюры из «Шуджат-наме»
Асафи-паши, 1586 г.

**Крымский хан Джанибек-Гирей
и его окружение
во время битвы с иранскими войсками**
Фрагмент миниатюры из «Шехнаме-и
Надири», 20-е гг. XVII в. (Топкапы, Стамбул)

буклук». Тело коня прикрыто красным «чалдаром». Из двух десятков телохранителей и дружинников хана только четверо имеют наручи,

в подавляющем большинстве случаев показаны луки и стрелы. Этот факт выглядит тем более впечатляющим, если учитывать, что на многих картинах и миниатюрах приведены изображения не рядовых ополченцев, а татарских аристократов и их дружинников⁵⁶.

Характерным примером в этой связи является османская книжная миниатюра из «Шехнаме-и Надири» (20-е гг. XVII в.), изображающая крымского хана Джанибек-Гирея и его окружение во время битвы с иранскими войсками в 1617 г. (по другой версии в 1618 г.). Из всех татарских воинов, представленных на миниатюре, полным доспехом обладает лишь сам Джанибек-Гирей (рис. 7). Его голову прикрывает низкий сфероконический шлем северокавказского типа с характерной кольчатой бармицей, снабженной лопастью для защиты лба. Корпус хана защищает кольчатый или кольчато-пластинчатый панцирь с длинными рукавами, поверх которого натянут красный кафтан со сплошным осевым разрезом. Защита конечностей обеспечена створчатыми наручами и кольчато-пластинчатыми набедренниками «дызлык-

Османские и татарские (внизу) войска с ултана Сулеймана и хана Мехмед-Гирея II переправляются через Дунай в 1566 г. Фрагмент миниатюры из «Зафар-наме» Локман бен Хусайна аль-Ашури, 1579 г.

Битва крымских татар и османов с иранцами

Фрагмент миниатюры
из «Шехнаме-и Надири», 20-е гг. XVII в.
(Топкапы, Стамбул)

а один одет в кольчугу. Шлемы и набедренники отсутствуют. Главным оружием воинов являются луки и сабли (причем часть всадников вооружена лишь саадаком). Только один дружинник снабжен копьем с «яблоком» или бунчуком на шейке. Остальные копья, судя по флажкам на древках, являются значками командиров отдельных отрядов. Таким образом, отборные татарские воины из окружения командующего представлены в основном бездоспешными конными лучниками и сабельщиками. Данный факт можно было бы списать на художественную условность, если бы подобная ситуация не повторялась с завидным постоянством на десятках миниатюр, гравюр и картин других азиатских и европейских мастеров.

На османской миниатюре, взятой из сочинения Локман

бен Хусайна аль-Ашури (список 1579 г.), все татарские воины изображены без доспехов. Главным оружием всадников являются луки и стрелы. Некоторые воины вооружены саблями. Конные копейщики отсутствуют.

На другой османской миниатюре, изображающей встречу крымских войск Гази-Гирея II (1588–1597, 1597–1608) с османской армией Мехмеда III, в кольчугу одет лишь сам крымский хан, в то время как его многочисленные воины лишены панцирей и вооружены лишь луками, стрелами и саблями.

На миниатюре из «Шуджат-наме» Асафи-паши (1586) показано сражение у стен Кафы, в котором османским панцирникам и ружейным стрелкам противостоят бездоспешные татарские лучники.

«Татарский солдат» (слева) и «Татарский лучник» (справа), 1576 г.
Гравюры Мельхиора Лорка (1526/1527–1583)

На левой части диптиха с упомянутой выше миниатюры из «Шехнаме-и Надири» изображена схватка татарских и персидских воинов. Образцом для художника послужила картина гератского мастера 1495 г. Практически повторив сюжет, расположение и даже позы сражающихся, художник XVII в., тем не менее, «снял» с крымцев шлемы, панцири и ламинарные кирасы, в которые были облачены тимуридские латники конца XV в., и облачил их в типичные татарские колпаки, халаты и кафтаны. По всей видимости, вид одоспешенных ордынских воинов был непривычен для автора миниатюры и его современников, поэтому художник не рискнул пойти против исторических реалий своей эпохи.

В качестве легковооруженных конных лучников татары показаны на страницах «Шахиншах-наме» Локман бен Хусайн аль-Ашури, «Шехнаме-и Надири», «Шахнаме» Субхи-челеби Талики-заде, «Шуджат-наме» Асафи-паши, гравюрах и рисунках Абрахам де Брюина, Мельхиора Лорка, Жана Тибо, Иоганна Филиппа Лемке и др.

Редкий пример изображения татарской панцирной копейной конницы
Фрагмент миниатюры из «Хюнернаме» (1588 г.), изображающей совместный поход
османской армии Сулеймана Кануни и татарских войск Сахиб-Гирея I
на Молдавию в 1538 г.

Список подобных произведений можно продолжать достаточно долго. Единственным изображением, на котором, как считается, показаны татарские (?) конные панцирники (ханские гвардейцы?), вооруженные копьями, является миниатюра из «Хюнернаме» (1588). На ней изображен совместный поход османской армии Сулеймана Кануни и татарских войск Сахиб-Гирея I на Молдавию в 1538 г.⁵⁷ Однако данное исключение лишь подтверждает общее правило. На данную миниатюру приходится сотни других изображений ордынских воинов, лишенных копий и доспехов. Очевидно, что практически единодушное представление азиатских и европейских авторов о крымских татарах и ногаях как о легковооруженных конных лучниках является объективным с точки зрения исторических реалий XVI — первой половины XVII вв.

Тотальное преобладание легкой лучной конницы при крайней малочисленности доспешных и копейных подразделений существенно отличало крымско-татарские войска от монгольских и золотоордынских армий XIII–XIV в., где конные панцирники играли значительно более заметную роль⁵⁸. Возникает закономерный вопрос:

какие факторы повлияли на трансформацию комплекса вооружения кочевников Западного Дашт-и Кипчак XV — первой половины XVII вв.?

Собранные нами материалы позволяют утверждать, что линия эволюции оружейного комплекса тюркских номадов Восточной Европы, заданная монгольским завоеванием и реформами ордынских правителей XIII–XIV вв., была существенным образом скорректирована в XV–XVI вв. Разрушительные вторжения Тимура, ожесточенные междоусобные войны, разгром городских ремесленных центров и разрыв традиционных торговых связей привели к ухудшению снабжения войск кочевников защитным и наступательным вооружением. Венецианский посланник А. Контарини, интересовавшийся военным делом татар Большой Орды 70-х гг. XV в., отмечал: «*В целой орде не наберется более 2000 человек, вооруженных мечами и луками; остальные совершенно безоружны*»⁵⁹. Со схожими проблемами столкнулись и другие тюркские номады Восточной Европы и Заволжья. Так, например, дефицит качественного вооружения ощущался среди ногаев, которые, по данным В. В. Трепаилова, «...видимо абсолютно не знали металлургии»⁶⁰. Подавляющее большинство ордынцев не имело возможности приобрести дорогие импортные доспехи, ввозившиеся в Западный Дашт-и Кипчак с территории Османской империи, Северного Кавказа, Поволжья, Средней Азии, а местное панцирное производство в силу различных причин не было должным образом развито у тюркских кочевников региона. Ощущалась нехватка и других видов вооружения, и, в первую очередь, сабель (см. выше).

В более выигрышном положении находились правители Крымского ханства. Им удалось наладить торговые связи с Турцией и народами Северного Кавказа. Кроме того, в их владениях находилось несколько относительно крупных ремесленных центров. Теоретически, владыки Бахчисарая могли организовать централизованное снабжение своих войск клинковым оружием, копьями, панцирями и шлемами, возродив латные *кошуны* времен Тохтамыша⁶¹. Однако этого не произошло ни в XVI в., ни в первой половине XVII в.⁶² И дело здесь не только в колоссальной стоимости подобной программы перевооружения, но и в том, что в условиях «Пороховой революции» массовая панцирная конница крымской армии оказалась попросту не нужна.

Крымско-татарские лучники

Фрагмент барельефа на могиле Яна II Казимира в Сен Жермен де При работы Ж. Тибо (1672 г.), посвященной битве под Берестечком 1651 г.

Экономические трудности кочевников Восточной Европы, вызванные нашествием Тимура и междоусобицами XV в., совпали по времени с существенным изменением геополитической ситуации в регионе. Начиная со второй трети XVI в. главным противником крымских татар становятся армии оседло-земледельческих народов, хорошо оснащенные доспехами, огнестрельным и клинковым оружием. Копьеносные «крылатые» гусары, закованные в сталь рейтары, затянутые в кольчуги и бехтерцы воины русской помещной конницы были не только прекрасно вооружены, но и хорошо обучены и дисциплинированы. Вступать в ближний бой с таким противником для плохо вооруженных кочевников было крайне опасно. Это вынуждало крымско-татарских полководцев избегать рукопашных схваток и вести динамичный кавалерийский бой на большой и средней дистанции с акцентом на массированное применение мощных сложносоставных луков «турецкого типа», дальность настильной стрельбы которых превосходила дальность стрельбы пистолетов⁶³. Как мы убедимся ниже, именно на такой способ ведения сражения было ориентировано большинство основных тактических приемов крымских татар: «хоровод», «тулгана», притворное отступление и др. В случае контратаки противника, татары уходили из-под удара вражеских латников, используя преимущество в скорости, которое давали им легкие и выносливые степные кони. Таким образом, базовыми факторами татарской военной практики второй половины XV–XVII вв. окончательно стали мобильность и массированный лучной бой. В этих условиях массовой панцирной коннице, подобной тяжеловооруженным *кошунам* времен Тохтамыша, в военном искусстве татар XVI–XVII вв. просто не было места. Защитное вооружение превратилось в прерогативу знати, наиболее богатых ополченцев и воинов элитных подразделений⁶⁴.

Соответственно, резко снизилось значение длиннодревкового оружия и конного копейного боя. Символом крымской армии в XVI в.

окончательно становится легкий конный лучник. В рукопашную схватку такие бездоспешные всадники вступали крайне неохотно и лишь при значительном численном превосходстве. При этом главным оружием ближнего боя были не ударные копья и пики, а сабли, а также дубины, палицы, кистени и т.д. И без того малочисленное длиннодревковое оружие было представлено в основном рогатинами и дротиками. К началу XVII в. роль копейной атаки в военном искусстве крымских татар была предельно минимизирована⁶⁵.

Таким образом, подчеркнутая легкость оружейного комплекса «ветроподобных татар» (термин Эвлия Челеби) была обусловлена не только существующей системой снабжения, неразвитостью оружейных производств, составом войск, но и особенностями военного дела противников Крымского ханства. Чем более грозной, бронированной и огненосной становилась кавалерия восточноевропейских народов, тем более легкое и подвижное вооружение использовали татары. С крепостью доспеха европейской кавалерии ордынцы предпочитали бороться длинной стрелой, стремительным маневром, скоростью и легкостью своих боевых коней. Чтобы обеспечить армии максимально возможную мобильность, каждый татарский воин должен был брать с собой в поход от 2 до 5 лошадей⁶⁶.

Крымско-татарские полководцы быстро осознали уроки «Пороховой революции». Соревноваться с оседло-земледельческими народами в части огнестрельного оружия и защитного вооружения было бесполезно. Чтобы сохранить конкурентоспособность, надо было встроиться в новую военно-политическую реальность, приспособиться к новому балансу сил в регионе и научиться играть не по правилам. Эту игру «не по правилам» крымско-татарские полководцы вели блестяще. Обновленную ордынскую конницу было легко отбить, сложно разбить и невозможно уничтожить.

Слабости крымско-татарской армии были оборотной стороной ее достоинств. Акцент на маневр и лучной удар предполагал высокую мобильность войск, способных в случае необходимости быстро и организованно покинуть поле сражения, а затем также стремительно вернуться и неожиданно атаковать фланги и тыл противника. Но как ни старались степные полководцы избежать позиционных боев, обстоятельства битвы могли потребовать от татарской армии сражения

Гравюра «Ключевая битва» (1506 г.), первая треть XVI в.

Основная масса крымских татар представлена бездеспешными конными лучниками.
Только отдельные воины вооружены саблями.

от обороны. А вот с этим у крымских войск были серьезные проблемы. Малочисленность панцирников и копейщиков делала крымцев уязвимыми в ближнем бою и снижала устойчивость татарских войск на поле сражения в целом. Значительную сложность представлял и встречный

бой с многочисленной ногайской конницей, использующей схожее вооружение и тактику. Выход из ситуации военачальники ханства видели в применении инновационных видов вооружения и новых тактических приемов. В результате основной тенденцией в развитии военного дела крымских татар XVI–XVII вв. стало распространение огнестрельного оружия и соответствующей тактики ведения боя (см. ниже).

Вооружение и тактика крымских татар весьма точно соответствовали военно-политической стратегии Крымского ханства, ориентированной не на присоединение и удержание, а на ограбление соседних территорий. Важнейшим источником дохода крымских татар XVI–XVII вв. была военная добыча, захватываемая в результате набегов на земли соседних оседло-земледельческих государств. Даже во время больших походов с заявленными политическими целями, ключевым критерием оценки удачности военного предприятия служило количество приобретенных трофеев (материальных ценностей, пленных, скота). Задачи удержать за собой разоряемые земли собственными силами, как правило, не ставилось. Политико-экономическая стратегия Крыма оказывала прямое воздействие на стратегию военную. Основой боевых действий крымских войск являлись быстрые рейды вглубь территории противника. Татарские военачальники стремились избегать генеральных сражений и длительных осад хорошо укрепленных крепостей. Вражеские армии крымцы старались бить по частям, широко применяя глубокие и скрытные обходные маневры. Нанеся серию стремительных ударов и разграбив окрестности, татарские отряды отходили в степь, где настигнуть их силами тяжелой кавалерии европейского образца было практически невозможно. При реализации подобной стратегии большинство оперативных тактических задач решалось силами легкой стрелковой конницы.

Как показали военные компании XVI — первой половины XVII вв., обновленная крымско-татарская армия оказалась исключительно опасным противником для войск Московского государства, Велико-го Княжества Литовского, Польского королевства (позднее — Речи Посполитой), Австрийской империи, Венгрии и других государств. Однако встроенность крымско-татарского военного искусства в военно-политические реалии Восточной Европы сыграла с ордынцами злую шутку. Когда из восточных степей во владения Большой Ногайской

Орды и Крымского ханства хлынули племена монголоязычных ойратов (калмыков), это чуть было не закончилось для тюркских номадов региона военной катастрофой. Ойратская конница не уступала ордынцам в скорости, а за счет массового применения длиннодревкового оружия и доспехов — значительно превосходила их в ближнем бою⁶⁷. В результате Большая Ногайская Орда пала под ударами «копийных и куюшных» калмыков, а крымским ханам пришлось предпринимать экстраординарные меры, чтобы остановить дальнейшее продвижение ойратов на запад.

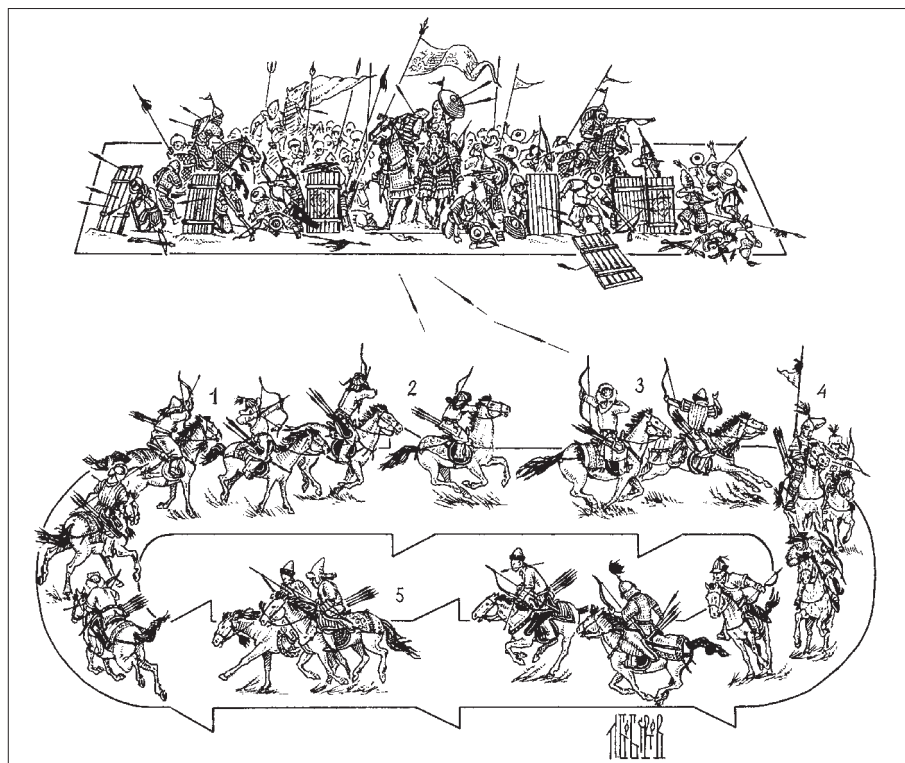
Крымско-татарская и ногайская тактика ведения боя в конном строю в XVI — середине XVII вв.

Основу традиционного тактического искусства кочевников Дашт-и Кипчак эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени составляли разнообразные приемы ведения конного боя, вызывавшие восхищение, а подчас и ужас иностранных наблюдателей. Комплексный анализ письменных, изобразительных и вещественных источников позволяет реконструировать ключевые приемы, применявшиеся в бою.

«Хоровод»

«Хоровод» — оригинальный кольцевидный строй кочевников для ведения лучного боя на средней и малой дистанции⁶⁸.

Данный военно-исторический феномен был впервые подробно проанализирован М. В. Гореликом в статье, посвященной военному делу татаро-монголов⁶⁹. Он же предложил два варианта названия построения — «хоровод» или «карусель» (там же). Исследователь обратил внимание на интересную фразу Марко Поло (в версии Рамузио) относительно действий конных монгольских лучников в бою: *«Татары, когда сражаются с врагом, так не смешиваются, а все скачут кругом да стреляют»*⁷⁰. М. В. Горелик совершенно справедливо соотнес кольцевидный строй монгольских конных лучников XIII в. с описаниями аналогичного строя кочевников Восточной Европы XVI в.⁷¹ По мнению исследователя, обстрел противника велся стрелами с большими тяжелыми наконечниками с дистанции 20–40 м., причем *«...точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы его луков»*⁷².

«Хоровод» конных лучников» (реконструкция Боброва Л.А.)

1. Стрельба из положения влево-вперед. 2. Стрельба из положения влево-вбок.
3. Стрельба из положения влево-назад. 4. Командир отряда конных лучников («вожатый» по С. Герберштейну) пресекает попытку нарушить строй.
5. Во время движения по внешней стороне кольца «хоровода» всадники поправляют снаряжение и достают из колчана стрелы.

Позднесредневековые материалы позволяют уточнить особенности данного боевого построения, а также выявить его сильные и слабые стороны.

Подробное описание кольцевидного построения конных тюркских лучников (сделанное со слов русских воинов), оставил имперский посол в Московии С. Герберштейн: *«Когда им [татарам. — Л.Б.] приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих*

и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют „пляской“ [то есть рус. „хоровод“ — Л.Б.]... они заводят „пляску“, как называют ее москвиты; командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ним — другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним. Если они сумеют устроить дело так, то преимущество на их стороне, но если командиры, едущие впереди отрядов, погибнут или оробеют, то они быстро приходят в замешательство»⁷³.

Вероятно, этот же тактический прием в исполнении номадов Восточного Дашт-и Кыпчака в начале XVI в. описан и Захир ад-Дином Бабуром: «Вот еще один [способ нападения]: передние и задние, беки и нукеры, все вместе мчатся во весь дух, пуская стрелы; они тоже не отступают в беспорядке и скачут назад во весь опор»⁷⁴.

Таким образом, «хоровод» представлял собой замкнутое (вероятно вытянутое вдоль вражеского строя) кольцо конных лучников, поражающих врагов стрелами на полном скаку. Учитывая скорость стрельбы из лука, можно с большой долей уверенности утверждать, что воин-степняк, проносясь вдоль строя противника, выпускал по врагу не одну, а 2–3 и более стрел. Особое значение имел тот факт, что каждый лучник мог выбрать для себя максимально удобное расстояние и положение для стрельбы: «влево-вперед», «влево-вбок», «влево-назад». По этой же причине вращающееся кольцо всадников не могло быть широким. Чтобы не мешать друг другу прицеливаться и стрелять, конники должны были двигаться в один, или, максимум, в два ряда (в противном случае стрельба из внутренних рядов «хоровода» могла быть только навесной).

Несмотря на кажущуюся простоту, данный тактический прием был достаточно сложен в исполнении, требовал от лучников высокой точности движений, координации и дисциплины, поэтому воины, участвующие в «хороводе», были разделены на отдельные небольшие отряды

«Хоровод» татарских конных лучников останавливает атаку литовских гусар
Фрагмент гравюры Клецкая битва (1506 г.), первая треть XVI в.

Стилизованное изображение «хоровода» (?), ведущего дистанционный бой с артиллерией и аркебузирами. За лучниками расположен крымский резерв

Фрагмент гравюры Клецкая битва (1506 г.), первая треть XVI в.

(десятки?) во главе с «вожатыми», точно знающими положение своего подразделения в строю.

Стилизованные изображения крымско-татарского «хоровода», вероятно, приведены на гравюре первой трети XVI в., изображающей Клецкую битву (06.08.1506). В нижней части рисунка показаны скачущие по кругу конные татарские лучники, развернувшие «хоровод» у опушки леса. Стрелки обращают в бегство часть литовских гусар, вооруженных копьями и щитами. Поле перед «хороводом» покрыто телами убитых и раненых людей и лошадей. По всей видимости, художник слышал о таком строе кочевников, но сам его не видел, поэтому татарские всадники на рисунке скачут против часовой стрелки, что вызывало бы затруднения в реальном бою. В верхней части гравюры показан дистанционный бой татарских лучников, составивших малый «хоровод» (?) с пешими литовскими аркебузирами и артиллерией. За спиной стрелков размещается большой резервный татарский «полк».

Наряду с основным вариантом «хоровода», когда кольцо лучников раскручивалось непосредственно перед строем противника, можно предполагать и наличие в военной практике номадов большого (внешнего) «хоровода», когда цепь конных лучников охватывало построение противника со всех сторон, заключая его в кольцо. Такой вариант «хоровода» позволял еще более усилить эффективность лучного боя, так как всадники не делали вынужденную паузу в стрельбе при прохождении внешней дуги кольца. По всей видимости, именно «внешний хоровод» был применен крымско-татарскими полководцами

в сражении с гунуэзцами при Солхате в 1434 г. Степняки неожиданно атаковали европейские отряды на марше и, заключив их в вытянутое кольцо скачущих всадников, расстреливали из луков, а пытающихся вырваться из окружения рубили саблями⁷⁵. Однако данный вариант «хоровода» нес и дополнительные риски, так как воины на одной его стороне не могли знать, что происходит на другой стороне построения, закрытого от их глаз вражескими рядами.

Главная задача «хоровода» заключалась в нанесении максимального урона противнику в дистанционном бою. Оригинальный строй из проносящихся конных лучников позволял обеспечить непрерывный «дождь стрел», о котором с содроганием писали хронисты оседло-земледельческих народов. Благодаря тому, что степные военачальники раскручивали кольцо конных лучников в непосредственной близости от вражеского строя, стрельба велась с минимальной (или средней) дистанции и приводила к чудовищным потерям среди обороняющихся воинов и их боевых коней. Смертоносный «ливень» буквально выкашивал построения противника, заставлял паниковать, провоцировал на неподготовленную атаку или обращал в бегство.

Чем пассивней вели себя вражеские войска, чем больше было в их рядах пехоты, снабженной только оружием ближнего боя, тем большую опасность представлял для них «хоровод». Однако даже наличие в пехотном строю некоторого количества лучников и арбалетчиков не решало проблемы, так как частота стрельбы проносящихся вдоль строя и быстро сменяющих друг друга конных лучников была значительно выше, чем пеших стрелков, которые должны были еще перезаряжать свои арбалеты. В случае контратаки тяжелой конницы противника составлявшие «хоровод» лучники могли резко повернуть коней и, пользуясь преимуществом в скорости, уходить от противника. При этом они продолжали поражать преследующих их латников и их коней стрелами из положения «влево назад» и нередко выводили их под удар засадных отрядов (см. ниже).

Вопрос о моменте появления «хоровода» в военном искусстве кочевников Евразии остается открытым. Так, например, М. В. Горелик предполагает, что он мог применяться степными военачальниками уже в эпоху Древности⁷⁶. Не оспаривая эту точку зрения, отметим, что упоминания современников о данном тактическом приеме относятся

к периодам развитого и позднего Средневековья. Вероятно, на это время и приходится расцвет применения тактики «хоровода» конных лучников. В пользу данной версии свидетельствуют и археологические материалы. Одновременно с завоевательными походами монголов среди кочевников Евразии стремительно растет популярность луков с центральной веслообразной накладкой и стрел с плоским широким пером. Это оружие является оптимальным для ведения интенсивного лучного боя на малой и средней дистанции. Луки с центральной накладкой были более надежны при частой и быстрой стрельбе, кроме того, их можно было хранить в налuche с натянутой тетивой (то есть в постоянной боевой готовности). Стрелы с большими плоскими наконечниками были менее устойчивы в полете, чем их раннесредневековые трехлопастные аналоги, а значит, менее эффективны при прицельной стрельбе на дальней дистанции. Зато они были исключительно полезны при стрельбе на малой и средней дистанции (то есть дистанции «хоровода»), более компактны (что позволяло увеличить колчаный боекомплект лучника) и просты в изготовлении⁷⁷. Сочетание такого подходящего оружия с приемом «хоровода», применяемого дисциплинированными отрядами конных стрелков, создавало потрясающий боевой эффект, позволявший монголам нанести противнику огромные потери, не вступая в ближний бой: *«У них заведено, чтобы каждый воин в сражении имел шестьдесят стрел, тридцать маленьких — метать [на дальней дистанции — Л.Б.] и тридцать больших, с железными широкими наконечниками; они их бросают вблизи, в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят ими друг другу»*⁷⁸.

До нашего времени дошло более 200 наконечников стрел, которые могут быть отнесены к комплексу вооружения крымских татар и ногаев XV–XVII вв. Численно преобладают «универсальные» наконечники с линзовидным и ромбическим в сечении пером удлинненно-треугольной и удлинненно-ромбической формы (более 50%). Однако около 25% наконечников составляют образцы с крупным плоским пером. По всей видимости, стрелы, снабженные такими наконечниками, как раз и применялись в ходе выполнения тактического приема типа «хоровод».

Современные исследователи, как правило, отзываются о данном строе кочевников, отмечая исключительную степень его превосход-

ства. Однако, отмечая несомненную эффективность «хоровода», мы считаем необходимым указать и на слабые стороны данного построения. К их числу следует отнести уязвимость «хоровода» перед неожиданной и быстрой контратакой противника, проводимой большими массами конницы, а также неуправляемость кольца лучников в случае гибели или ошибки «вожатых». Последний фактор особенно подчеркивал С. Герберштейн: *«Если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага»*⁷⁹.

Еще одним фактором, ограничивавшим применение «хоровода» в военной практике номадов, было само поле сражения. Для того чтобы раскрутить «хоровод», требовалось большое и ровное открытое пространство, позволявшее свободно реализовать данный маневр, *«...если же им приходилось сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство»*⁸⁰.

По мере распространения в войсках оседло-земледельческих народов огнестрельного оружия появлялись новые формы борьбы с «хороводами» конных лучников. Важнейшим из них стало ведение массовой ружейной и пушечной стрельбы под защитой деревянных щитов тележных *вагенбургов* и *«гуляй-городов»*. Как уже отмечалось выше, чтобы все участвующие в «хороводе» лучники могли эффективно поражать противника (независимо от уровня подготовки воина, а также состояния и качества его лука), кольцо всадников должно было раскручиваться в непосредственной близости от вражеского строя. Однако по мере приближения к польским *жолнерам*, русским пицальникам или османским янычарам степняки лишали себя преимущества в дальности стрельбы (которое давали им сложносоставные луки) и входили в зону поражения огнестрельного оружия. При этом опасность составляли не только сами ядра и ружейные пули, но и грохот выстрелов, по сообщениям современников, очень пугавший татарских и ногайских лошадей⁸¹. Если одна или несколько из них начинали беситься во время исполнения маневра, это могло нарушить стройность «хоровода» и чистоту исполнения всего тактического приема. В этой ситуации ордынцам оставалось уповать только на скорострельность и точность стрельбы. Однако и это преимущество нивелиро-

валось в том случае, если обороняющиеся мушкетеры и пищальники укрывались за бортами телег табора. Одолевать такие «огнедышащие» полевые укрепления с помощью «хоровода» было практически невозможно, что наглядно продемонстрировали Молодинская битва 1572 г., сражение под Москвой в 1591 г., бои под Каменцом в 1617 г., Конотопом и Путивлем 29.06–06.07. 1659 г. и др. Данный фактор должен был сказаться на постепенном снижении популярности рассматриваемого тактического приема в военном искусстве крымских татар и ногаев на протяжении XVI в.

Финальную точку в истории кавалерийского «хоровода» как преобладающей формы ведения дистанционного боя поставило ойратское (калмыцкое) нашествие XVII в. Настоящим «убийцей хороводов» стал стремительный ойратский «копийный напуск» XVII в.⁸² Ойратские военачальники нарушили неписаный закон периода раннего и развитого Средневековья и начали снабжать своих легких лучников длинными кавалерийскими пиками «*дарджа дав*», в результате чего на полях сражений появилась новая разновидность конницы, составленной из легких копейщиков. Как показали военные конфликты XVII в., решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух лавин легковооруженных воинов отряд, снабженный луками и копьями, имел очевидные преимущества перед отрядом, вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительный урон в ближнем бою и повести активное преследование, поражая отступающего врага все теми же пиками. В случае необходимости воин мог забросить снабженное погонным ремнем копьё за спину и взять в руки лук. Если враг все же пытался оказать сопротивление, ойратские тайши (князья) выкладывали свой второй козырь — массовую панцирную («куяшную») конницу, аналогов которой крымские татары и ногаи не имели.

Столкнувшись на полях сражений с калмыцким «копийным и куюшным напуском», ногаи испытали настоящий шок: «*Нагаиским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо и против них не ставали они, нигде и биться с ними не умеют*»⁸³. Массированная атака ойратской копейной конницы (панцирной и легкой) буквально сметала ногайских стрелков с поля боя. Сформировавшие «хоровод» лучники

Ойратская легкая копейная конница преследует сибирских татар хана Кучума
Фрагмент миниатюры из «Ремезовской летописи», конец XVII – начало XVIII вв.

не успевали взять разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских или ногайских и оторваться от свирепых косоплетов было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. Лучная стрельба по преследователям из положения влево-назад, столь эффективная против московской, литовской и польской кавалерии, в боях с ойратами не давала нужного эффекта, так как калмыки владели саадаком не хуже своих тюркских противников. Кроме того, вести стрельбу преследователям было значительно проще, чем убегающим, вынужденным оборачиваться на 180 градусов (рис. 21). Когда же калмыцкие кони настигали ногайских «бахматов», ойраты кололи

беглецов длинными пиками. Отточенная в бесконечных войнах с оседлыми народами тактическая схема ногаев и крымских татар оказалась бесполезна в схватках с копыеносной калмыцкой конницей.

Таким образом, снижение роли приема «хоровода» конных лучников в тактическом искусстве тюркских кочевников Дашт-и Кипчак на протяжении рассматриваемого исторического периода было связано с распространением огнестрельного оружия и изменением тактики ведения конного боя в эпоху «Малого монгольского (ойратского) нашествия». В первой половине XVII в. «хоровод» применялся крымскими татарами и ногаями все реже и реже, пока окончательно не перешел в категорию вспомогательных тактических приемов.

Тулгама

Тулгама — тактический прием, предусматривавший охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям. Название приема происходит от тюркского глагола «*тулгамак*», то есть «окружить», «обвернуть», «обратить», «кружить», «крутить».

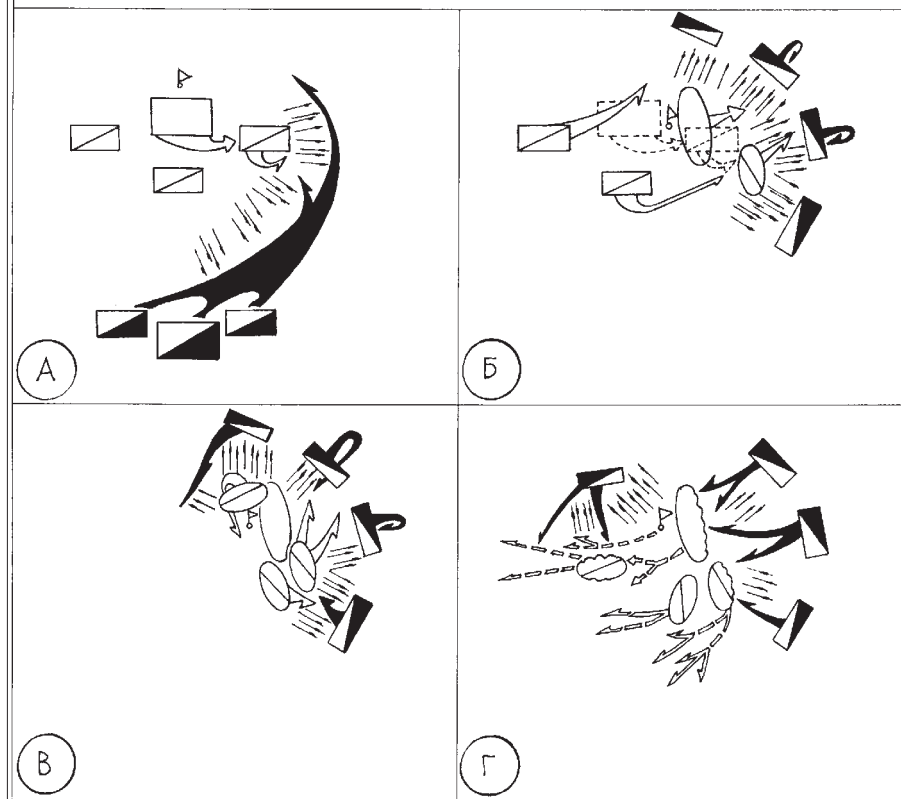
В отличие от других тактических приемов кочевников *тулгама* долгое время не становилась объектом специального научного исследования. Как правило, данный маневр упоминался авторами общеисторических трудов, посвященных народам Великой степи XV–XVI вв., но без детального анализа собственно его военно-тактических особенностей⁸⁴. В результате в современной научной литературе рассматриваемый тактический прием получил весьма разнообразные толкования, вплоть до самых экзотических⁸⁵. Это тем более удивительно, учитывая, что содержание и смысл этого маневра были подробно описаны современниками событий. Классическим описанием *тулгама* может считаться сообщение знаменитого потомка Тимура правителя Ферганы (а в дальнейшем основателя Империи Великих Моголов) Захир ад-Дина Бабура, который столкнулся с данным тактическим приемом кочевников Дашт-и Кипчак в сражении у Ходжа Кардзана в 1501 г. Детальное описание маневра позволяет реконструировать все основные этапы его выполнения: *«Когда ряды сблизились, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл; тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, выдавшие битвы*

*и рубившиеся мечом, оказались на правой руке; перед ним [авангардом] не осталось ни одного человека. Все же мы отбили и оттеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру... **Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл.** Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. **Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы...** Мы несколько раз нападали на противника и с боем оттесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление. **Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя** [т.е. в сторону ставки командования]; **они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая „тулгама“.** Ни одного боя не бывает без тулгамы»⁸⁶.*

Таким образом, в начале выполнения маневра войска кочевников, пользуясь преимуществом в скорости, обходили один из флангов армии противника, одновременно нанося мощный лучной удар по его построениям. Охват фланга вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим, что приводило к нарушению боевых порядков, но не решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами как с фронта, так и с фланга и с тыла. В случае необходимости номады повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах. Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из-под удара конницы противника, а затем снова возвращались на поле боя. При этом вражеские войска, вынужденные совершать непредусмотренные планом боя развороты и перестроения под ливнем стрел, неизбежно нарушали строй. В конечном счете это приводило к смещению рядов и отступлению войск противника.

Главная роль при выполнении классического *тулгамы* (как и в «хороводе») отводилась массированной лучной стрельбе. Ни о каком «таранном» ударе, упоминаемом некоторыми современными авторами, речи в источниках не идет. Рукопашная схватка не исключалась при выполнении маневра, но не являлась его обязательным элементом. Главное отличие «хоровода» от *тулгамы* заключалось в том, что во втором

Тактический прием «Тулгама» конца XV-XVI вв.

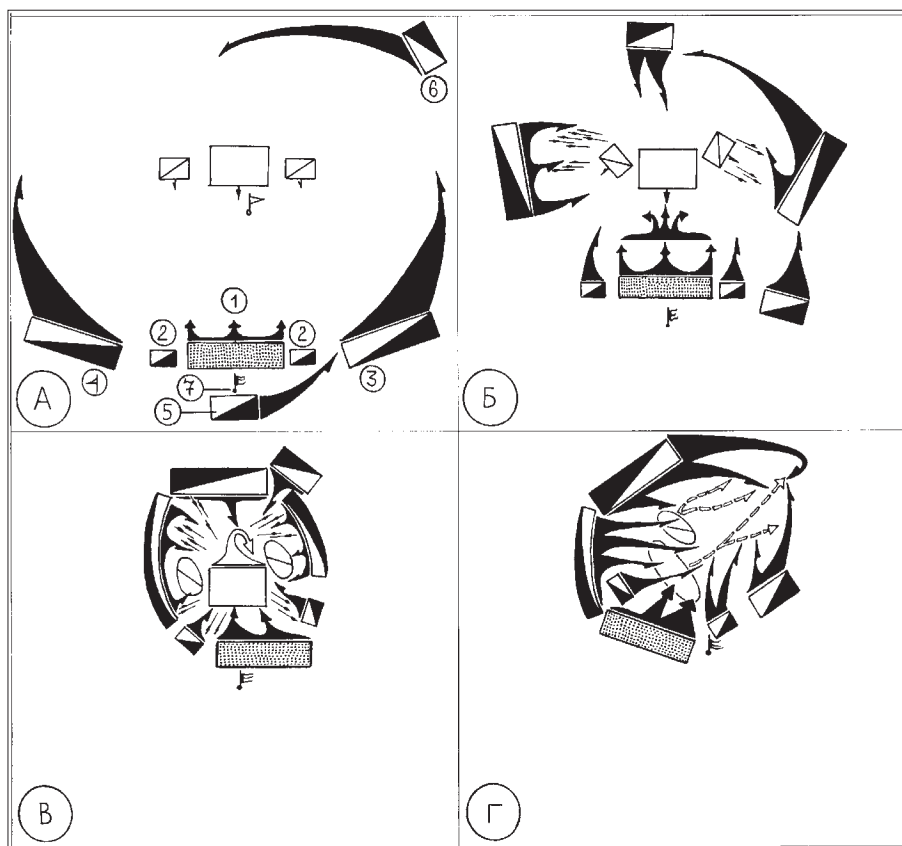

Тактический прием тулгама на примере сражения у Ходжа Кардзана (1501 г.)
 Реконструкция Боброва Л.А.

случае приоритет отдавался маневру, а обстрел противника велся не только с фронта, но и с фланга и с тыла. Однако нельзя исключать, что *тулгама* могла включать в себя (как составные части атаки) и «хороводы» конных лучников.⁸⁷ Следует также подчеркнуть, что *тулгама* могла осуществляться как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком.

Представляется возможным выделить три основных разновидности рассматриваемого тактического приема: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) *тулгама*⁸⁸.

Наиболее типичной являлась правофланговая *тулгама*, при выполнении которой кочевники атаковали левое крыло противника своим

Парная (двойная) тулгма
Реконструкция Боброва Л.А.

правым флангом (рис. 22). Доминирование данной разновидности маневра вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу по врагу из максимально удобного положения (влево–вперед, влево, и влево–назад), что было бы затруднительно, если бы противник находился справа от атакующей конницы⁸⁹. Лаконичное, но очень точное описание правофлангового крымско-татарского *тулгма* оставил М. Литвин (1550): «*В битвах они [татары] храбрее москвитян, хотя вооружение их хуже; в начале атаки они стараются всегда обойти левое крыло неприятеля для того, чтобы удобнее выпускать стрелы*»⁹⁰.

Тем не менее, в некоторых случаях, чтобы маневр был неожиданностью для противника, он осуществлялся левым крылом армии кочевников. Однако, в силу указанных выше причин, левофланговая *тулгاما* при прочих равных условиях была менее эффективна, чем ее правофланговый аналог. Так, например, во время ноябрьских боев 1655 г. крымские татары раз за разом повторяли левофланговую *тулгаму*, атакуя правый фланг русской армии, однако, им так и не удалось добиться решения поставленной тактической задачи⁹¹.

Технологически самой сложной была двойная (парная *тулгاما*), при реализации которой фланговые отряды обходили армию противника с двух сторон, замыкая ее в кольцо, после чего атаковали с разных направлений⁹². В некоторых случаях кольцо окружения не замыкалось до конца или даже специально размыкалось, провоцируя блокированного противника к бегству по этому «спасительному» коридору. Как только враг ломал строй и устремлялся в открытый проход, кочевники нападали и истребляли его. Данный прием требовал высокого уровня координации фланговых отрядов, быстроты и точности исполнения маневра⁹³.

Примером эффективной реализации парной *тулгамы* в крымско-татарском исполнении является второй этап Конотопской битвы, который Мухаммед-Гирей и Карач-Бей разыграли в точном соответствии с монгольскими и ордынскими традициями XIII–XIV вв. Пока казаки и поляки связали русские войска фронтальным боем на переправе у р. Куколка, татарские отряды переправились через реку у Сарановки и, совершив правофланговую *тулгаму*, атаковали московские войска с фланга и тыла. В то же время другой татарско-казацкий отряд форсировал реку у Поповки и обошел правый русский фланг. Парная *тулгاما* в очередной раз продемонстрировала свою исключительную эффективность и, согласно рассказам участникам сражения, оказала решающее влияние на исход битвы.

Поляк Т. Корчевский: *«Немалая часть войска, уже было переправилась через переправу, на которой находились лишь войска московские, а хан обошел на другой переправе в тыл оным. Как скоро хан им в тыл прошел, то тотчас конфузиза стала между ними».*

Донские казаки Е. Попов и Е. Панов: *«Татаровя де в то время, зашед с обе стороны, на государевых ратных людей ударили и государевых ратных людей смешали».*

«Авиз из табора»: *«На правом крыле и на левом переправилась орда и охватила тыл этой переправы у московитов, которые ее обороняли».*

Гетман И. Выговский: *«Орда же, напав с тыла, так их смешала, что почти не осталось порядка, они стали убегать, а мы на их плечах гнали их полторы мили аж до Конотона, устелив поля многими трупами; и малу кто из них убежал до таборов, как подтвердили нам взятые языки»⁹⁴.*

Весьма успешно двойная *тулгана* была применена крымскими военачальниками в битве с османской армией у Карасубазара в 1624 г. Пока запорожские казаки связали дистанционным боем турецких янычар в центре, татарская и ногайская конница обошла османов с флангов и начала засыпать их стрелами. Угроза окружения стала одной из причин бегства с поля боя сначала османской кавалерии, а затем и пехоты, значительная часть которой была истреблена татарами в ходе преследования⁹⁵.

Сталкиваясь на полях сражений с московскими, казацкими и польскими таборами, ордынцы попытались приспособить для борьбы с ними традиционную *тулгана*. Для этой цели татарская конница рысью или галопом раз за разом огибала вражеский *вагенбург*, засыпая его простыми и зажигательными стрелами. При этом использовалась как настильная, так и навесная стрельба, которая позволяла поражать воинов и лошадей противника, находящихся внутри полевых укреплений: *«Несметное войско неслышно пошло на лагерь, и когда до лагеря осталось расстояние, равное пушечному выстрелу, все воины ислама протянули руки к колчанам и на тетиву каждого лука положили по две–три тяжелые стрелы и к наконечнику каждой стрелы привязали по одному–два куска серы, а серу подожгли»⁹⁶.*

Наряду с тактической, крымско-татарскими полководцами применялась и оперативная парная *тулгана*. При бое через Оку в 1572 г. Девлет-Гирей связал главные силы русских артиллерийской дуэлью, в то время как ширинцы Дивей-мурзы и ногаи Тягриберди-мурзы переправились слева и справа от развернувшегося сражения, что вынудило русских в конечном счете начать отступление⁹⁷.

Вопрос о проявлении *тулгана* в военном искусстве номадов остается открытым. Можно предполагать, что его история уходит корнями

в периоды поздней Древности и раннего Средневековья. Однако первые подробные и достоверные сведения о применении *тулгاما* степными военачальниками относятся к периоду Великих монгольских завоеваний XIII в.⁹⁸

Подобрать средство против *тулгاما* в рамках традиционной средневековой тактики было крайне сложно. Опираясь на превосходство в плане мобильности и дистанционного боя, номады могли раз за разом безнаказанно повторять маневр, ускользая из-под контрударов противника и обрушивая на него ливень стрел. Противостоять *тулгاما* в военно-исторических реалиях XIV–XVI вв. можно было лишь при эффективном использовании многочисленных фланговых охранений («*канбулов*») в комбинации с автономными резервными корпусами (Кондурчинское сражение 1391 г., битва на Тереке в 1395 г.), а также задействуя значительные по численности засадные группы (Куликовская битва). Иные способы противодействия легкой лучной коннице кочевников (фронтальные атаки, фланговые прорывы, разворот фронта и др.), как правило, не приводили к желаемому результату (битвы на Ворскле в 1399 г., у Ходжа Кардзана в 1501 г. и др.). Эффективное применение *тулгاما* в ходе кампаний начала XVI вв. стало одним из ключевых военных факторов, позволивших «кочевым узбекам» одержать победы над тимуридскими армиями и установить свой контроль над Мавераннахром. По выражению З. Бабура, имевшего значительный опыт боев с армиями кочевников Дашт-и Кипчак конца XV — начала XVI вв., именно *тулгاما* лежала в основе тактического искусства тюркских номадов региона: «*Великое искусство в бою узбеков эта самая „тулгاما“. Ни одного боя не бывает без тулгамы*»⁹⁹.

На другом конце Дашт-и Кипчак идентичный тактический прием с успехом использовали крымские татары. При этом местные степные полководцы весьма умело комбинировали данный маневр с другими базовыми тактическими приемами кочевников. Наиболее эффективным было сочетание *тулгاما* с притворным бегством и засадами (см. ниже). Эвлией Челеби описан пример применения *тулгاما* для отсечения передового отряда кавалерии противника, рискнувшего преследовать татар, ударившихся в притворное бегство: «*И пока неверные наступали на нас, татары постепенно обходили их и дошли до того места, где презренные неверные два часа тому назад вышли в степь из*

табора со своим походным лагерем... Сначала многие тысячи хорошо вооруженных их [московитских] всадников пустили было коней на войска хана, но татары стали надвигаться на них, подобно волнам Индийского океана и **ударили руками по колчанам**. Раздались крики „Аллах! Аллах!“ и звон колчанов. И два войска сошлись друг с другом»¹⁰⁰. Другим ярким примером является первый этап Конотопской битвы 28 июня 1659 г. В самом начале сражения передовой татарский отряд привлек элитные подразделения московской кавалерии под удар главных татарских сил, скрывавшихся в засаде. В результате правофланговой *тулгاما* ордынцы вышли во фланг и в тыл русской коннице. Главные силы хана и отряд Адиль-Гирея замкнули кольцо окружения, в результате чего отряд С. Р. Пожарского был наголову разгромлен¹⁰¹.

Резюмируя приведенные сведения, можно сделать вывод, что главными причинами высокой эффективности крымско-татарского тактического приема *тулгاما* в военных реалиях XVI–XVII вв. были:

1. Стремительный (часто скрытый) маневр по охвату фланга (флангов) противника с заходом в тыл вражеским войскам.
2. Преимущество в скорости (за счет многочисленного и качественного конского парка), позволявшее совершать маневр исключительно быстро, делая его внезапным для военачальников противника.
3. Массированное использование мощных сложносоставных луков в конном строю, которые в целом превосходили пистолеты и (в меньшей степени) карабины русских и польских кавалеристов середины XVII в. по дальности, точности, а также скорости стрельбы¹⁰².

Противостоять *тулгاما* в подобных условиях было крайне сложно. Тем не менее, полководцы оседло-земледельческих народов постепенно сумели подобрать нужный «ключ». Главным способом борьбы с татарским и ногайским *тулгاما* стали полевые укрепления и, в первую очередь, все тот же укрепленный табор, за стенами которого могли укрываться как кавалерийские, так и пехотные подразделения, вооруженные огнестрельным оружием.

Другим способом борьбы с *тулгاما* стали попытки подготовить конницу, способную на равных сражаться с кочевниками в маневрен-

ном степном сражении. Однако долгое время такие попытки заканчивались неудачей. Вести динамичный конный бой на средней дистанции, уступая татарам в искусстве лучной стрельбы, было весьма рискованно. Среди воинов русской конницы «сотенной службы», польских и литовских «казачьих» («пансырных») *хоругвей* находились лучники, способные на равных сражаться с кочевниками в дистанционном бою. Преимуществом русских и польских конных стрелков было надежное защитное вооружение. Однако в больших сражениях на одного хорошего московского или польского лучника приходилось по несколько татарских, что сразу же выравнивало шансы противников, а то и давало фору степнякам. Спешившись и применив огнестрельное оружие, казаки и драгуны могли отогнать татар, но ни настичь, ни, тем более, уничтожить татарский отряд, постоянно сходя с коней, было попросту невозможно.

В результате в очередной раз сработало правило: «Против лома нет приема, если нет другого лома». Таким «ломом» в руках Москвы стала калмыцкая конница¹⁰³. Стремительные атаки ойратских копейщиков существенным образом сократили боевые возможности классического *тулгана*¹⁰⁴. Вступление калмыков в Русско-польскую войну на «Причерноморском» и «Украинском» театрах боевых действий существенным образом изменило ход степного противостояния и сыграло важную роль в успехах российских войск в военных кампаниях 1661–1665 гг.¹⁰⁵ По мере того как донские, яицкие и запорожские казаки перенимали калмыцкий опыт (конный копейный бой, разряженный строй, лава и др.), их эффективность в кавалерийских сражениях с татарами неуклонно возрастала.

В середине — второй половине XVII в. традиционная *тулгана* стала стремительно изменяться. Под ойратским влиянием лучной удар в ходе фланговой атаки стал все чаще дополняться «копийным напуском», роль которого в рамках реализации маневра становилась все более заметной¹⁰⁶. В таком модернизированном виде *тулгана* сохранилась в военной практике крымских татар вплоть до середины XVIII в. Что же касается русских казаков, то они, заменив луки и стрелы на пистолеты и карабины, продолжали развивать и совершенствовать данный тактический прием вплоть до XIX в. включительно¹⁰⁷.

Атака с притворным отступлением и засады

Вероятно, самый известный тактический прием в арсенале кочевников Великой степи. Он представлял собой провоцирующую атаку с последующим контролируемым (притворным) отступлением, сопровождаемым лучной стрельбой по преследователям и завершающимся массированным контрударом. Достаточно часто составной частью притворного отступления являлись засады — укрытый от глаз противника резерв, служащий для усиления эффекта неожиданного контрудара по преследователям.

Притворное отступление и засады относятся к числу традиционных тактических приемов кочевников. Они были исключительно популярны уже в эпоху Древности и продолжали активно применяться кочевниками Восточной Европы, Средней и Центральной Азии на протяжении всей эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Особенно часто и с потрясающим эффектом его использовали степные военачальники времен Великого Монгольского нашествия¹⁰⁸.

На наш взгляд, в основе рассматриваемого тактического приема лежит многовековая практика малой степной войны, важнейшими элементами которой были набеги и контрнабеги с целью захвата имущества, скота и пленных с последующим преследованием и засадами. Отточенный в междоусобных столкновениях кочевников маневр был эффективен сам по себе, однако применяемый дисциплинированным, высокоорганизованным и хорошо вооруженным монгольским войском он был поднят на новую высоту исполнения.

С небольшими вариациями данный тактический прием вошел и в военную практику тюркских кочевников Восточной Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени, в том числе крымских татар и ногаев XVI–XVII вв.

Вопреки распространенному мнению, рассматриваемый маневр был достаточно сложен в исполнении и требовал от воинов высокого уровня дисциплины, боевой подготовки и слаженности действий. Никакого единого усредненного шаблона выполнения приема не существовало. Тактический арсенал татарских полководцев включал в себя более десятка различных вариантов реализации притворного отступления, которые различались по своим масштабам, продолжительности, особенностям исполнения, отсутствием засады или, напротив,

превращением ее в главный элемент тактического приема¹⁰⁹ и т.д.

Для эффективного выполнения данного тактического приема степным военачальникам приходилось учитывать три важных фактора:

1. Воины, выполняющие маневр, должны были быть снабжены лучшими конями, отличающимися не только скоростью, но и выносливостью. Взглянув на схему тактического приема, несложно убедиться в том, что степняки должны были преодолеть расстояние в 2–3 раза большее, чем их противники (приблизиться к вражескому строю, отступить на условленное расстояние, а затем преследовать опрокинутого противника). При этом притворное бегство и последующее преследование велось на максимальных скоростях. По этой причине воины-кочевники должны были использовать максимально легкое вооружение и снаряжение. Наиболее вероятно, что маневр выполнялся преимущественно бездоспешными всадниками, вооруженными саадаком и легким компактным оружием ближнего боя (саблями, булавами, топорами, кистенями, короткими цельнодеревянными палицами и т.д.).
2. Во время притворного бегства степняки должны были вести стрельбу по противнику на полном скаку из положения влево-назад, что требовало особой сноровки и мастерства. По этой причине в реализации маневра должны были быть задействованы наиболее подготовленные стрелки, снабженные мощными, но при этом надежными луками
3. В отряде, выполняющем маневр, должен был поддерживаться высокий уровень дисциплины, так как только синхронный переход от атаки к притворному бегству и от притворного бегства к контратаке мог обеспечить нужный эффект и привести войска

Стрельба из положения влево-назад

Использовалась при выполнении тактических приемов: притворное бегство, «хоровод», тулгана и др.

кочевников к победе. При этом первичная провоцирующая атака на позиции противника должна была вестись в растянутых неглубоких построениях, чтобы воины не мешали друг другу в ходе последующего «бегства». Командование такими разреженными построениями требовали от степных командиров особой сноровки и опыта.

Письменные источники позволяют выделить две основные разновидности рассматриваемого тактического приема в военном искусстве крымских татар и ногаев XVI–XVII вв.:

Притворное бегство с последующим контрударом,
наносимым войсками, совершающими маневр

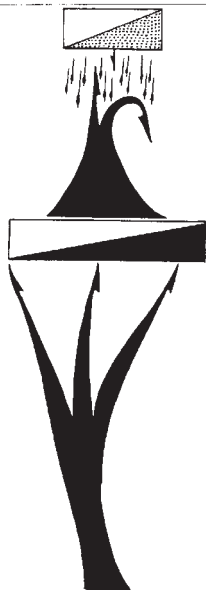
Суть данного тактического приема в исполнении крымских татар и ногаев заключалась в том, чтобы расстроить боевые порядки противника лучной стрельбой, спровоцировать его на неподготовленную атаку, принести ему максимальные потери в ходе «контролируемого бегства» (поражая противника стрелами из положения влево-назад) и, наконец, опрокинуть потерявших строй и растянувшихся преследователей.

Данный прием часто и искусно реализовался крымско-татарскими и ногайскими полководцами на протяжении всего рассматриваемого периода и многократно упоминался современниками событий. Наиболее подробное и точное описание оставил австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, посещавший Московию в 1517 и 1526 гг.: «Сражение с врагом они [татары — Л.Б] начинают издали (пуская стрелы) и очень храбро [сражаются], хотя долго не выдерживают, а (пуская стрелы) обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то (при первой возможности) **татары пускают назад в них стрелы** (причиняя этим большой урон...); затем, **внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов**»¹¹⁰.

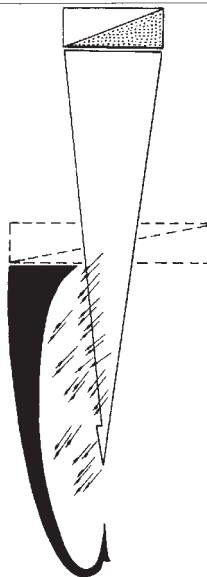
Сильное впечатление притворное бегство в исполнении ордынских всадников произвело и на М. Литвина (1550): «Часто, уже обращенные в бегство, они останавливаются, обращаются на врага, **преследовавшего их и рассыпавшегося в погоне**, и таким образом, уже побежденные, вырывают победу из рук победителей»¹¹¹.

Французский инженер на польской службе в 1630–1647 гг. Г. Боплан отмечал, что в столкновениях с поляками татары могли раз за разом

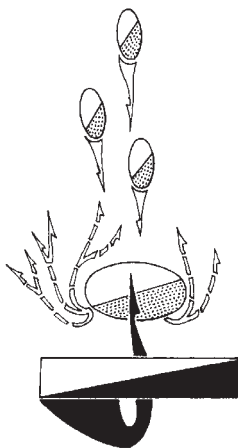
Тактический прием «Притворное бегство»

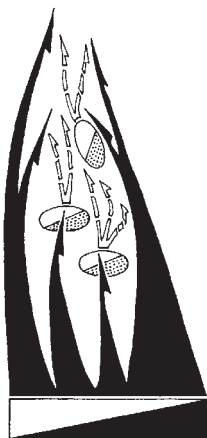
А

Б

В

Г

Тактический прием притворное бегство
Реконструкция Боброва Л.А.

повторять данный тактический прием, пользуясь скоростью и выносливостью своих боевых коней: *«Наконец, ряды поляков врезаются в [линию] татар, а те, не чувствуя себя достаточно сильными, чтобы сражаться с саблей, разлетаются, как мухи, кто куда может, и, отступая во весь опор, стреляют так метко из лука, что на расстоянии 60–100 шагов не дают промаха по своей цели. Поляки не могут их преследовать, поскольку лошади их не такие выносливые, как татарские. Затем татары снова собираются вместе за четверть лье и начинают готовиться к лобовой атаке на поляков, а когда [те] врезаются в их ряды, они **опять разлетаются и, отступая, стреляют все время в левую сторону, так как в правую не могут. Изнунив таким образом поляков, они [татары] вынуждают их к отступлению**, ибо такая игра, как я говорил, происходит тогда, когда татары бывают в количестве десять против одного; в противном случае они удирают, не оборачиваясь. Вот так подобного сорта люди ведут войну в этих краях»*¹¹².

Тот же прием, но уже глазами крымско-татарских воинов описан Эвлией Челеби: *«Наутро забили в боевые барабаны, и вперед выставили две тысячи сильных воинов. Татарские воины пригнулись к головам лошадей, взяли в руки луки и положили на тетивы по две–три тяжелые стрелы, все разом крикнули „Аллах! Аллах!“; вознеся к Аллаху просьбу о спасении, и напали на укрепленный лагерь... Со стороны неверных стреляли пушки и много тысяч ружей. Наши воины в беспорядке приблизились к лагерю, но **не смогли одолеть врага и отступили назад**... И пока мы все со всем нашим войском разворачивались, неверные увидели, что мы уже около получаса находимся далеко от лагеря, и, **подумав, что татары убежали, стали преследовать нас. И когда они вышли на поле сражения**, [воины племен] **ширин, мансур и регулярного войска крикнули: „Неверные повернулись!“**, и воины ислама тоже повернулись в их сторону вместе с бунчуками своих от-аг. От ржания лошадей и криков сынов человеческих „Аллах!“ вселенная и три сферы небес четырежды вздрогнули. **В мгновение ока татары окружили неверных в степи, и воители за веру врезались в войско неверных**... Лязг мечей, треск выстрелов и скрежет колчанов стали такими, словно грянул великий гром, и засверкали молнии»*¹¹³.

Несмотря на высокую эффективность рассматриваемого тактического приема, он нес в себе и значительные риски. В момент перехода из притворного бегства в контратаку и лучники, и их кони были уже порядком утомлены, а боезапас в значительной степени израсходован. Если противнику удавалось во время преследования сохранить необходимое количество боеспособных всадников, он мог опрокинуть боевые порядки кочевников, после чего притворное бегство переросло бы в настоящее. Для того чтобы контрудар по противнику был максимально сильным, степные военачальники часто комбинировали притворное бегство с действиями резервных и засадных отрядов.

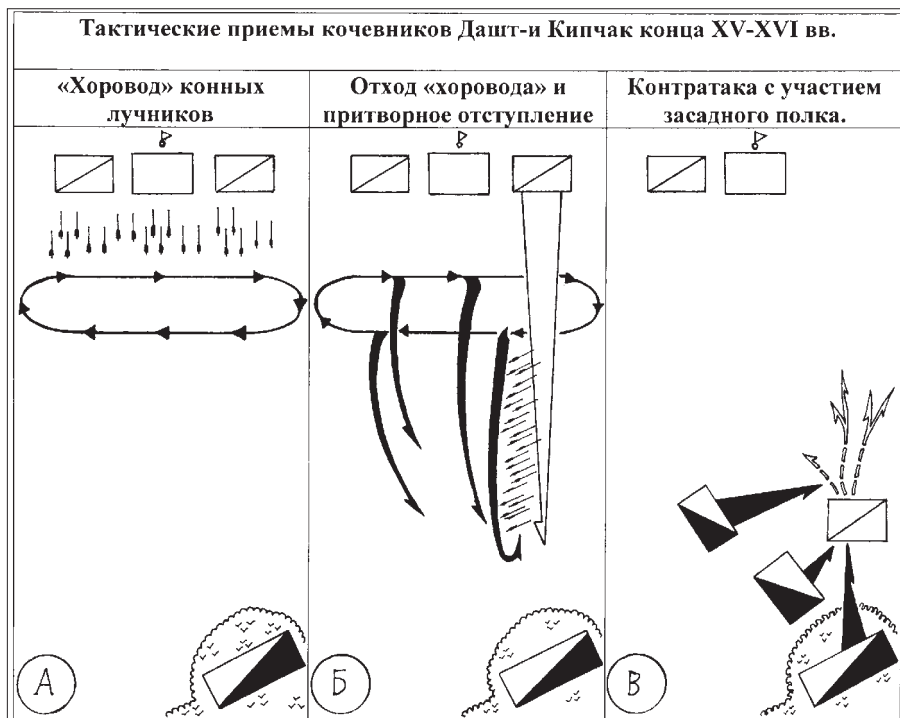
Притворное бегство с наведением на засаду и комбинированным контрударом (наносимым войсками, совершающими маневр, и засадным отрядом/отрядами)

Относительно данного приема польский посол в Крыму М. Броневский отмечал в 1578 г.: *«Татарское войско, вступив в неприятельские пределы, не разделяется на отряды или эскадроны; они все вместе одною кучею подвигаются. В разных местах они оставляют караульные посты, которые составляют как бы резервы более или менее значительные. Когда первые из этих караулов заметят неприятеля, то начинают поспешно отступать, стараясь таким образом навести неприятеля на отряд, находящийся в засаде»*¹¹⁴.

Притворное бегство, сочетающееся с ударом засадного полка, описано английским посланником в Московию Д. Флетчером (1588–1589) как один из основных тактических приемов татар: *«Они не любят вступать в бой, но у них есть некоторые засады, куда (показавшись однажды и сразившись слегка) они тотчас же удаляются, как будто от страха, и таким образом, если возможно, завлекают сюда неприятеля»*¹¹⁵.

Данная разновидность тактического приема могла выполняться в трех основных вариантах, которые зависели от места размещения засадного отряда.

Вариант А. Засада размещалась строго перед наступающим противником, соответственно, контрудар наносился по фронту вражеской конницы. Подобный тактический прием неоднократно реализовывался крымскими татарами на протяжении рассматриваемого исторического

Тактический прием притворное бегство в комбинации с засадой (вариант 2А. Фронтальная засада). Реконструкция Боброва Л.А.

А. «Хоровод» конных лучников (провоцирующая атака). Б. Притворное отступление с ведением лучного обстрела преследователей. В. Контратака с участием засадного полка.

периода. Так, например, в битве под Батогом в 1652 г. Карач-бей притворным бегством заманил польскую конницу под мощный удар засадного полка¹¹⁶. Также известны и случаи применения данного приема в междоусобных столкновениях татар и ногаев. Одно из них, произошедшее в 1628 г., было описано доминиканским монахом Д. Асколи, проживавшим в первой трети XVII в. в Крыму: *«После короткого перехода он [Шахин-Гирей] увидел шедшего на встречу с немногими людьми Кандемира, который приблизился и, как бы приписывая подобную встречу случайности, повернул назад бросившись бежать. Шяингирай подумал, что тот бежит со страху, и помчался за ним во весь опор, но, доскакав до некоего леса, наткнулся на засаду, устроенную Кандемиром, и тут подвергся нападению.*

Видя себя в самом очаге измены, Шяингирай ускакал обратно с 3-мя своими всадниками»¹¹⁷.

Однако риск заключался в том, что воины, осуществляющие маневр, могли не успеть развернуть коней и смять свой собственный засадный отряд.

Вариант Б. Засада размещалась сбоку от основного направления предполагаемого маршрута притворного бегства. Укрытые в засаде воины пропускали своих отступающих товарищей и наносили удар во фланг преследователям.

Вариант В. Воины засадного отряда пропускали мимо себя как бегущих соратников, так и воинов противника, после чего наносили удар в тыл вражеским войскам. Данный вариант был самым сложным и рискованным в исполнении, но при этом самым эффективным, так как позволял замкнуть отряд противника в «клещи» и практически совершенно уничтожить его.

В ходе больших сражений два или даже все три варианта исполнения тактического приема с применением засады могли совмещаться между собой. Примером такого сражения является первый этап битвы под Конотопом 28 июня 1659 г. В начале боя татары Адиль-Гирея и «немцы» (наемные драгуны) гетмана И. Выговского провели провоцирующую атаку и увлекли за собой московскую конницу князя С. Р. Пожарского, наведя ее на засаду. Первым нанес удар правофланговый засадный татарский полк, атаковав русских с тыла. После чего корпус Пожарского был атакован с фланга главными силами хана Мухамед-Гирея, а с фронта — развернувшимися сотнями Адиль-Гирея¹¹⁸.

Схожим образом данный прием в сражении против калмыков применили ногаи и кабардинцы в 1644 г. Авангард союзников (по выражению Э. Челеби — «маленькая кучка») спровоцировал атаку калмыцкой конницы и заманил ее в горы. Когда калмыки втянулись в ущелье, они тут же были атакованы с фронта и флангов главными силами союзников, а специальный отряд напал на калмыков с тыла¹¹⁹.

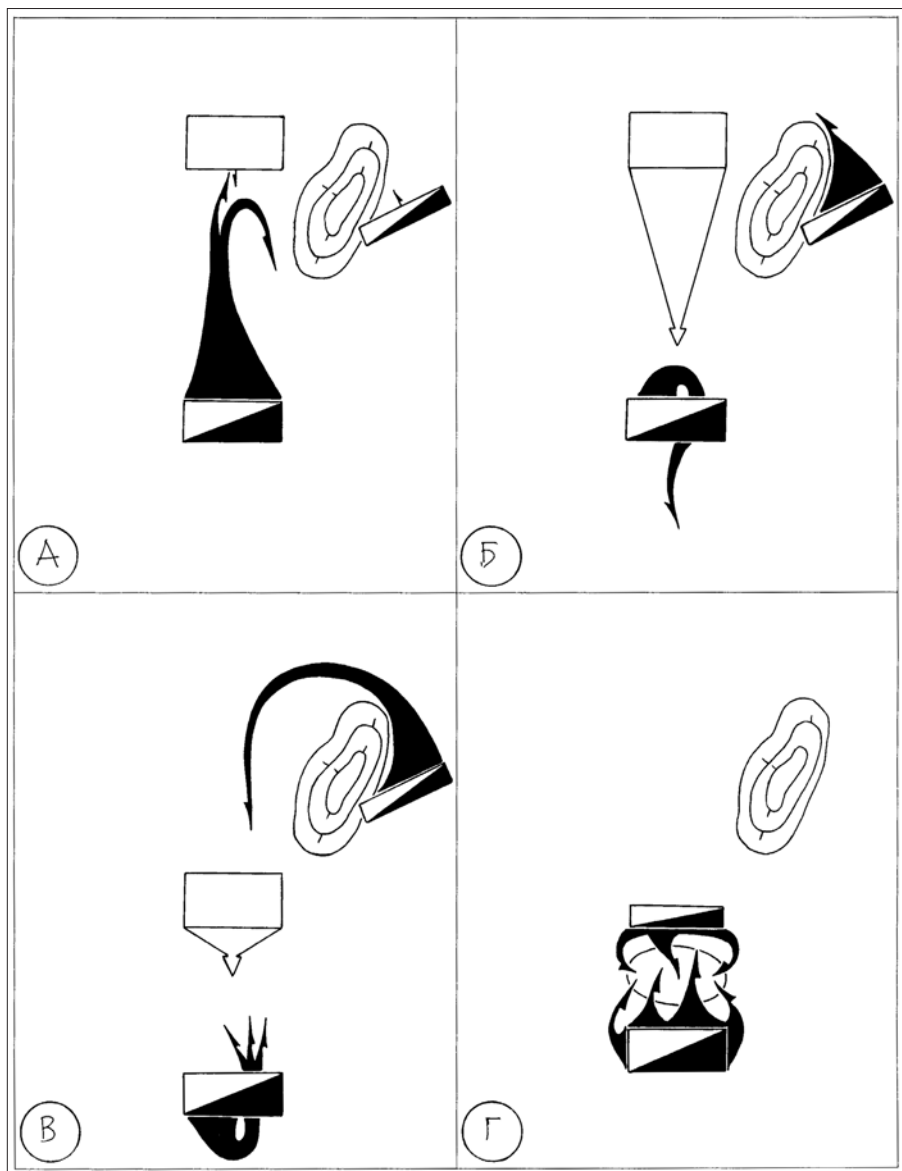
Татары и ногаи так часто использовали притворное бегство в своей

Бегущие татарские воины врезаются в собственный засадный полк

Фрагмент гравюры Клецкая битва (1506 г.), первая треть XVI в.

Тактический прием притворное бегство в комбинации с засадой
(вариант 2В. «Клещи»)

Реконструкция Боброва Л.А.

военной практике, что войска оседло-земледельческих народов стали вести себя предельно осторожно даже в тех случаях, когда кочевники реально бежали с поля боя. Нередко страх заглотив «наживку» оказывался сильнее, чем желание добить бегущего противника. Этот момент весьма точно подметил Юрий Крижанич (1663): *«И та еще выгода есть в этом беспорядочном и нестройном способе биться, что неприятель их не знает, взаправду они или с умыслом убегают; но сами они не пугаются, когда видят своих товарищей убегающими»*¹²⁰.

У крымских татар и ногаев тактический прием притворного бегства продолжал быть в обращении вплоть до второй половины XVIII в. Башкиры, калмыки, монголы и казахи продолжали использовать его вплоть до XIX в. включительно. Комбинированный вариант маневра вошел и в тактический арсенал российского казачества и стал популярен под названием «*вентерь*»¹²¹.

Столь продолжительное бытование тактического приема в военном искусстве различных народов степной полосы Евразии свидетельствует в пользу его высокой военной эффективности. Наиболее часто на уловки степняков попадались войска оседло-земледельческих народов. Значительно сложнее было обмануть и подвести под удар свежих сил своих соседей-кочевников, искушенных в искусстве степной войны. Тем не менее, на данную уловку неоднократно попадались как калмыки (в 1644 г.), казахи, башкиры, так и сами крымские татары и ногаи.

Подчеркивая эффективность маневра, в то же время не следует забывать, что тактика контролируемого отступления и засад имела и свои слабые стороны. Если противник начинал массированное преследование большими силами свежей конницы, то притворное отступление могло перерасти в настоящее бегство. Что касается засад, то эффект от их применения мог быть нивелирован при наличии у противника сильного конного резерва, способного переломить ход сражения.¹²² Наибольший риск при выполнении комбинированного приема заключался в том, что степные полководцы были вынуждены дробить свои войска на несколько отдельных частей. Если противник обладал многочисленной легкой и панцирной конницей, он мог не позволить кочевникам перейти в контрнаступление, а контрудар засады мог оказаться недостаточно сильным, чтобы остановить его.

Наряду с тремя основными разновидностями тактических приемов ведения конного боя, ордынскими военачальниками использовались и вспомогательные приемы, которые сами по себе, как правило, не могли предрешить итог сражения, но оказывали значительное влияние на его ход и результаты.

Цепи конных лучников, «Травля» и «Воронья стая»

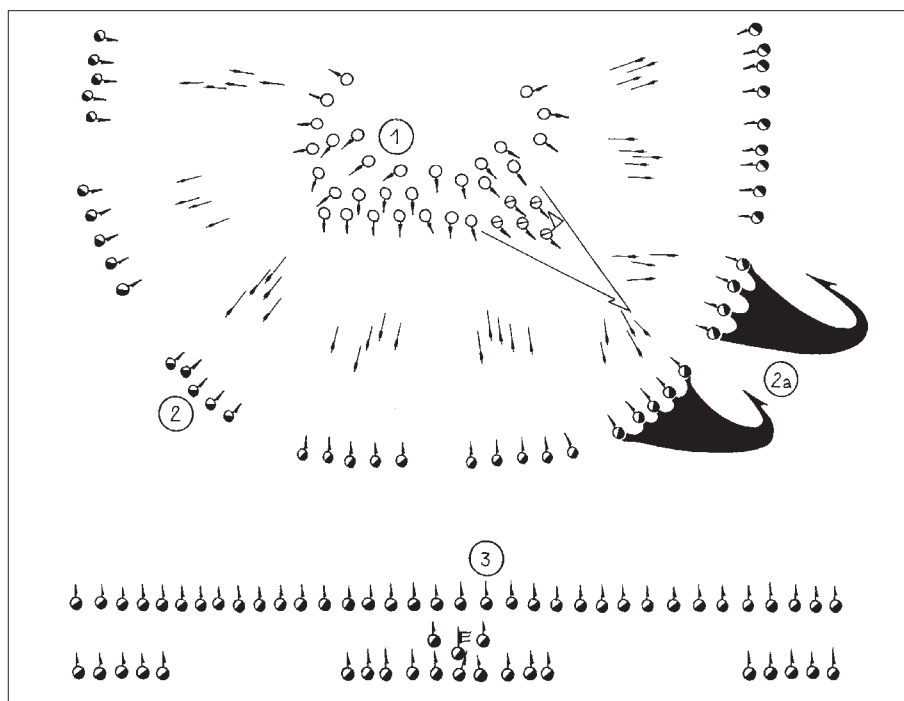
Тактический прием, предусматривавший обстрел построений противника группами конных лучников, действующих в рассыпном строю и проводящих атаку небольшими отрядами с разных направлений.

Частым элементом начального этапа сражения с участием крымскотатарских и ногайских войск была так называемая «*травля*» («*стравка*»), представлявшая собой динамичный лучной конный бой. В ходе «*травли*» степные военачальники изматывали противника, «прощупывали» его боевые порядки, выявляя их слабые стороны. Кроме того, цепи конных лучников являлись естественным заслоном, позволявшим развернуть или перегруппировать войска перед решающей атакой.

Известные описания «*травли*», составленные русскими и европейскими авторами, позволяют сделать вывод, что при выполнении данного тактического приема легкие ордынские отряды разбивались на небольшие конные группы, которые приближались к боевым порядкам противника (иногда охватывая его построения полукольцом) на дистанцию лучного выстрела, после чего начинали засыпать его стрелами.

В результате реализации данного маневра вражеский строй был постепенно охвачен тактической «цепью» конных лучников, каждое «звено» которой составляло подразделение из нескольких всадников¹²³. Можно предположить, что лучники, входившие в состав кавалерийских «цепей», вели стрельбу по вражескому строю (настильную и навесную) преимущественно с большой дистанции, превышающей дальность стрельбы вражеских воинов. Это позволяло поражать воинов противника стрелами, оставаясь в недосягаемости для вражеского оружия (это было тем проще, что дальность стрельбы гладкоствольных ружей XVI–XVII вв. была вдвое меньше дальности навесной стрельбы из лука)¹²⁴.

Для улучшения дальноточности и точности стрельбы на большой дистанции кочевниками применялись стрелы с наконечниками малых

Тактический прием цепи конных лучников

Реконструкция Боброва Л.А.

размеров, в том числе специальные дальнобойные образцы, снабженные Z-образным в сечении пером¹²⁵.

Рассыпной строй и малая численность группы позволяли всадникам свободно маневрировать, приближаться или отдаляться от вражеского строя в зависимости от боевой обстановки, не мешая при этом своим соседям. Выбрав оптимальную дистанцию стрельбы, воины могли удерживать коней на месте, сберегая их силы для последующих маневров. В случае контратаки противника небольшие отряды и «цепи» легких лучников на практически свежих конях могли легко оторваться от преследователей.

Ведение дистанционного боя силами небольших отрядов, представлявших собой огромную разомкнутую цепь, позволяло не только избежать окружения, но и существенно облегчало контролируемый отвод войск в случае массированного контрнаступления противника. Если вражеский военачальник пытался отразить атаку ордынских

застрельщиков, выведя в поле свои главные силы, то кочевники стремительно отступали назад и отрывались от врага, пользуясь преимуществом в скорости, которое давали легкие степные кони. После того как преследователи возвращались к своим основным позициям, номады разворачивали коней и снова атаковали врага. В некоторых случаях по сигналу военачальника конные стрелки собирались в единый тактический «кулак» и стремительно контратаковали противника.

Юрий Крижанич сравнил данный способ ведения боя крымских татар с «вороньей стаей»: *«Они бьются нестройными рядами, **наподобие воронов врассыпную налетают с разных сторон и в разные стороны разлетаются**; таким способом нападения они утомляют своего неприятеля и приводят в расстройство его ряды»*¹²⁶. Интересно, что хорватский священник и военный теоретик применил к данному маневру ровно тот же термин, который тремя столетиями ранее использовали для обозначения этого тактического приема китайские военачальники: *«Если противник рассеивается, то и [черные татары, т.е. монголы] рассеиваются, если противник соединяется, то и [черные татары] соединяются, поскольку их конница действует стремительно. Близко или далеко, много или мало, собрались или рассеялись, выступили или еще нет [войска противника], [черные татары] движутся подобно падающему небу и проходят подобно молнии. Это называется „**войска [как] стая ворон, рассыпающихся во все стороны**“»*¹²⁷.

Примером эффективного применения крымскими татарами тактики «вороньей стаи» против панцирников противника стало сражение с кабардинцами в 1544 г. Во время атаки кабардинская конница была выстроена глубокой колонной, поэтому, по версии Реммаль Ходжи, «в бешенстве атаки» задние отряды кабардинцев начали топтать своих товарищей, находившихся впереди колонны. Нам представляется, что подобная ситуация была вызвана не столько самой «бешеной атакой», сколько тем фактом, что кони передовых кабардинских панцирников были поражены татарскими стрелами. Образовавшееся месиво из павших коней и всадников превратилось в ловушку для остальных кабардинцев, вынужденных топтать своих соратников под ливнем татарских стрел. Не вступая в ближний бой, крымская конница стянулась в единый тактический «кулак», продолжая поражать панцирников

противника из луков. В результате кабардинцы потерпели поражение, так и не сумев навязать татарам ближний бой. Если верить Реммаль Ходже, именно умелое применение саадака принесло крымцам победу в битве, в ходе которой «...даже ни единый татарский нос не был окровавлен»¹²⁸.

Тактика «вороньей стаи» и цепей конных лучников активно применялась монголами в период Великих завоеваний¹²⁹. Однако первыми среди кочевников Центральной Азии ее, по всей видимости, взяли на вооружение хунны еще в III–II вв. до н.э. В основе данного тактического приема лежала знаменитая облавная охота номадов, в ходе которой степняки, рассыпавшись в цепь, окружали животных, а затем поражали их стрелами. Монголы усовершенствовали данный прием за счет большей синхронности и выверенности действий кавалерийских отрядов. В таком виде цепи конных лучников вошли в тактический арсенал тюркских кочевников Западного Дашт-и Кипчак XIII–XV вв., а затем и крымских татар и ногаев XVI–XVII вв.

Важное отличие «*травли*» рассматриваемого периода от военной практики XIII в. заключалось в том, что за прошедшие столетия полководцы оседло-земледельческих народов также усвоили данный тактический прием и активно применяли его в сражениях с номадами. Причем, например, в московских войсках в «*травле*» участвовали не только (а часто и не столько) легковооруженные, но и панцирные лучники — воины поместной конницы «сотенной службы»¹³⁰. Если московские воеводы выпускали в поле против татарских застрельщиков своих конных лучников, то есть начинали «*травиться*», то бой рассыпался на множество дистанционных поединков и столкновений отдельных групп конных стрелков. Всадники кружили на месте, наступали и отступали, бросали коней в галоп, а затем вновь резко переходили на шаг или рысь, одновременно посылая в противника стрелы из самых неожиданных положений. Победу в таком бою обычно одерживали самые меткие лучники, обладавшие резвыми, но послушными конями. Соревноваться в маневренной лучной перестрелке с ордынцами было весьма сложно. Это позволило наемному французскому офицеру начала XVII в. Жаку Маржерет утверждать, что «...сотня татар всегда разгонит двести русских, исключая отборнейших воинов»¹³¹. Однако победы в отдельных поединках, как правило, не могли повлиять

на исход всего боя в целом, хотя и оказывали определенное влияние на последующее время и условия и обстоятельства основной схватки.

Тактика цепей конных лучников пребывала в регулярном употреблении у крымских татар и ногаев вплоть до середины XVIII в. В несколько видоизмененном виде (с заменой луков на ружья и пистолеты) она была заимствована российскими казаками, которые продолжали применять ее в ходе авангардных боев вплоть до середины XIX в.

«Кылыч»

«Кылыч» (рус. «сабельный напуск», «съемный бой») — атака противника с применением оружия ближнего боя с целью прорыва его построений.

Если все описанные выше тактические приемы базировались на массовом применении лука и стрел, то главным в бое типа «*кылыч*» (досл. «сабля») была рукопашная схватка.

В отечественной историографии широко распространено мнение, что кочевники традиционно избегали ближнего боя, отдавая предпочтение дистанционной лучной стрельбе. Данное утверждение верно лишь отчасти. Сарматы, поздние сяньби и древние турки весьма широко использовали тактику массированного копейного удара, наносившегося силами тяжеловооруженной панцирной конницы. В период позднего Средневековья «копийный напуск» стал важнейшим элементом тактического искусства ойратов и монголов¹³². В то же время другие степные народы (хунны, телесы, печенеги, и др.) действительно недолюбливали конный ближний бой и практиковали его лишь в исключительных случаях. Важнейшим фактором, влиявшим на активность практики рукопашной схватки у того или иного кочевого народа, являлась степень обеспеченности воинов доспехами и оружием ближнего боя, а также некоторые особенности базовых тактических схем.

Как мы убедились выше, подавляющая часть крымско-татарских и ногайских конных воинов не имела защитного вооружения и не использовала длинных ударных копий. Неудивительно, что в этих условиях тактический прием «*кылыч*» имел весьма ограниченное распространение у тюркских номадов Западного Дашт-и Кипчак второй половины XV–XVII вв.

Анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что в ближний кавалерийский бой крымские татары и ногаи обычно вступали в следующих случаях:

1. В условиях экстремальной ситуации (например, при неожиданной атаке противника), когда избежать рукопашной схватки было уже невозможно.
2. На завершающем этапе сражения, когда вражеские построения уже начали рассыпаться в результате массированного лучного обстрела номадов.
3. При преследовании противника.
4. В ходе встречного кавалерийского боя, когда в силу каких-либо причин использовать луки было затруднительно или менее эффективно, чем сабли или дубины.
5. При значительном численном превосходстве в момент неожиданного нападения на противника.

Наиболее ловко в ближнем бою действовали ханские гвардейцы-*сеймены*, дружинники беев и черкесская знать, т.е. те категории воинов, которые были оснащены панцирями и клинковым оружием¹³³. Основная масса крымских и ногайских ополченцев действовала в рукопашную значительно менее уверенно. Плохая обеспеченность доспехами и копьями снижала устойчивость крымско-татарской и ногайской конницы в ближнем бою.

Как показала военная практика конца XV–XVII вв., выдержать рукопашную схватку с прекрасно вооруженной русской, литовской или польской кавалерией крымским татарам и ногаям было крайне сложно (рис. 30). В первой трети XVI в. это особо подчеркивал австрийский посол в Московию Сигизмунд Герберштейн: **«Если дело доходит до ближнего или рукопашного боя, они [татары] быстро бывают разбиты, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни клинков, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве»**¹³⁴. Материалы военных кампаний рассматриваемого периода подтверждают сведения австрийского дипломата. Так, например, в 1489 г. ордынцы столкнулись в ближнем бою под Коперштином с отрядом будущего польского короля Яна Ольбрахта, составленном из «лучших рыцарей», русинов, подолян, литовцев и волынцев. По всей видимости, решение вступить в сражение было для крымцев вынужденным. Татары

возвращались из набега и не пожелали бросить захваченный в походе «ясырь». Польские и литовские латники стремительно атаковали кочевников. Попытка остановить их лучной стрельбой не увенчалась успехом, рыцари врубались в ряды крымцев и после короткой рукопашной схватки легко опрокинули легковооруженных номадов¹³⁵.

Еще более показательно сражение при Судьбищах в 1555 г., во время которого московская панцирная конница («дети боярские») раз за разом сминала крымско-татарские «полки». В первый день сражения войска И. В. Шереметьева достаточно быстро перешли от «лучного боя» к «съемной» рукопашной схватке, в ходе которой последовательно опрокинули авангард, правый и левый фланг крымско-татарской армии и даже захватили знамя ширинского бея. Во второй день битвы русские полки нанесли поражение основным силам крымской конницы. В сражении пали ханские сыновья *калга-султан* Ахмед-Гирей и Хаджи-Гирей, а также «...*пять султанов и бесчисленное множество знатных*» и «*простых ратников мусульманских*». Армия ханства была бы, вероятно и вовсе разгромлена, если бы положение не спасли полевая артиллерия и пешие подразделения ружейных стрелков¹³⁶.

Сокрушительное поражение в «съемном бою» крымско-татарская конница потерпела и в ходе знаменитого сражения при Молодях. В самом начале битвы (28 июля 1572 г.) дети боярские и наемные «немцы» легко опрокинули крымско-татарский авангард и гнали его до главных сил ордынской армии: «...*пришел [Д. И. Хворостынин] на крымский на сторожевой полк, да с ними учал дело делати с немцы и с стрельцы и со многими дворяны и з детьми боярскими и з боярскими людми, да мчял крымской сторожевой полк до царева полку*»¹³⁷. Во время боя 2 августа 1572 г. отборные сотни большого полка во главе с князем М. И. Воротыньским обошли «долом» крымскую армию и атаковали ее с фланга и тыла. Одновременно дети боярские передового полка Д. И. Хворостынина вместе с немцами ротмистра Ю. Фаренсбаха вышли из *вагенбурга* и стремительно атаковали татар с фронта. Не давая противнику опомниться, русские и немцы бросились в рукопашный бой («...*да учили с нагайцы и с крымцы дело делати съемное, и сеча была великая*»), в ходе которого крымская кавалерия была разгромлена¹³⁸.

К числу немногочисленных примеров успешных действий крымско-татарской конницы против элитной русской кавалерии в ближнем бою

является Конотопская битва 28 июня 1659 г. Однако успех татар в данном сражении был предопределен не столько самой рукопашной схваткой, сколько блестящим воплощением других тактических приемов (притворное бегство, засады, *тулгана*). Их успешная реализация позволила крымско-татарским полководцам обеспечить тотальное численное превосходство в момент решающей схватки и буквально раздавить относительно небольшой кавалерийский отряд С. Р. Пожарского¹³⁹. Характерно, что современник событий П. Гордон объяснял победу в данном сражении «проворностью» и успешными тактическими маневрами ордынцев: *«Хан, незаметно стоявший с войском в долине, вдруг вырвался оттуда тремя огромными, как тучи массами и, будучи слишком проворен для русских, окружил и одолел их, так что спаслись немногие»*¹⁴⁰.

Еще более сложной задачей для ордынской конницы была борьба с пехотными подразделениями противника, вооруженными огнестрельным оружием. По сообщению французского офицера начала XVII в. Ж. Маржерета, кони кочевников были *«...весьма пугливы и очень боялись аркебузных выстрелов»*¹⁴¹. Приблизиться на таких конях к огненосному вражескому строю было весьма проблематично, тем более что сами ордынцы испытывали почти суеверный страх перед «трубками, извергающими огонь». Тот же Маржерет отмечал, что *«...встретив же русскую пехоту, или стрельцов, укрепившихся на речном берегу или в засеке, татары поспешно удаляются, хотя русские, в самом деле, умеют лучше пугать их, нежели вредить им»*¹⁴².

Периодические попытки татар разогнать коней в галоп и растоптать даже немногочисленных ружейных стрелков, как правило, заканчивались неудачей. Так, например, в 1644 г. отряд татар (300 всадников) попытался *«...нагнать лошадыми и подавить»* пеших русских служилых. Однако данная атака быстро захлебнулась, будучи остановлена интенсивным ружейным огнем: *«И с того бою государевы ратные люди отошли здорово, а татар многих побили»*. Письменные источники XVI–XVII вв. фиксируют десятки схожих случаев. Даже имея значительный численный перевес, татарские и ногайские всадники, как правило, пасовали перед слаженными действиями огнестрельной пехоты, занимавшей укрепленные позиции¹⁴³.

Редким примером успешной атаки татарской и ногайской конницы на огнестрельную пехоту противника является арьергардное сражение

у небольшой реки (ручья) Рожайки в 1572 г. Отряд русских стрельцов (по версии В. В. Пенского, 500 чел.) прикрывал отход главных русских сил передового полка, заняв позиции на берегу ручья. Ногайская конница атаковала столь стремительно, что стрельцы не успели даже дать залп, как были смяты кочевниками: *«Три тысячи стрельцов поставили от приходу за речкою за Рожаю, чтобы поддержати на пища-лах. И царь погнал нагаи 40000 на полки, а велел столкнути. И русские полки одернулись обозом. И столь прутко прилезли, — которые стрельцы поставлены были за речкою, ни одному не дали выстрелить, всех побили»*¹⁴⁴.

Настоящим «подарком» для татарской конницы стал бой с русской пехотой у р. Т. Сосна в 1646 г. По невыясненным причинам воины отряда И. Милославского (преимущественно пехотинцы), нарушив боевые порядки, самовольно атаковали татар, пытаясь навязать им «съёмный бой». Из описания сражения не очень понятно, удалось ли казакам и стрельцам сойтись с кочевниками врукопашную, или татары просто отъехали на безопасное расстояние и расстреляли служилых из луков. Однако известен результат битвы — отряд И. Милославского был опрокинут и понес серьезные потери. Около 130–140 чел. были убиты или попали в плен¹⁴⁵.

В то же время следует подчеркнуть, что даже успешные для татар схватки на холодном оружии приводили к неоправданно высоким потерям в личном составе, так как лишь очень небольшая часть кочевников была обеспечена надежным защитным вооружением. Так, например, во время кампании 1657 г. победа над венграми далась крымцам ценой огромных потерь: *«И они де бились с крымскими татарами, саблями секлись и ножами резались. Только де много и татар побито, а их де в полон взято немного, чаять де что человек десятка з два, потому что де был бой съмной, никто жив не дался... и татар крымских и ногайских побито с 10000»*¹⁴⁶.

В столкновениях армий кочевников ближний бой также применялся относительно редко, как правило, в тех случаях, когда атака «кылыч» могла оказаться эффективней, чем привычный дистанционный лучной бой. В 1548 г. в ходе встречного сражения ногаи (7 тыс. всадников), действуя «двумя отрядами» (парная *тулгاما?*), опрокинули противостоявшую им татарскую конницу. В крымских войсках

началась паника, однако положение спасли пешие ружейные стрелки и артиллерия, которые массированным огнем остановили ногайскую атаку. Передышка позволила татарским всадникам перегруппироваться и «с нескольких направлений» контратаковать ногаев. По данным Ремаль Ходжи, «...битва была слишком **тесной для использования луков**», поэтому крымцы решились на рукопашную схватку («*кылыч*»), которая и принесла татарам победу¹⁴⁷.

Представление наших современников о кавалерийской схватке кочевников как об ожесточенной сабельной рубке плотно сбитых масс всадников в большинстве случаев является ошибочным. Если позволяло поле сражения, то крымцы и ногаи предпочитали вести динамичный конный бой, распадавшийся на сотни поединков и десятки столкновений небольших конных групп. Всадники сталкивались и гонялись друг за другом, пытаясь достать противника или его боевого коня саблей, дубиной или метко брошенным дротиком. Некоторые кочевники даже в таком бою продолжали использовать луки, посылая стрелы практически в упор. Данный способ ведения сражения многократно фиксировался как в письменных, так и в изобразительных материалах. Таким образом, даже рукопашный кавалерийский «*кылыч*» в исполнении татарских и ногайских всадников мог дополняться лучной стрельбой.

В данной связи характерен кавалерийский бой 6 июня 1646 г., произошедший между русским корпусом С.Р. Пожарского и М. Черкасского (2350 ногайских, едисанских, юртовских татар, 300 ногаев из под Терекского городка, дети боярские, астраханские конные стрельцы, терские стрельцы, гребенские казаки, черкасы, окочены) с армией крымского *нуреддин-султана* (1000 крымцев, 6500 татар Малого Ногая). В ходе сражения «русские» татары Салтанаш-мурзы сошлись с крымцами и ногайцами в рукопашной схватке («*жестоким*

Пример использования луков в ближнем бою польско-литовскими татарами («липками»)

Фрагмент картины неизвестного художника «Битва под Оршей» (1514), первая треть XVI в.

свальном бое»). Однако сам Салтанаш описывал этот «свальный бой» весьма оригинально: *«Друг у друга луки из рук вырывали, и было у них бою часа с часа четыре»*. Во время «свального боя» нуреддин-султан вместе со своим знаменем и дружиной атаковал и потеснил центр русского корпуса (*«пожали было назад»*), в результате крымцы *«смешались з государевыми ратными людьми»* и даже захватили два знамени (М. Черкасского и Салтанаш-мурзы). В ходе этой схватки многие русские и ногаи были ранены, но не столько саблями (как можно было бы предположить в условиях ближнего боя), сколько стрелами. Так, например, именно стрелой в руку был ранен русский командующий С. Пожарский. Положение спасли пехотные подразделения русской армии (стрельцы и донские казаки), которые *«...из ружья учили крымских ратных людей побивать»*¹⁴⁸.

Другой пример применения саадаков в условиях ближнего боя кочевников дает Эвлия Челеби при описании кавалерийской схватки крымских татар и ногаев близ Ак-Кермана. Несмотря на то, что конные номады в ходе встречного боя *«...врезались друг в друга»*, они продолжали использовать луки и стрелы: *«Подошли конным строем вместе с ханом из числа крымских войск племена тарагы, мансур, ширин, седжют, а еще улан, аркан, дайыр, керес, черкес — и арбат, а вместе с ними восемьдесят семь тысяч конных батыров и джигитов в кольчугах и с колчанами... С противной стороны подошли ногайцы Адиля и буджакские татары с сорока–пятидесятью тысячами воинов. Тотчас ногайские воины изготавились к битве и, прильнув к головам коней, с улюлюканьем бросились на воинов достославного хана. И с двух сторон два мусульманских войска **врезались друг в друга и выпустили такую тучу стрел**, что они затмили собой солнечный свет. Крики воинов и ржание коней достигли неба, и, судя по положению небесных светил, битва, достойная султанов, продолжалась целых три часа. В конце концов, ханская сторона во славу суры Корана „Быстробегущие“ обратила в бегство ногайских татар»*¹⁴⁹.

Знаменитая рукопашная схватка под Конотопом (28 июня 1659 г.) также не обошлась без конных татарских лучников. В данной связи интересно соотношение лучных, сабельных и ружейных ранений русских воинов в данной битве, главным содержанием которой был именно «съемный бой». Согласно архивным документам,

систематизированным И. Б. Бабулиным, бывшие в бою дворяне были ранены следующим образом: Борис Семенов сын Толстой «...по правой щеке и по носу посечен саблею, да по правой руке ниже локтя пострелен из лука»; Андрей Денисов сын Фефилатьев ранен «из лука в правую ногу»; Борис Михайлов сын Бибиков ранен «саблею по голове, да у правой руки средний перст пересечен»; Михайло Степанов сын Голенищев-Кутузов «сечен саблей по обеим щекам, да по левому плечу, и по левой руке»; Дементий Кондратьев сын Можаров «ранен из лука в правую руку ниже локтя»; Григорий Артемьев сын Мясоедов — «из лука в правую ногу насквозь»; Михайло Семенов сын Щербачев «посечен по голове саблею да у левой руки большой перст отсечен»; Степан Иванов сын Плещеев «в дву местах левое плечо сечено саблею да по правому виску от глаза до уха пострелен из лука»; Иван Микифоров сын Сеченов ранен «из пиццали в левую ногу пониже колена и из лука»; Кирила Пахомов сын Повалишин «застрелен из лука в правую ногу выше колена»; Иван Борисов сын Кошелев «застрелен из лука ниже правого плеча в спину»; Михайло Тимофеев сын Владыкин ранен «из лука в правую руку»; Степан Савин сын Сумароков «сечен саблею по голове...да по правому плечу»¹⁵⁰.

В то же время, отмечая приоритет рассыпного строя в ходе рукопашной схватки, нельзя не отметить, что при определенных обстоятельствах татарские военачальники могли с целью прорыва вражеских построений сбивать свои кавалерийские отряды в более-менее плотные колоннообразные построения. Как правило, подобный способ ведения атаки носил кратковременный характер и применялся в комбинации с другими тактическими приемами. Согласно Эвлию Челеби, крымские татары в бою с московскими войсками, симитировав *тулгаму*, выманили стрельцов из *вагенбурга*, а затем неожиданно атаковали их «сплошным строем», после чего обратились в притворное бегство: «Тогда татарские воины по заранее условленному знаку, поданному руками, сделали вид, что собираются стрелять из пушек и ружей, и притворились, будто намереваются не то зайти во фланг, не то обойти врага. И когда татары на расстоянии пушечного выстрела увидели, что неверные снова выбежали из-за своих телег и пушек в степь, то — о величие Аллаха! — среди татарских воинов поднялись крики и возгласы „Аллах! Аллах!“; и они, **примкнув**

друг к другу, поставили коней силошным строем. Громкое ржание лошадей и лязг колчанов охватили весь мир, и тогда татары внезапно обнажили мечи, стали стрелять и убивать и быстро, словно молния, настигли неверных, а потом снова развернулись во фланг»¹⁵¹.

Самым серьезным испытанием для крымско-татарской и ногайской конницы стали рукопашные схватки с калмыками. На протяжении второй половины XVI — первой половины XVII вв. ойратские и монгольские правители последовательно наращивали число панцирников в своих войсках. С этой целью создавались специальные «доспешные» производства, обеспечивались массовые закупки и изъятия защитного вооружения, металлического сырья и полуфабрикатов у подвластного населения Южной Сибири, а в 1640 г. повинность по изготовлению панцирей была возложена на широкие слои ойратских и монгольских кочевников¹⁵². В результате принятия данных мер в войсках центральноазиатских номадов образовалась многочисленная группа панцирной конницы. В зависимости от актуальных тактических задач ойратские и монгольские полководцы распределяли латников между легковооруженными воинами (повышая их устойчивость в ближнем и дистанционном бою) или, напротив, сводили их в отдельные ударные («куяшные») отряды, способные мощными фланговыми или фронтальными ударами разрывать боевые построения противника. Численность таких соединений колебалась от нескольких десятков до нескольких тысяч конных бойцов. В письменных источниках XVII в. упоминаются ойратские и монгольские отряды, насчитывавшие 150, 400, 2000, 4000 «куяшников»¹⁵³. Если в основе тактики тюркских кочевников Восточной Европы лежал дистанционный бой с применением лука и стрел, то ойраты применяли тактику «трех напусков», когда после нескольких лучных залпов на противника обрушивалась лавина конницы, воины которой наносили удар пиками «*дарджа дав*», а затем добивали врага палашами и саблями. Неудивительно, что для татар и ногаев ойратская конница стала поистине страшным противником. Из 49 боевых столкновений периода Русско-польской войны 1654–1667 гг. в 45 битвах (в том числе во всех крупных сражениях) победа оставалась за ойратами. Найти адекватное средство против массивной ойратской «копийной и куюшной» атаки тюркские кочевники Восточной Европы в первой половине — середине XVII в. так и не смогли. Не имея возможности

эффективно противостоять калмыцкой коннице, крымские военачальники стали избегать полевых сражений с ойратами. Чигиринский полковник Г. Карпов (Карпович) с воодушевлением отмечал в 1677 г.: «Калмыков татаровя и турки боятца... И естли... калмыков послать на Украину, и татаровя де бой их знают, и увидев их битца с ними не станут, побегут»¹⁵⁴. Военное превосходство ойратов в кавалерийских сражениях был вынужден признать даже османский путешественник Э. Челеби, которого сложно заподозрить в симпатиях к врагам мусульманских народов. Он, в частности, с горечью констатировал, что «...калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков»¹⁵⁵. Для того чтобы сражаться с ойратами на равных, крымские ханы и ногайские мирзы были вынуждены пойти на масштабные военные преобразования, затронувшие как комплекс вооружения, так и тактику боя тюркских номадов Восточной Европы.

Подводя итог обзору кавалерийской тактики крымских татар и ногаев XVI — середины XVII вв., следует отметить, что большинство их тактических приемов восходило к боевой практике кочевников Дашт-и Кипчак золотоордынского периода. Однако данные приемы были в значительной степени модернизированы крымско-татарскими полководцами с учетом новых военных реалий эпохи «Пороховой революции». Роль копейной атаки (и ближнего боя в целом) резко снизилась. Вследствие распространения огнестрельного оружия потенциал у «хороводов» конных лучников и дистанционного боя на ближней дистанции также снизился. Зато пропорционально возросло значение лучной стрельбы на средней и максимальной дистанции и соответствующих им тактических приемов (*тулгاما*, цепи конных лучников и др.). Увеличение дистанции стрельбы снижало ее поражающий эффект, однако позволяло крымским татарам и ногаям достаточно эффективно противостоять кавалерии оседло-земледельческих народов в полевых сражениях. Сопоставление кавалерийского тактического искусства тюркских номадов Западного и Восточного Дашт-и Кипчак указывает на их генетическое сходство. В военной практике кочевых узбеков и казахов мы находим все те же тактические приемы, что и у крымских татар и ногаев — «хоровод», *тулгاما*, притворное бегство и т.д.¹⁵⁶ Это свидетельствует в пользу того, что кавалерийское тактическое искусство тюркских номадов Дашт-и Кипчак XV–XVI вв.

развивалось в рамках единой «позднетюркской» военно-культурной традиции.

Поражения татарских и ногайских войск в боях с монголоязычными ойратами (калмыками) создали условия для масштабных реформ вооружения и тактики крымской и ногайской конницы во второй половине XVII — начале XVIII вв.

Первым важным нововведением стало довооружение крымско-татарской и ногайской легкой конницы длиннодревковым оружием. Уже после первых схваток с калмыками, в декабре 1661 г., крымский хан Мухаммед-Гирей заказал горским черкесам изготовить 4500 копий по представленному им образцу, причем указывалось и назначение данного заказа: *«А биться им с копыи против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало»*¹⁵⁷. В дальнейшем программа перевооружения продолжала осуществляться, в результате чего в крымско-татарских и ногайских войсках появились собственные контингенты легковооружённой копейной конницы. Если в середине XVII в. кавалерийские пики татар вызывали удивление и повышенный интерес современников, то столетие спустя они превратились в стандартный элемент вооружения крымских и ногайских воинов: *«Сабля, ружье и пара пистолетов составляют вооружение богатых [татар], но большинство имеет только луки и стрелы или **деревянную пикю, закаленную или заостренную при помощи огня...** На войне, кроме лука в сабли, они [ногаи] **носят еще очень длинный дротик (сунгу)**, кинжал в кушаке и кожаные веревки, чтобы связывать пойманных ими невольников. Лишь немногие носят огнестрельное оружие»*¹⁵⁸. По мере того как татарские и ногайские воины перевооружались копьями и пиками (рис. 33), улучшалась и система обеспечения ордынских армий клинковым оружием. В начале XVIII в. французский лейб-медик крымского хана Ферран мог лично наблюдать ногайский отряд из 300 воинов, поголовно вооруженных саблями¹⁵⁹.

Вторым важным этапом стало постепенное распространение среди крымско-татарской конницы огнестрельного оружия. Процесс перевооружения шел достаточно медленно, но благодаря налаживанию собственного ружейного производства на полуострове состоятельные татары и ногаи смогли дополнить традиционный саадак кремневым ружьем или парой пистолетов.

Третьей тенденцией стал рост численности панцирников в крымско-татарских и ногайских войсках. В условиях сворачивания турецких доспешных производств главным импортером кольчатых панцирей, шлемов, миссюрюк и наручей в Крым и на Кубань стали народы Северного Кавказа. Практически все известные образцы крымско-татарского и ногайского защитного вооружения, датированные второй половиной XVII — серединой XVIII вв., были изготовлены северокавказскими оружейниками. Массовые закупки доспехов позволили крымским ханам значительно увеличить численность своих ударных панцирных отрядов. Кроме того, кольчугами и миссюрюками обзавелись многие состоятельные кочевники из племенных ополчений ханства.

Предпринятые меры существенно повысили устойчивость крымско-татарской и ногайской конницы в дистанционном и ближнем бою, что оказало определенное влияние на ход степных военных кампаний конца XVII — первой половины XVIII вв.

Крымско-татарская и ногайская тактика ведения боя в пешем строю в XVI — середине XVII вв.

Практика спешивания в ходе полевого сражения имела давние традиции в тактическом искусстве номадов. Она периодически использовалась степными полководцами уже в эпоху Древности и раннего Средневековья. В частности, ее применяли хунны, сяньби, древние тюрки, енисейские кыргызы, уйгуры и др. Как правило, спешивание во время полевого сражения производилось для нанесения концентрированного лучного удара по построениям противника. Для этой цели пешие стрелки не рассредоточивались по фронту, а, напротив, составляли плотные колоннообразные построения¹⁶⁰. Некоторые степные народы раннего Средневековья заложили подобный способ ведения боя в основу собственного тактического искусства. Так, например, телесы-сеяньтосцы первой половины VII в. весьма эффективно использовали массы спешенных лучников против легкой и панцирной конницы древних тюрков¹⁶¹. В период развитого Средневековья тактику спешивания стрелков во время боя активно применяли монголы периода Великих завоеваний¹⁶². Наивысшей точки своего развития данный способ ведения сражения достиг в военном искусстве Тимура в последней трети XIV — начале XV вв.

Как правило, спешенные лучники задействовались степными полководцами при отражении вражеской атаки. Концентрированный лучной удар останавливал порыв вражеских войск и создавал предпосылки для осуществления контратаки, проводившейся силами кавалерийских подразделений. С другой стороны, в случае необходимости строй пеших лучников мог передвигаться по полю сражения, продолжая поражать противника стрелами¹⁶³. Объектом атаки пеших лучников могла быть как конница, так и пехота противника. При этом в ходе сражения пешие и конные лучники активно взаимодействовали друг с другом.

Новый этап развития пехотной тактики в военном искусстве кочевников был связан с распространением в их войсках огнестрельного оружия¹⁶⁴. По всей видимости, именно крымские татары первыми среди всех кочевых народов кооптировали новый способ ведения боя в систему традиционного военного дела кочевников. Это стало возможным благодаря оказанному со стороны Османской Турции содействию верховного сюзерена Крымского ханства.

Ружейные стрелки («тюфенчи», «тюфенчи»)

В отечественной историографии широко распространено мнение, что первые отряды стрелков-*тюфенчи* (от *тюфенк*, т.е. «трубка», «ружье») появились в крымской армии только в начале XVI в. Однако материалы письменных источников свидетельствуют, что воины, вооруженные пищальми, присутствовали в действующих войсках ханства уже в начале 90-х гг. XV в.¹⁶⁵ Так, в 1493 г. хан Менгли-Гирей (рис. 35) вспоминал, что «...до зимы [1493 г.] триждыкрат на конь садился: впервые пошел, ино лед разиюлился, а вдрюгорядь розболеу воротился, а втретьее и сем ездом **пришол с пушками и пицалми на Черкасской городок пришли**»¹⁶⁶. С этого времени и вплоть до конца рассматриваемого периода значение «огненного боя» в тактическом искусстве крымско-татарских полководцев неуклонно возрастало¹⁶⁷.

Важным в плане распространения огнестрельного оружия и соответствующей тактики ведения боя в Крымском ханстве являлся тот факт, что долгое время сами татарские и ногайские кочевники относились к новому оружию весьма настороженно. Даже через полтора века после появления в крымско-татарских войсках первых отрядов

тюфенчи кочевники продолжали испытывать страх перед «трубками, извергающими огонь». По этому поводу османский путешественник Эвлия Челеби оставил в 1666 г. особое сообщение: «Там [в крепости Ор (Феррахкерман)] есть начальник крепости и 500 стражников-секбанов с ружьями. Но все они — греческие джигиты. Потому что татарский народ не умеет стрелять из ружей. Ружей они боятся. Если где-нибудь есть ружья, они говорят: „Мылтык коп“, и туда не идут. Татарский народ называет ружье мылтык»¹⁶⁸. По этой причине основу пеших стрелковых подразделений армии Крымского ханства на протяжении рассматриваемого периода формировали представители оседло-земледельческих народов¹⁶⁹.

Реформатор крымской армии хан Менгли-Гирей I на встрече с султаном Баязидом II во время похода на Молдавию в 1484 г. Фрагмент миниатюры из «Хюнер-наме», 1585–1588 гг.

Первым отрядом ружейных стрелков на службе Гиреев стали янычары из состава османского гвардейского корпуса *капыкулу*: «Кроме этих 80-ти тысяч [конных] татарских воинов при хане в Бахчисарае и в окрестностях Бахчисарая, в деревнях и **отарах** постоянно живут капыкулу [досл. «рабы Порога», т.е. османского султана]. Они были доставлены от султана Баязида [1481–1512] Менгли Герай-хану из рабов Порога Счастья в качестве воинов-стрелков из ружей. В то время капыкулу было всего 12 тысяч. Со временем эти отряды уничтожались и их осталось не больше 3-х тысяч. Но враги все еще считают, что в Крыму находится 12 тысяч капыкулу»¹⁷⁰. Как и во многих других случаях, Эвлия Челеби в данном эпизоде значительно преувеличивает число участников описываемых событий.

Во-первых, корпус *капыкулу* включал не только янычар (ружейных стрелков), но и кавалеристов, артиллеристов и обслуживающий персонал. Известные материалы позволяют предполагать, что все данные категории *капыкулу* были представлены в составе султанских войск, высадившихся в Крыму. Во-вторых, в 1475 г. в составе *капыкулу* насчитывалось только 6 тыс. янычар и далеко не все из них были вооружены ружьями¹⁷¹. Так что если бы султан вдруг решил отправить всех (!) своих ружейных стрелков корпуса *капыкулу* на службу крымскому хану, то они не смогли бы составить и половины от упомянутого Эвлия Челеби 12-тысячного корпуса. По всей видимости, численность янычар, вооруженных ружьями и отправленных в Крым при хане Менгли-Гирее, исчислялась не тысячами, а сотнями и, возможно, даже десятками воинов.

В 1523 г. «крымский» корпус *капыкулу* был пополнен новым отрядом из 200 янычар, прибывших на полуостров вместе с ханом Саадет-Гиреем.¹⁷² В дальнейшем при назначении нового хана вместе с ним в Крым отправлялся очередной янычарский отряд. Так, например, в 1532 г. Сахиб-Гирею было выделено 60 артиллеристов, 300 латников, 1000 *капыкулу* (в том числе ружейных стрелков), 40 *мютефферрика*, 30 унтер-офицеров и 60 всадников. Девлет-Гирей прибыл в Крым в 1551 г., имея под своим началом 1 тыс. воинов и 60 пушек¹⁷³. Посетивший Крым в 1578 г. польский посланник М. Броневский отмечал: «*Все татарское войско Хана состоит из конницы, за исключением нескольких сотен пеших вооруженных ружьями янычар, которых Хан получает в виде вспомогательного отряда от турок, или содержит на свой счет*»¹⁷⁴.

Не меньшее, а, возможно, и большее значение для развития тактики «огненного боя» в армии Крымского ханства имел тот факт, что османы слали в Крым не только самих янычар, но и крупные партии огнестрельного оружия. Так, например, в начале 20-х гг. XVI в. османский султан отправил крымским татарам, сражавшимся с ногаями, 500 пищалей¹⁷⁵. Подобные «посылки» доставлялись из Стамбула и позднее. В 1531 г. *калга* Сахиб-Гирей утверждал, что в случае похода на Москву османский султан обещает прислать крымцам «...сколко... надобно пушек и пищалей»¹⁷⁶. В 1550 г. М. Литвин сообщал, что в Крым «...приходят многочисленные корабли с того берега Черного моря, из Азии, при-

возят им [татарам] *оружие*»¹⁷⁷. О традиции крымских татар закупать свинец и порох у турков писал в 1624 г. *калга* Шахин-Гирей. Во время конфликта с османами крымцы пытались приобретать ружейные боеприпасы у подданных Речи Посполитой¹⁷⁸.

Наличие инструкторов из числа воинов *капыкулу* и запасов огнестрельного оружия позволили крымско-татарским полководцам сформировать отряды ружейных стрелков, которые пополнялись не только за счет потомков *капыкулу*, но и благодаря призыву на воинскую службу представителей оседлых народов Крымского ханства. Пере рождение крымско-татарских *капыкулу* к середине XVII в. образно, но весьма точно описал все тот же Эвлия Челеби: «*Теперь они [капыкулу] на положении ханкулу [т.е. дословно «рабы хана»]. Однако они не татары. Это — целый полк из детей абхазцев, черкесов и грузин. Роду Османов от них никогда не случилось измены*»¹⁷⁹.

Наряду с абхазами, черкесами и грузинами часть пехотных стрелковых подразделений в Крымском ханстве составляли греки и таты. Так, в частности, именно греческие подразделения осуществляли оборону перекопских укреплений в середине 60-х гг. XVII в.: «Он [Мухаммед-Гирей IV] соорудил на расстоянии ружейного выстрела друг от друга мощные, подобные валу Искендера, башни, смотрящие в сторону рва. На каждой из них он разместил по 5 пушек шахи зербазен и в каждую башню назначил по 50 молодых-греков, стрелков из ружей... У подножия крепости Ор рядом со стеной были возведены друг против друга две двухслойные огромные башни. В каждой башне разместили по 50 греческих молодых с их начальниками — *ода-башни азабов. Во всех башнях молодыми командуют такие офицеры*»¹⁸⁰. Описывая население Татского иля, Эвлия Челеби отмечает: «*Весь народ здесь — греки и лазы, говорящие по-гречески. Всего их до 15-ти тысяч, татского народа, стрелков из ружей... В то же время было послано известие аге Татского иля, что находится в Кефинском зйялете. К полуночи прибыло 2 тысячи прекрасных стрелков из ружей из Татского иля*»¹⁸¹. Мобилизационные возможности горцев-татов Эвлия Челеби, как обычно, преувеличивает в разы или даже в десятки раз, однако факт участия татов в составе крымских стрелковых подразделений не вызывает сомнений и подтверждается сообщениями других авторов.

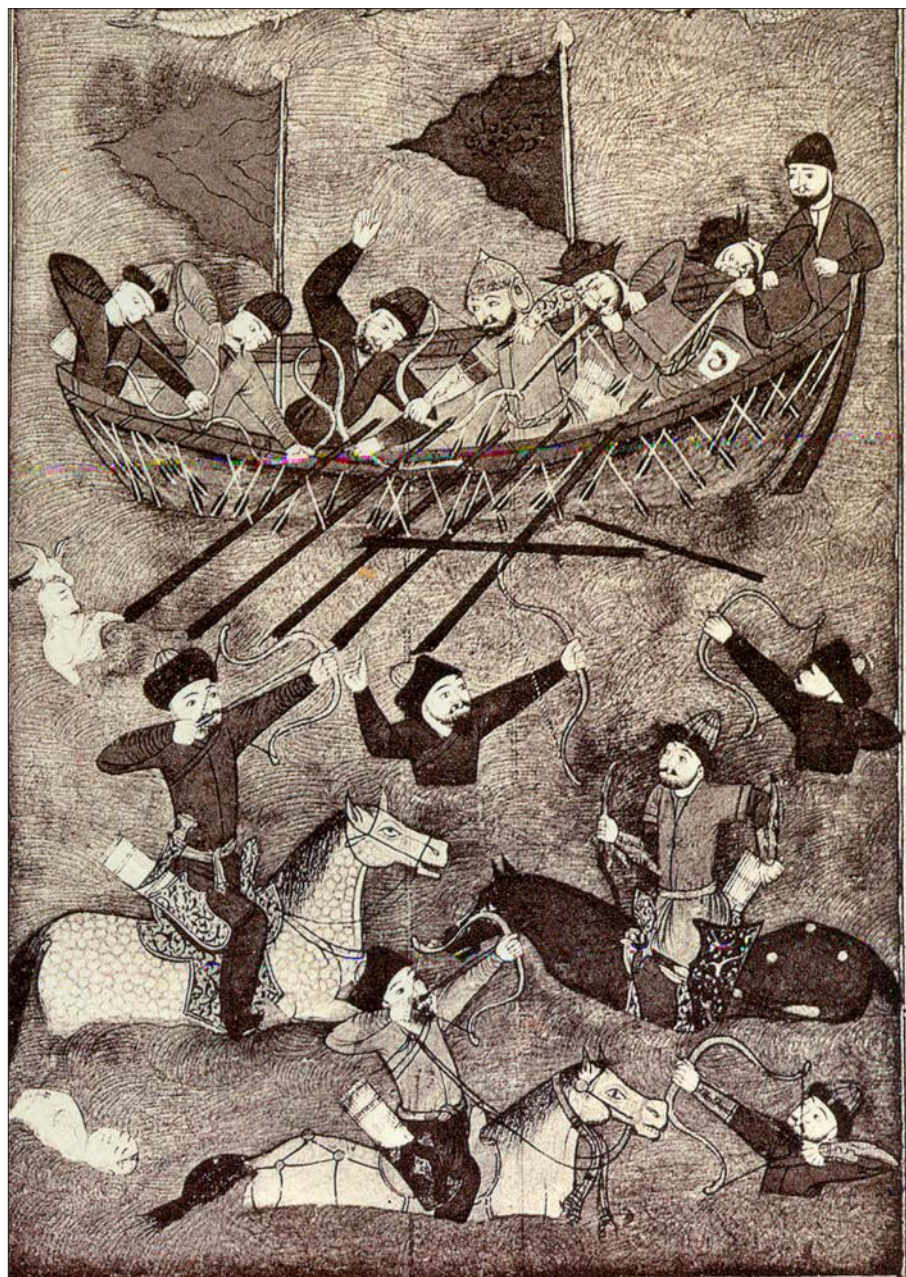
Еще одним источником для пополнения пехотных отрядов Крымского ханства являлись представители северокавказских народов, которые весьма активно использовали огнестрельное оружие уже в первой половине—середине XVII вв.¹⁸²

По всей видимости, запасы огнестрельного оружия в крымских арсеналах, а также наличие торговых связей с Турцией и Северным Кавказом позволяли в случае необходимости увеличить число огнестрельной пехоты. Так, например, в 1661 г. «...для спасения от калмыков» Мухаммед-Гирей приказал провести перепись «во всех крымских городах гречан, тарханов, армян и «жидов» и велеть им всем иметь пищали»¹⁸³.

Таким образом, крымские пехотные подразделения рассматриваемого периода были представлены двумя основными категориями: отрядами *капыкулу* (наследниками османского гвардейского корпуса, отправленного в Крым) и *секбанами*. Последние в Османской империи набирались преимущественно из населения Балкан и Анатолии, а в Крымском ханстве — из представителей оседлого населения полуострова. Не исключено, что крымские *секбаны*, как и их османские современники в начале XVII в., были разделены на белюки по 50–100 чел. во главе с *белюк-баши*¹⁸⁴. Командиров полусотенных отрядов греческих *секбанов*, охранявших Перекоп, Эвлия Челеби называет на греческий манер *эргинами*, что соответствует турецкому званию *одабаши азабов*, а по европейской классификации — званию лейтенанта¹⁸⁵. В Анатолии и на Балканах отряды *секбанов* находились на содержании губернаторов провинций, а в случае с Крымом — на содержании хана и беев. Эвлия Челеби свидетельствует, что *секбаны* пребывали на службе у Гиреев не только в качестве боевых и охранных подразделений, но и в качестве сборщиков налогов: «Во все стороны отправлялись для сбора имущества *секбаны* — стрелки из ружей — они прошли по каждой каза Крымской страны»¹⁸⁶.

В русских письменных источниках XVI–XVII вв. пешие ружейные стрелки Крымского ханства (как *капыкулу*, так и *секбаны*) традиционно именуется «янычарами» («яныченами», «янычанами») или «капычечями» (вероятно, от «*капыкулу*» и «*тюфенчки*»). При этом большинство крымских пищальников по своему внешнему виду мало напоминали своих знаменитых современников из османской

Лучники и секбаны отбивают атаку татар
Фрагмент миниатюры из «Шуджат-наме» Асафи-паши, 1578–1585 гг.

метрополии. Так, например, крымские *капыкулу* XVII в. не носили знаменитых янычарских колпаков, заменяя их меховыми шапками и чалмами: «*Весь народ носит суконные кафтаны и суконные штаны. Но капыкулу, от-аги, аталыки, мурзы и султаны носят собольи шубы и шапки. Есть также такие, что носят намотанные белые чалмы. Обуваются в плетеные ботинки или туфли, все ездят верхом*».¹⁸⁷ На миниатюре к «Шах-наме» Субхи-челеби Талики-заде охранники хана Гази-Гирея (1588–1597, 1597–1608) из состава *капыкулу* одеты в шапки с низкой красной тульей и меховой опушкой, красные и зеленые кафтаны с осевым разрезом, синие штаны и сапоги. К поясам *капыкулу* подвешены слабоизогнутые сабли («*чечуги*»?) с позолоченным эфесом и ножнами. Что касается ополченцев-*секбанов*, призванных в ряды *тюфенкчи*, то они, вероятно, носили привычную им повседневную одежду, дополняя ее соответствующей ружейной амуницией. На османских миниатюрах XVI–XVII вв. крымские *секбаны* часто носят характерные шапки с низкой тульей и широкими отогнутыми вверх разрезанными полями. На некоторых изображениях подобные головные уборы украшены перьями.

Главным оружием крымских *тюфенкчи* (как *капыкулу*, так и *секбанов*) были ружья османского производства. Последние, как правило, имели фитильный замок азиатского типа (S-образный курок упрятан в толщу ложа), длинный железный ствол «змеиная голова», массивный короткий и почти прямой приклад¹⁸⁸. Позже наряду с фитильными ружьями могли применяться их кремневые аналоги.

Для того чтобы пехотинцы не задерживали движение кавалерийских частей, крымские *тюфенкчи* во время похода часто садились на коней и спешили лишь непосредственно перед боем. Так, например, во время одной из битв с казаками в 1666 г. «...*достославный хан отдал приказ, и все стрелки из ружей спешили с коней*»¹⁸⁹.

Определив особенности комплектования отрядов ружейных стрелков в армии Крымского ханства, необходимо отметить хотя бы примерную численность подобных пехотных отрядов. Как уже отмечалось выше, первоначально в Крым прибыло несколько десятков или сотен *капыкулу*, вооруженных ружьями. В 1523 г. вместе с новым ханом Саадет-Гиреем прибыли еще 200 янычар¹⁹⁰. В 1532 г. ядро армии нового хана Сахиб-Гирея, прибывшего в Крым из Стамбула, составляли 1 тыс.

сейменов и 600 османских янычар с орудиями¹⁹¹. О максимальной численности ружейных стрелков, способных принять участие в военных действиях за пределами полуострова в конце первой половины XVI в., свидетельствуют данные о походе Сахиб-Гирея на Астрахань в 1546 г. Готовясь к началу военной кампании, хан провел тотальную мобилизацию боеспособного населения («сефер аяагын эдуб»). В армию были призваны все мужчины в возрасте от 15 до 70 лет, способные держать оружие. Уклонившимся от похода власти грозили разорением и смертной казнью. В результате мобилизации собственно ханские войска насчитывали 10 тыс. чел. (включая отряды *беев*), а племенное ополчение — якобы до 250 тыс. всадников. При этом число ружейных стрелков по разным данным составило от 200 до 1000 чел.¹⁹²

В середине — второй половине XVI в. численность *тюфенкчи*, принимавших участие в походах, также не превышала 1 тыс. человек. М. Литвин, описывая крымскую армию образца 1550 г., упоминает «...стрельцов неколико сот *Пятигорских и Черкасов с пищалми*». В черкесском походе 1551 г. участвовала тысяча стрелков-*тюфенкчи*¹⁹³. В сражении при Судьбицах в 1555 г., по данным А. Курбского, рядом с крымским ханом находился отряд из тысячи «...янычар с ручницами»¹⁹⁴. Согласно подсчетам И. Тунманна (1777), в крымской армии второй половины XVI в. насчитывалось 800 «готских» пехотинцев и 2000 гвардейских кавалеристов-*сейменов*: «200 лет тому назад хан имел также готскую пехоту из 800 человек, которая составляла ядро его войск. Османский двор держал для него гвардию телохранителей (*сейменлер*), в 2000 человек, которая была конной»¹⁹⁵. М. Броневский отмечал в 1578 г., что общая численность ружейных стрелков (включая «вспомогательный отряд, присланный от турок», а также воинов, находящихся на содержании хана) не превышало «...несколько сотен пеших»¹⁹⁶. По сведениям российского посланника И. Судакова, в феврале 1588 г. хан выступил в поход на Украину, имея под своим началом 500 «янычар» из Кафы¹⁹⁷.

В последующие десятилетия численность *тюфенкчи* в составе крымской армии если и возросла, то не слишком значительно. Согласно показаниям астраханского стрельца М. Федорова, в 1641 г. под Азовом действовало около 500 *сейменов* («крымских стрельцов»), которые были перебиты в ходе осады города¹⁹⁸. В 1643 г. русские разведчики

зафиксировали крымский отряд, переправлявшийся через р. Донец, состоявший из 2 тыс. татар и 500 «янычар»¹⁹⁹. Во время похода 1645 г., возглавляемого *нураддином*, которому хан вручил собственные знамена («*ис Кафы все кафинцы ходили с нураддином на государевы украинные города войною*»), общая численность татарской конницы достигала 30 тыс. всадников. Однако *сейменов* («янычар») в крымской армии было только 20 чел.²⁰⁰

Характерен комментарий Эвлия Челеби относительно событий, предшествующих походу на мятежных ширинов в 1667 г.: «*Высокодостойный хан собрал целую тысячу местных воинов и прославленных джигитов-стрелков из ружей. 500 стрелков собрал калга-султан, и еще 500 стрелков собрал нуреддин-султан. 300 стрелков собрал ханский везир Ислам-ага. А бывшие прежде в заложниках в черкесской стране султаны из Чобанов пришли с почти двумя тысячами стрелков. Таким образом, всего было собрано 4300 пехотинцев с ружьями. А кроме того 80 тысяч всадников-татар. Когда об этом услышали Ширин-беи, они сказали: „Татарские ханы никогда не собирали и 500 стрелков“. Они посмеялись и не пришли к хану, не присоединились к походу*»²⁰¹. Таким образом, даже в середине 60-х гг. XVII в. способность крымского хана мобилизовать всего лишь 500 *тюфенкчи* вызывала недоверие и насмешки влиятельных ширинских беев. Что же касается 4300 *тюфенкчи*, якобы собранных в 1667 г., то, на наш взгляд, эта цифра представляется чрезмерно завышенной. При этом способность самого хана, а также *калги*, *нареддина* и визиря призвать несколько сотен ружейных стрелков не вызывает сомнений и подтверждается другими источниками. Однако цифра в 2000 *тюфенкчи*, которых якобы выставили северокавказские ногаи-чобаны, представляется совершенно невероятной.

Таким образом, собранные материалы позволяют предположить, что даже во время больших походов XVI в. численность ружейных стрелков в армии Крымского ханства обычно не превышала 1 тыс. чел. В середине XVII в. численность *тюфенкчи* могла возрасти за счет дополнительной мобилизации оседлого населения полуострова, а также привлечения к военным операциям чобанов и черкесов. Но даже в этом случае маловероятно, что совокупная численность пищальников в действующей крымской армии данного периода превышала 1,5–2 тыс. воинов.

Тем не менее, в исторической перспективе войска Крымского ханства стали первой армией кочевников, имевшей в своем составе пехотные подразделения ружейных стрелков. Среди других номадов ручное огнестрельное оружие распространилось значительно позднее. Так, у казахов оно фиксируется только со второй половины XVI в., у сибирских татар — с конца XVI в., у калмыков — с первой половины XVII в., у джунгар — только со второй половины XVII в. и т.д.

Своеобразием отличался процесс распространения огнестрельного оружия в Большой и Малой Ногайских ордах. Важно отметить, что правители ногаев достаточно рано осознали важность и перспективность «огненного боя», однако, в отличие от крымских татар, долгое время не могли наладить надежные каналы поставок ружей и боеприпасов в собственные владения.

Ногайские *бии* были хорошо осведомлены о отсылке в Крымское ханство стрелков-янычар из османского корпуса *капыкулу*. Однако, учитывая непростые отношения с Крымом, ногаи вряд ли могли рассчитывать на появление турецких янычар в собственных войсках. По всей видимости, именно тогда умами биев завладела идея использовать вместо османских *тюфенчи* русских пищальников. Еще в период расцвета Ногайской орды в 20-х гг. XVI в. *нураддин* (глава правого крыла) Хаджи-Мухаммед, планируя строительство города на Волге, просил Великого князя Московского прислать ему «топорников и пищальников», но получил отказ²⁰². Тем не менее, несмотря на первый неудачный опыт, *бии* не оставили попыток обзавестись отрядами собственных ружейных стрелков.

По всей видимости, первые *тюфенчи* («немногие пищальники») появились в ногайских войсках не позднее середины XVI в. По предположению В.В. Трепавлова, эти ружейные стрелки, несшие службу у бия Исмаила, прибыли «...из мусульманских стран»²⁰³. Однако количество этих стрелков было так незначительно, что Исмаил был вынужден писать Ивану Грозному, что ногаи не могут помочь ему в атаке на Астрахань, так как «...пушек и пищалей у нас нет»²⁰⁴.

Малочисленность ногайского отряда *тюфенчи* явно не устраивала бия, поэтому Исмаил вновь решил попытаться пополнить его за счет русских стрельцов, тем более, что с Москвой у ордынского правителя сложились весьма доверительные отношения. В мае 1555 г. Исмаил

обратился к Ивану IV с просьбой прислать ему «...двадцать пищальников да три пушечки и стрельцы, хто стреляет из них». На этот раз результат превзошел ожидания бия. Вместо 20 запрашиваемых пищальников в Орду был отправлен отряд из 50 стрельцов, которые должны были оставаться при ногайском правителе до тех пор, пока тому будет грозить опасность. Опыт привлечения русского воинского контингента, по всей видимости, оказался весьма удачным, так как уже осенью того же 1555 г. ногаи запросили Москву об отсылке еще 5 пушек и двух стрелецких отрядов для бия Исмаила (200 стрельцов) и для нурадина Арслана (100 стрельцов)²⁰⁵. В условиях ожесточенной междоусобной борьбы между представителями ногайской знати немногочисленные, но дисциплинированные и вооруженные огнестрельным оружием стрелецкие отряды быстро стали той «гирькой», которая нередко склоняла весы военной победы то в пользу одного, то в пользу другого претендента на власть.

Неясно, получил ли Исмаил запрашиваемые осенью 1555 г. стрелецкие подразделения, однако превратить русских пищальников в «бий-кулу» ему явно не удалось. В отличие от османских *капыкулу*, осевших в Крыму, стрельцы, даже находясь в Орде, продолжали подчиняться российским властям и по завершению срока «ногайской службы» возвращались на родину. Стремление ногайских биев и мирз заполучить в свои войска контингенты русской огнестрельной пехоты вынуждало ордынцев раз за разом обращаться с просьбами в Москву и Астрахань, что делало ногаев все более и более зависимыми от российского правительства. Царские власти прекрасно сознавали данный факт и использовали стрелецкие отряды как для поддержки промосковских партий в Ногайской Орде, так и для разжигания междоусобиц среди ногаев. Во второй половине 50-х гг. XVI в. отряды стрельцов при ставке бия Исмаила сменили пищальники астраханского гарнизона (1557). Просьбы о пополнении отрядов огнестрельной пехоты посыпались одна за другой: 14 июля 1557 г. — 6 пушек и 300 пищальников, 7 ноября 1557 г. — 8 пушек и 300 пищальников и т.д.²⁰⁶

В начале XVII в. новые российские отряды с «огненным боем» были отправлены для оказания содействия родственникам убитого Дин-Мухаммеда и *нураддину* Иштереку²⁰⁷. В 1619 г. представители ногайской знати, изнывавшие от междоусобных столкновений и набегов

калмыков, просили русских прислать стрельцов «...для обереганья, а не для войны». В ответ на данную просьбу в степь был отправлен отряд из 40 стрельцов с пищалями²⁰⁸. В 1619–1620 гг., во время раскручивания очередного витка внутриногайского противостояния с целью разжигания конфликта, стрелецкие подразделения были разсланы в армии обеих противоборствующих группировок²⁰⁹. После провозглашения бием лояльного Москве мирзы Каная в 1622 г. стрелецкие отряды стали посылаться для его поддержки²¹⁰. В 1628 г. русские воеводы обещали послать 50 стрельцов для защиты *нураддина* Кара Кель-Мухаммеда²¹¹. В сражении с калмыками у р. Большой Узень (22 апреля 1633 г.) русские стрельцы показали себя наиболее боеспособной частью ногайской армии²¹².

Очевидно, что столь сильная зависимость от российских отрядов не могла устраивать большинство ногайских мирз, которые активно искали альтернативные источники импорта огнестрельного оружия. Так, для восточных ногаев (алтыульцев) основным поставщиком ружей и боеприпасов стали государства Средней Азии, которые традиционно продавали кочевникам излишки вооружения, производимого в городах Мавераннахра. Торговые контакты со среднеазиатскими купцами позволили восточным ногаям сформировать весьма многочисленные (по меркам региона) отряды *тюфенкчи*. В 1620 г. среди 300 человек «улусных невеликих людей» Шейх-Мухаммеда находилось тридцать «пищальников»²¹³. В конце 20-х гг. XVII в. на Эмбе в состав 7-тысячной калмыцкой армии (6 тыс. ойратов и 1 тыс. алтыульцев) входили 800 ружейных стрелков, значительную часть которых составляли алтыулы²¹⁴.

Ногаи, кочевавшие в предкавказских степях, могли приобретать ружья у своих союзников из числа кабардинцев, дагестанцев и др. В результате в местных ногайских отрядах в первой половине XVII в. появились собственные подразделения *тюфенкчи*. Во многом благодаря массивному применению ружей в 1644 г. ногаи (в союзе с черкесами, горцами и крымскими татарами) смогли одержать первую серьезную победу над «...копийной и куяшной» калмыцкой конницей²¹⁵. В конце 40-х гг. XVII в. ногайские улусные люди передали русским властям сведения о том, что промышлявший на Тереке Чебанмурза «...с Кизылбашским шахом сносится и что он учит человек

со 100 стрелять из пищалей»²¹⁶. Сведения о наличии в отряде Чебана *тюфенкчи* подтвердились в ходе сражения на р. Койсу (08.01.1651), когда ногаи навязали русским перестрелку через реку «...из луков и пищалей»²¹⁷. О наличии в отрядах ногаев-чобанов (которые были «...прежде в заложниках в черкесской стране») многочисленных ружейных стрелков в середине 60-х гг. XVII в. писал Эвлия Челеби²¹⁸.

Письменные источники фиксируют факты применения ружей западными (буджакскими) ногаями в 1627 г.²¹⁹ Можно предполагать, что буджакцами использовались не только османские, но и польские ружья, захваченные ногаями в качестве трофеев во время набегов на территорию Речи Посполитой.

Что касается ногаев, сохранивших верность российской короне и кочевавших под Астраханью, то система их обеспечения огнестрельным оружием отличалась значительным образом. По сведениям А. Олеария, во второй половине 30-х гг. XVII в. российские власти запрещали ногаям иметь собственное оружие, однако для защиты от калмыков ногаям разрешалось получать «...ружья и другое военное снаряжение» в Астраханской «оружейной палате» во временное пользование. Выдача пищалей производилась в зимний период, когда Волга покрывалось льдом, и калмыки могли легко форсировать реку. «В начале лета» ногаи были обязаны вернуть ружья в царские арсеналы²²⁰.

Таким образом, собранные материалы позволяют сделать вывод, что небольшие отряды ружейных стрелков впервые появились в составе ногайских армий в середине XVI в. Вплоть до конца данного столетия основная масса пищальников в войсках Большой Ногайской Орды была представлена русскими стрельцами. Однако военно-политическая необходимость подвигла ногайских мирз на создание собственных подразделений *тюфенкчи*, которые были вооружены ружьями, приобретенными у народов Средней Азии, Северного Кавказа и, возможно, Ирана. Интересно, что если в Крымском ханстве пехотные подразделения вплоть до конца рассматриваемого периода формировали представители оседлых народов, то ногаи были вынуждены осваивать огнестрельное оружие самостоятельно. Причем данный процесс шел весьма быстро. Если еще в начале 30-х гг. XVII в. «...ногайцы сильно недолюбливали орудийный огонь» и «боялись простого пищального выстрела»²²¹, то десятилетие спустя они уже вовсю палили из ружей,

сбивая наступательный порыв калмыцкой конницы. В результате ногайские кочевники освоили приемы ведения «огненного боя» даже раньше своих крымско-татарских современников. По европейским или османским меркам численность *тюфенкчи* в ногайских войсках первой половины XVII в. была очень невелика и исчислялась десятками или, в лучшем случае, сотнями стрелков. Однако в ногайском военном искусстве *тюфенкчи* сразу же стали играть весьма заметную роль в борьбе с многочисленной и хорошо вооруженной калмыцкой конницей.

Артиллерия

Ключевую роль в формировании артиллерийского парка Крымского ханства в конце XV — начале XVI вв. сыграли поставки орудий и боеприпасов с территории Османской империи обладавшей развитым пушечным производством (рис. 40). Кроме того, в крепостях полуострова находилось некоторое количество европейских пушек, изъятых из бывших генуэзских арсеналов.

Первые сведения о применении крымцами артиллерийских орудий за пределами полуострова относятся к самому началу 90-х гг. XV в. В 1493 г. хан Менгли-Гирей «...*пришол с пушками и пицалми на Черкасской городок*»²²². В 1502 г. он двинулся в поход против Большой Орды, «...*взяв с собою и пушки*»²²³. В 1516 г. крымцы ходили на Астрахань «...*со мною своею ратью и с пушками и с пицалми*»²²⁴. Таким образом, уже в конце XV в. — начале XVI вв. артиллерия становится важным компонентом вооруженных сил Крымского ханства, причем со временем ее роль в военном искусстве крымских татар только возрастала (см. ниже).

По сообщениям современников, артиллерийский парк Крымского ханства XVI — середины XVII вв. был представлен пушками «*шахи*» («сахи», *sahi*), «*шахи зербазен*» (*sahi zarbzen*), *шахане кулумбурне* (большие кулеврины), «*шахане*», «*бал емез*» (дальнобойные пушки) и др.

Основной разновидностью орудий Крымского ханства (как и Османской Турции) были пушки «*зарбузан*» (*zarbzen, zarbuzan*). Различались малые, средние и большие *зарбузан*.

Самые малые образцы пушек данного типа (*кючюк зарбузан*) имели длину ствола около 1,4–1,6 м при весе 54 кг. Из них стреляли

миниатюрными ядрами, вес которых колебался от 0,154 до 0,922 кг. Подобные орудия идеально подходили для военных кампаний, требовавших быстрого передвижения на большие расстояния. При транспортировке малые «зарбузан» помещались в специальные ясли или выюки, крепившиеся на спины лошадей, причем каждый конь мог перевозить по два таких орудия.

Вес среднего «зарбузан» (*miyane zarbzen*, *миане зарбузан*) составлял от 54 до 297 кг. Они стреляли ядрами весом около 1,3 кг. Можно предполагать, что большую часть крымско-татарской полевой артиллерии составляли именно средние и малые «зарбузан».

Большие «зарбузан» (*sahi zarbzen*, *шахи зарбузан*) могли достигать внушительных размеров. Так, например, известны османские образцы первой половины XVI в., имевшие длину ствола 3,57 м, при весе 2160 кг, и калибре 26 см. Средний вес ядра составлял 2,6 кг. В середине 60-х гг. XVII в. некоторое количество «шахи зарбузан» входило в состав артиллерийского парка Крымского ханства. Как правило, они использовались ордынскими военачальниками в качестве гарнизонной артиллерии. В частности, ими были укомплектованы башни перекопских укреплений²²⁵. Тем не менее, при определенных обстоятельствах пушки типа «шахи» также могли применяться и во время военных походов за пределами полуострова. Для этой цели их размещали в телегах и арбах *вагенбурга*²²⁶.

Наряду с пушками, современники упоминают на вооружении у крымцев крупнокалиберные ружья («затинные пищали»). Из такой «пищали» в битве при Судьбищах в 1555 г. был ранен один из командиров русской армии С. Г. Сидоров²²⁷.

Основу личного состава артиллерийских подразделений ханства первоначально составляли османские офицеры и канониры, прибывшие в Крым с территории Турции. Известно, что в последующие годы практика присылать на полуостров турецких артиллеристов-«топчи» продолжала существовать. Так, например, в 1532 г. вместе с Сахиб-Гиреем на полуостров прибыло 60 османских «топчи»²²⁸. Можно предполагать, что со временем, наряду с этническими турками, в число пушкарей были включены и жители Крыма. Численность персонала, приписанного к артиллерийскому парку, была весьма значительной. В «серединных башнях» укреплений Перекопа в середине 60-х гг.

XVII в. по соседству с подразделениями греков-секбанов находились казармы для «...ста молодых-пушкарей»²²⁹. В это же время подразделение турецких артиллеристов было расквартировано в крепости Кафе (Кафа) (рис. 41). При перечислении командного состава кафинского гарнизона Эвлия Челеби, наряду с *агой оды* янычар и *агой оды джебеджи*, упоминает также *агу ода* пушкарей, которые «...прибыли от падишахского двора и защищают крепость»²³⁰.

Жесткого разделения на полевую, осадную и гарнизонную артиллерию в крымской армии XVI — середины XVII вв., по всей видимости, не существовало. Одно и то же орудие в зависимости от особенностей боевой обстановки могло последовательно использоваться в полевом сражении, при осаде вражеского города или, наоборот, для защиты стен собственной крепости. При этом самые крупные пушки, как правило, хранились в арсеналах на территории Крыма и использовались в качестве гарнизонной артиллерии. Более легкие модели орудий применялись в военных экспедициях за пределами полуострова. Так, например, в Бахчисарае в 1623 г. находился «...большой и мелкий наряд»²³¹, который во второй четверти — середине XVII в. попеременно использовался в качестве гарнизонной, полевой и даже осадной артиллерии (при осаде Кефе в 1628 г. и др.).

Артиллерийский парк Крымского ханства середины XVI в. (включая пушки крепостных гарнизонов) составляли несколько десятков орудий различного калибра. Причем в походы за пределы полуострова крымско-татарские военачальники обычно брали не более 20 орудий, которые использовались при осаде городов и в полевых сражениях²³². Потери пушек в ходе военных кампаний восполнялись за счет новых поставок с территории Османской империи²³³.

В середине XVII в. крымский артиллерийский парк насчитывал около сотни стволов. Однако большая часть орудий была сосредоточена в крепостях полуострова и представляла собой гарнизонную артиллерию. Так, например, значительным количеством пушек были оснащены укрепления Перекопа. В каждой башне размещались по 5 тяжелых пушек *шахи зербазен*. Кроме того, в двух больших башнях «...у подножия крепости Ор рядом со стеной» располагались 5 тяжелых пушек *кулеврин (шахане кулумбурне)*²³⁴. Эвлия Челеби также отметил наличие артиллерии в тех крепостях, которые он посетил лично во время

путешествия по Крыму. В крепости Ин-Кермен «...изрядный арсенальчик и 5 пушек шахи»; в крепости Балыклагы-керман «...пушки шахане, всего 20 пушек»; в крепости Мангуп «...пороховой склад, хранятся пушки, ружья, другая военная амуниция и снаряжение»; в крепости Керчь «...все пушки шахи и шахане нацелены на порт»; в башне Арбат «...150 секбанов, отличный склад оружия. Пушки шахи и шахане стоят у бойниц»; в крепости Ченишке «...280 секбанов с ружьями, оружейный склад, пушки шахане»; в крепости Тамань «...двадцать пушек шахи смотрят в эту сторону»; в крепости Кефе «...дан зали из 50-ти пушек... В крепости прозвучал салют из пушек, а в ответ прозвучал салют войсковых пушек бал емез»; в крепости Судак «...там есть одна замечательная пушка, но ствол ее днем и ночью закрыт. Это пушка шаханэ, самая длинная в крепости» и т.д.²³⁵

В случае необходимости часть пушек из южных арсеналов полуострова могла перебрасываться в северные крепости, которым грозила опасность нападения противника. Так, например, согласно показаниям пленных татарских мурз в середине 50-х гг. XVI в., хан Девлет-Гирей послал «...на брежение Аторохони» 700 татар и 300 янычар «...с пищальми, да и пушкы». В 1552 г. в Астрахань было отправлено 13 орудий, а в 1555 г. туда же был откомандирован отряд князя Чегилека «...с пушками и пищали»²³⁶. В середине 50-х гг. XVI в. хан Девлет-Гирей переслал хану Дервиш-Али пушки, которые были отбиты ногами и переданы русским²³⁷. Позднее для защиты от набегов казаков и калмыков гарнизонной артиллерией были усилены крепость Ор (на Перекопе), башня Арбат, крепость Ин-Кермен и др.

О полевой и осадной артиллерии Крымского ханства известно немного. В основном это были орудия зарбазен малого и среднего калибра, которые перед началом военной кампании изымались из крымских арсеналов и передавались в действующую армию. Во время похода они перевозились на лошадях, верблюдах или повозках, а перед сражением размещались на специально оборудованных позициях или на «боевых» телегах *зарбузан арабалары* (см. ниже). Спектр боевых задач крымской артиллерии был весьма широк. В полевом сражении они применялись для отражения вражеских атак (1548 г., 1555 г.), для поддержки наступления собственных кавалерийских и пехотных подразделений (1541 г., 1555 г., 1572 г., 1646 г., 1647 г.), для защиты

вагенбурга (1572), для подавления вражеской артиллерии (1541 г., 1572 г.), для психологического воздействия на противника и т.д.

При осаде крепостей применялась стрельба зажигательными («огненными») ядрами (с целью поджога деревянных укреплений, хозяйственных и жилых построек противника) (1541 г., 1552 г.). В некоторых случаях пушки зарбазен пытались использовать в качестве стенобитной артиллерии, однако малый калибр орудий, как правило, не позволял крымским канонирам добиться желаемого результата. Например, в 1541 г. хан Сахиб Гирей попытался применить свой «*наряд*», состоявший в основном из малых *зарбазенов*, для взятия г. Пронска. Татарские воины начали «приступати к городу с пушками и с пищальми и градобитными снарядами». Целый день «татарове приступаша всеми полки к городу, ис пушек и ис пищалей начала по городу бити, а стрелы их аки дождь полетеша, и к стенам града приближашия». Однако горожане и воины гарнизона ружейным и пушечным огнем отразили все атаки татар. Те же крымцы, которые все-таки прорвались к стенам города, были «кольем и камением отбиша». Дальнейшая осада была прервана подходом русских войск, вынудивших Сахиб Гирея бросить «наряд» и военный лагерь и бежать в Крым²³⁸. Схожая история произошла во время осады Тулы в 1552 г. Сначала артиллеристам Девлет-Гирея сопутствовал успех. Применив «огненные» ядра, они сумели поджечь некоторые «дворы» внутри крепостных стен, однако «...горожане огонь в городе погасили и с нечестивыми бились, и от города отбили»²³⁹. Обстрел стен и башен не дал никакого результата. Главным успехом крымских пушкарей стали сломанные ворота Тульского кремля, однако горожане быстро возвели баррикады, которые не позволили татарам ворваться внутрь «града». Когда же Девлет-Гирей в очередной раз приказал своим войскам «приступать с пушками и с пищалями» к городу, к Туле подошли русские войска, которые вынудили хана стремительно отходить на юг, бросив все свои 18 орудий²⁴⁰. В 1628 г. крымцы и союзные им запорожцы «...били из наряда» по Кефе, но также не добились особого результата²⁴¹.

Как правило, численность артиллерийского парка, приписанного к крымско-татарской армии, действовавшей за пределами полуострова, редко превышала 20 стволов. В частности, отборный гвардейский отряд Сахиб-Гирея в 1541 г. был усилен четырьмя пушками. В 1546 г.,

во время похода на Астрахань, артиллерийский парк крымцев насчитывал 20 орудий²⁴². В черкесском походе 1551 г. в ханской армии находилось 20 *зарбузанов*²⁴³. Согласно М. Литвину, в 1550 г. при выступлении в поход вслед за «...полком людей великих» везли 10 легких полевых орудий с боекомплектом («...за оным войском пушек полевых десять з запасы их и шыми потребствы»). В 1552 г. к крымско-татарской армии были приписаны 18 пушек, однако все они вместе с комплектом боеприпасов были потеряны ордынцами в ходе неудачной осады Тулы и последующего отступления²⁴⁴. В астраханском походе 1569 г. вместе с крымской армией двигался верблюжий караван, груженный 20 орудиями: «...в воинстве татарском токмо бе дваццедесят пушек полевых, их же везоша вельблюды»²⁴⁵. М. Броневский отмечал в 1578 г., что хан, выступая в поход, «...берет с собою в поход несколько небольших пушек»²⁴⁶. К числу немногочисленных исключений относится междоусобная война 1532 г., а также военные кампании против русских в 1541 г. и против ногаев в 1548/9 г. По некоторым данным, готовясь к решающей схватке с Ислам-Гиреем, хан Саадет-Гирей снабдил свою армию в 1532 г. 50 орудиями. Однако не исключено, что в данном случае число ханских пушек было преувеличено современниками. Согласно подсчетам В. В. Пенского, в крымской армии Сахиб-Гирея в 1541 г. насчитывалось более 60 пушек-*зарбузан*²⁴⁷. Во время сражения с ногаями в 1548/1549 г. крымцы развернули батарею из 40 *зарбузанов*²⁴⁸.

Артиллерия в войсках самих ногаев была представлена иностранными (в том числе трофейными) орудиями. Во второй половине XVI в. малокалиберными «пушечками» были снабжены русские стрелецкие отряды, выполнявшие функции охраны ногайских биев. В битве под Цецорой в 1620 г. буджакскими ногаями были захвачены «...12 больших польских пушек», которые буджакский Кан-Темир пытался применить против крымцев в ходе военной кампании 1628 г.²⁴⁹

Давая оценку крымскому артиллерийскому парку XVI–XVII вв., исследователи обычно сравнивают его с европейскими или османскими аналогами, а затем удовлетворенно отмечают малочисленность и архаичность татарского «наряда». На наш взгляд, подобные сравнения представляется не совсем корректными, так как оседло-земледельческие народы обладали развитой промышленностью, позволявшей организовать поточное производство артиллерийских орудий.

Более логичным было бы сравнить огневую мощь крымско-татарской армии и войск других кочевых народов Евразии. Однако произвести подобное сопоставление не представляется возможным по объективным причинам. В конце XV — середине XVI в. ни одна другая степная армия не могла похвастать собственным артиллерийским парком, хотя бы близко сопоставимым по численности и качеству с крымско-татарским. Даже в конце XVI в. большинство кочевников еще не умели пользоваться пушками. Так, например, сибирские татары хана Кучума, заполучив два орудия из Казани или Средней Азии, в ходе сражения с казаками Ермака не смогли сделать ни одного выстрела и сбросили их в Иртыш²⁵⁰. В могущественной Джунгарии первые четыре малокалиберных пушки китайского производства фиксируются только в 1640 г. Причем в полевых сражениях они не применялись, а использовались в качестве гарнизонной артиллерии крепости Кубак-Саре²⁵¹. Что касается других кочевых народов, то многие из них вообще не имели собственной полевой артиллерии вплоть до XVIII в. (казахи, киргизы, монголы и др.). Таким образом, крымско-татарские войска стали первой армией кочевников, начавшей активно применять артиллерию в ходе осад городов и полевых сражений.

Огнестрельное оружие в военном искусстве Крымского ханства XVI — середины XVII вв.

Анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что крымско-татарские военачальники прекрасно осознавали преимущества собственного артиллерийского парка и отрядов *тюфенкчи*. Особое значение пушки и ружья имели в войнах с народами, слабо знакомыми с особенностями «огненного боя» или полагавшимися на неприступность крепостных стен. Неудивительно, что в данных условиях полководцы ханства постарались как можно скорее начать применять инновационные виды вооружения.

Первые случаи использования огнестрельного оружия за пределами полуострова относятся к началу 90-х гг. XV в. Материалы письменных источников фиксируют факты применения «пищалей» и «пушек» крымцами в ходе военных компаний 1493 г., 1502 г., 1516 г., 1541 г., 1545 г., 1546 г., 1548–1549 гг., 1552 г., 1555 г., 1572 г., 1624 г., 1627 г., 1629 г., 1631 г., 1632 г., 1637 г., 1641 г., 1643 г., 1646 г., 1647 г., 1659 г.

и др.²⁵² В ходе астраханской эпопеи 1546 г. именно немногочисленные *тюфенкчи* (200–1000 чел.) и артиллерийский парк (20 орудий) содействовали успешному взятию города²⁵³. В некоторых случаях артиллерия и ружейные стрелки спасали ханские войска от неминуемого поражения. В конце 1548 — начале 1549 гг. пушки и *тюфенкчи* преуспели в битве «Нугай кургыны» («Ногайская бойня») у Перекопа. Выстроив огненосную пехоту и пушки «в ряд», Сахиб-Гирей остановил атаку ногайской конницы, незадолго до этого расправившейся с крымскими всадниками. В результате слаженных действий крымских пехотинцев, артиллеристов и перестроившихся кавалеристов большая армия ногаев (10–20 тыс. чел.) была разгромлена, а из голов убитых кочевников у стен Перекопа были выстроены «башни». По данным В. В. Трепавлова, «...ногаи не смогли выстоять против артиллерийских залпов»²⁵⁴. Ружейные стрелки и артиллерия сыграли ключевую роль во второй день битвы при Судьбищах (04 июня 1555 г.), когда они остановили решающую атаку русской конницы и способствовали общей победе крымско-татарских войск.²⁵⁵ Во время кампании 1572 г. татарские пушки оказались весьма востребованы во время боя на р. Оке. В ходе данного сражения Девлет-Гирей связал главные силы русских артиллерийской дуэлью, в то время как ширины Дивей-мурзы и ногаи Тягриберди-мурзы переправились слева и справа от развернувшегося сражения, что вынудило русских начать отступление²⁵⁶. Весьма активно крымские татары и ногаи использовали огнестрельное оружие в ходе военных кампаний первой половины — середины XVII в. В 1629 г. в битве под Перекопом ружейные стрелки и пушки во многом способствовали победе крымских и османских войск²⁵⁷. В 1631 г. (по другой версии — в 1633 г.) татарский гвардейский отряд, сражавшийся с запорожцами, был оснащен двумя артиллерийскими орудиями, на которые крымцы возлагали особые надежды²⁵⁸. Разгром ливенского отряда в Савинской дубраве 3 августа 1632 г. имел место быть благодаря тому, что *тюфенкчи* «с огненным боем» штурмовали позиции служилых и сломили их оборону²⁵⁹. В 1637 г. крымский корпус, отправленный в поход на крепость Килию, был оснащен пушками²⁶⁰. В 1638 г. и в 1641 г. войска крымского хана расстреливали казачьи струги и боевые построения донцев из пушек и ружей²⁶¹. В походе на Московское государство в 1643 г. в состав крымских войск (возможно, в качестве

эксперимента) были включены многочисленные подразделения *тюфенкчи* (только в отряде, действовавшем по Калмиусскому шляху, насчитывалось около 500 «янычар»). Для усиления огневой мощи ханских войск к боевым действиям были призваны союзные запорожские казаки. Наличие многочисленных ружейных стрелков существенно усилило крымско-татарские войска, которые проявили в боях этого года непревзойденную стойкость и упорство. В одном из сражений с крымцами и их союзниками «из пищали» был ранен воевода И. Ляпунов²⁶². В 1644 г. ногаи эффективно применили тактику «огневых засад» в большом сражении с калмыками²⁶³. В 1646 г. крымская конница, сражавшаяся с русскими войсками, была усилена многочисленными пехотинцами (до 2 тыс. чел.), пушками и артиллеристами из Азовского гарнизона, в результате чего только стрельцы потеряли около 200 чел.²⁶⁴ В 1647 г. в большой поход против непокорных мурз Ислам-Гирей взял с собой полевую артиллерию, которая должна была утешить мятежников. Надежды хана оправдались. Мурзы, даже не приняв сражения, бежали за Перекоп²⁶⁵.

Несмотря на малочисленность крымских ружейных стрелков и пушек, они произвели сильное впечатление на соседей ханства, в глазах которых «огненный бой» превратился в характерную черту крымско-татарского военного искусства. Уже в начале 20-х гг. XVI в. казанский хан настойчиво просил своего крымского собрата прислать ему «...пушек, и пищалей, и янычан», так как ему без огнестрельного оружия «...противу московских воевод стояти не мочно»²⁶⁶. Еще более определенно по этому поводу высказался в 1551 г. один из черкесских князей, который заявил, что главная сила хана Сахиб-Гирея заключается в его пушках²⁶⁷.

Однако подобные замечания современников не должны вводить в заблуждение современных исследователей. Артиллерия и огнестрельная пехота значительно усилили крымскую армию и разнообразили ее тактический арсенал, однако не привели к коренной реорганизации вооруженных сил ханства, основу которых по-прежнему составляли массы легких конных лучников. Огневая мощь крымско-татарской армии выглядела устрашающе в те моменты, когда ордынцы сходились на полях сражений с отрядами кочевников или горцев, вообще не имевших собственных ружейных стрелков и артиллерии.

В то же время боевые возможности немногочисленных крымских *тюфенкчи* были далеко не безграничны, что особенно ярко проявлялось в ходе военных кампаний против оседло-земледельческих народов. В сражении при Судьбищах «янычары» при поддержке артиллерии («...со всеми людьми и з пушками и з пищальми») трижды пытались выбить спешившийся русский отряд, укрепившийся в дубраве, но так и не добились успеха²⁶⁸. В сражениях 1541, 1552, 1627, 1631 гг. огнестрельные подразделения крымских войск и вовсе потерпели поражение²⁶⁹. В целом можно констатировать, что османский импорт не мог компенсировать отсутствия в Крымском ханстве собственного пушечного и ружейного производства. В результате на протяжении XVI–XVII вв. превосходство оседло-земледельческих народов над крымско-татарскими войсками в области огнестрельного оружия становилось все более и более ощутимым²⁷⁰.

Тактические приемы ведения полевого сражения в пешем строю

Технические характеристики ручного огнестрельного оружия XVI в. (в первую очередь низкая скорострельность и точность стрельбы) оказывали в этот период значительное влияние на особенности тактики ведения боя народов Евразии. Военные кампании наглядно продемонстрировали, что пешие ружейные стрелки нередко оказывались уязвимы в случае быстрой и массивной контратаки противника. Для того чтобы повысить устойчивость подразделений огнестрельной пехоты в ходе сражения, военачальники XVI в. стали усиливать боевые порядки стрелков отрядами пеших копейщиков и полевыми укреплениями. Боевая практика применения отрядов пикинеров получила значительное развитие в военном искусстве народов Западной Европы, а также Дальнего Востока (Китай, Япония). Что же касается полководцев мусульманского мира, то они, в силу различных причин, традиционно отдавали предпочтение стационарным и подвижным полевым укреплениям.

Рассмотрим основные тактические приемы ведения боя в пеших порядках, которые применялись крымскими татарами и ногаями конца XV — середины XVII вв.

Вагенбург
(«зарбузан арабалары», «топ арабалары»,
«от арба», «от арба шерк аттырган»)

Чешская воинская тактика, основанная на применении «тележных крепостей» («вагенбург») — связанных между собой телег с высокими бортами, за которыми укрывались стрелки и артиллеристы, оказалась весьма эффективной в ходе европейских военных кампаний XV в. Уже в том же столетии ее переняли и применили против своих восточных противников турки-османы, после чего несколько видоизмененная тактика чешских «таборитов» начала победное шествие по Азии. На мусульманском Востоке она получила название «румской» («Дестур-и Руми»). Уже в первой половине XVI в. передвижные вагенбурги активно применяли воины Передней и Средней Азии²⁷¹. Блестящие победы Тимурида Захир ад-Дина Мухаммада Бабур в Индии в 1526–1527 гг. были связаны с умелым использованием вагенбургов. Судя по описаниям самого Бабура, его «крепости на колесах» состояли из соединенных кожаными ремнями телег. Пространство между ними закрывалось деревянными щитами, за которыми укрывались ружейные стрелки.²⁷² Во второй половине XVI в. отмечены факты применения вагенбурга тюркскими кочевниками Восточного Дашт-и Кипчак. Так, например, для его создания в 1576 г. номады «...прикрепили крепкими цепями, прочными канатами огромное число телег, которые еще раньше собрали с вилайетов Дашта (Дашт-и Кипчака), Туркестана, Сабрана, Ташкента, Андижана, Касана». Установив телеги «боевыми рядами», кочевники укрылись за их бортами, приготовившись поражать противника выстрелами из ружей и луков.²⁷³

Практика использования повозок в качестве импровизированных полевых укреплений была известна кочевникам Великой Степи еще в эпоху Древности, раннего и развитого Средневековья. Однако в эти исторические периоды заграждения из повозок являлись вынужденной мерой и применялись, как правило, лишь в экстремальных ситуациях (например, в случае неожиданного нападения противника) или для защиты лагеря и семей кочевников²⁷⁴. Преобразование случайного элемента боевой практики в самостоятельный (базовый) тактический прием ведения полевого сражения было замечено у тюркских номадов

только в конце XV в., явившись следствием влияния военного искусства оседло-земледельческих народов.

Тактика *вагенбургов* («*зарбузан арабалары*», «*топ арабалары*») была заимствована крымскими татарами из тактического арсенала турок-османов. «Учителями» ордынцев в данном вопросе, вероятно, выступили офицеры корпуса *капыкулу*, отправленные в Крым в конце XV — начале XVI вв. вместе с отрядами ружейных стрелков и артиллеристов (см. выше). По всей видимости, первым гарнизоном крымского *вагенбурга* также стали османские янычары.

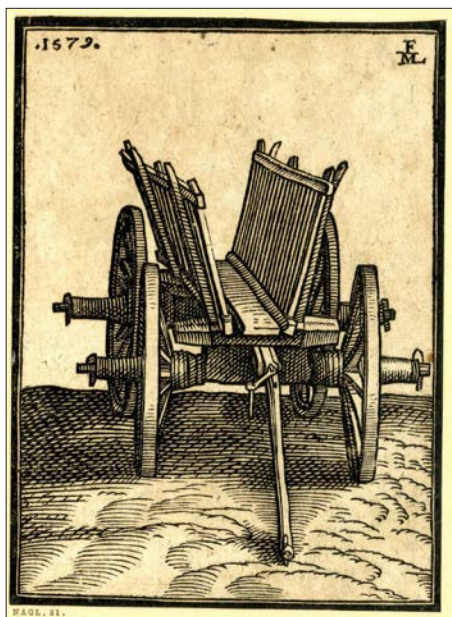
Самые ранние сведения о применении крымцами специальных тележных укреплений в полевых сражениях относятся к первым годам XVI в. и связаны с военными кампаниями Менгли-Гирея против Большой Орды²⁷⁵. Непривычная тактика вынуждала крымско-татарских полководцев действовать максимально осторожно, из-за чего ход степной войны выглядел весьма необычно. В 1501 г. крымская армия настигла ордынцев у р. Сосны. Последние не решились на кавалерийское сражение и начали строить укрепленный лагерь, вероятно, используя для этого свои многочисленные кибитки. Интересно, что и крымцы не рискнули немедленно начать штурм ордынской «крепости», а начали возводить свои полевые укрепления напротив ордынского табора. Скорее всего, возведенная крымцами «крепость» как раз и представляла собой тележный *вагенбург*, однако в этот раз еще без гарнизона ружейных стрелков и пушек. Быстро осознав свой просчет, Менгли-Гирей запросил поддержку у союзника — Великого князя Московского Ивана III. Ханом был разработан целый план по привлечению московской огнестрельной пехоты и доставке запасов огнестрельного оружия (пушек и пищалей). Для этой цели предполагалось создать речной флот на Дону, а самих русских пехотинцев посадить на коней²⁷⁶. Так и не дождавшись союзников, Менгли-Гирей предпринял несколько вялых попыток атаковать ордынскую «крепость», однако успеха не добился. Тем не менее, опыт использования *вагенбурга* был признан удачным. В следующем, 1502 г., крымский тележный табор уже был укомплектован пушками и пищалами, превратившись в настоящий «*зарбузан арабалары*». Сокрушительным поражением Большой Орды Шейх-Ахмеда в ходе военной кампании 1502 г.²⁷⁷ крымское войско в немалой степени было обязано *вагенбургу*, так как, начиная с этого момента, он становится

важным элементом, составляющим основу крымско-татарского тактического искусства. Данный факт нашел отражение даже в военной лексике крымцев. Если раньше термин «чангуи» (набег) применялся только для обозначения кавалерийских рейдов в земли противника, то в первой половине—середине XVI в. в качестве альтернативного названия стал применяться составной термин «араба чангуи», т.е. «повозочный поход»²⁷⁸.

Комплексный анализ источников позволяет реконструировать особенности конструкции и боевого применения османского «зарбузан арабалары», и его крымско-татарского деривата в ходе военных кампаний XVI в.

Во время поездки в Стамбул в составе имперского посольства в 1555 г. датским художником Мельхиором Лорком (1526/1527–1583) была сделана зарисовка типичной татарской телеги середины XVI в. Данный рисунок послужил образцом для создания в 1579 г. гравюры «Татарская повозка» (рис. 43). Изображенная М. Лорком «повозка» представляет собой грузовую двухосную телегу, снабженную четырьмя большими колесами с мощными ступицами, двумя высокими наклонными бортами, ровным полом прямоугольной формы и прямым деревянным дышлом. Возможно, что задние колеса телеги имели больший диаметр, чем передние. Можно предполагать, что «боевые» телеги, составляющие «зарбузан арабалары», имели только один (внешний) усиленный деревянными щитами борт, в котором проделывались бойницы для ружей и орудийных стволов. Ружейный огонь мог вестись как через бойницы, так и поверх тележных бортов.

Судя по сообщениям письменных источников и изображениям, телеги, составляющие «зарбузан арабалары», связывались между

«Татарская повозка»

Гравюра Мельхиора Лорка, 1581 г.

«Туранский» вагенбург

Фрагмент миниатюры «Шах-наме» Мухаммеда аль-Кивам аль-Ширази (60-е гг. XVI в.).

Художник показал полевые укрепления стилизованно, изобразив вместо повозок ряд тележных колес соединенных цепями

собой, образуя круг, полукруг или овал. В некоторых случаях повозки вытягивались в линию. На повозках размещались легкие пушки (*зарбузан*), внутри табора укрывались ружейные стрелки, а иногда и сам военачальник со своим окружением. В рамках тактической схемы «*Дестур-и Руми*» конница обычно формировала авангард, фланги и резерв боевого построения. В некоторых случаях «*зарбузан арабалары*» разворачивали во второй линии, позади основных конных корпусов. Самой редкой формой боевого построения «*Дестур-и Руми*» было размещение *вагенбурга* впереди основных боевых порядков. В этом случае укрепленный табор являлся своеобразной тактической приманкой. Осада и штурм *вагенбурга* отвлекали внимание врага и тем самым позволяли осуществлять скрытую переброску войск

и наносить мощные фланговые удары. Если *вагенбург* был достаточно велик, то в нем, наряду с пехотными подразделениями, мог укрываться и кавалерийский резерв.

У крымских татар «тележная крепость» представляла собой опорный центр боевых порядков армии и была призвана обеспечить устойчивость кавалерийских отрядов в ходе сражения. Конные татарские лучники могли отступить к укреплениям «*зарбузан арабалары*», перегруппироваться под прикрытием его ружейного и пушечного огня, а затем повторить атаку. В случае необходимости пехотинцы «*тюфенкчи*» должны были отразить возможную контратаку противника. Во время стоянки телеги «*зарбузан арабалары*» составлялись в кольцо, в центре которого размещалась шатры хана и его приближенных. Охрану такой «тележной крепости» несли ружейные стрелы *тюфенкчи*, которые днем и ночью патрулировали ее импровизированные «стены». Что касается подразделений татарской конницы, то они размещались в бивуаках по-соседству с *вагенбургом*, но за пределами его укреплений²⁷⁹.

Количество повозок, составляющих «*зарбузан арабалары*», могло быть весьма значительным. Так, например, готовясь к военной кампании против Большой Орды, Менгли-Гирей потребовал, чтобы на каждые пять человек приходилось по одной телеге и по два вола, которые должны были тащить эти телеги во время похода: «*Всем своим людям велел готовым быти... и кони кормить, а у пяти б человек телега была, а по людем велел готовым быти... и кони кормить, а у пяти б человек телега была, а по три кони у человека, а oprичь иного корму, было бы у пяти человек по два вола*»²⁸⁰. В походе на Москву в 1541 г., по подсчетам В. В. Пенского, в активах крымской армии (до 40 тыс. чел., в т.ч. 1 тыс. *тюфенкчи*, более 60 пушек *зарбузан*) находилось 200 боевых повозок, «...не считая прочего обоза»²⁸¹.

Интересное описание осmano-татарского «*зарбузан арабалары*» середины XVII в. оставил Эвлия Челеби. *Вагенбург* состоял из 100 обычных повозок и нескольких телег, на которых были размещены 6 пушек типа *шахи*. Телеги соединялись между собой специальными железными цепями. В качестве тягловой силы использовались лошади. Гарнизон «*зарбузан арабалары*» составляли 500 ружейных стрелков, партнером которых выступал кавалерийский отряд из тысячи татар и черкесов:

«Что же касается Ак Мехмед-паши, то он в ту зиму и метель, собрав пятьсот стрелков из ружей, тысячу хорошо вооруженных, воинственных татар на арабских конях-полукровках и воинов-черкесов, погрузил на сто телег всевозможное имущество и поставил на телеги, запряженные лошадьми, шесть пушек шахи. В короткое время он связал телеги одну с другой, чтобы держать оборону, то есть чтобы располагать телеги полевым табором наподобие крепости. Для этого он заготовил еще несколько сотен кулачей цепей»²⁸².

Как показала военная практика XVI в., вагенбург мог служить надежной защитой от атак ногайской или черкесской конницы. Одного вида «боевых повозок» иногда было достаточно, чтобы предотвратить нападение противника. Так, в 1544 г. превосходная кабардинская конница так и не рискнула атаковать ханский вагенбург, ограничившись нападением на менее укрепленный военный лагерь крымско-татарского ополчения²⁸³. По всей видимости, «зарбузан арабалары» был применен Сахиб-Гиреем в решающем сражении с ногаями зимой 1548/1549 гг. Встречный бой ногайской и крымской конницы закончился поражением последней, и только массированный огонь 40 крымских орудий и *тюфенкчи* смог остановить натиск ордынцев²⁸⁴.

Несколько менее эффективен «зарбузан арабалары» был в столкновениях с русскими и польскими войсками, широко использующими ручное огнестрельное оружие и артиллерию²⁸⁵. К числу немногочисленных примеров условно успешного применения «зарбузан арабалары» против московских армий можно отнести сражение на Оке 27 июня 1572 г. Развернув вагенбург на берегу реки напротив позиций русских войск, Девлет-Гирей навязал воеводам Ивана Грозного артиллерийскую дуэль, которая продолжалась с пяти утра до десяти вечера, что позволило крымской коннице форсировать реку и вынудить москвитов отступить²⁸⁶. Однако в других столкновениях с русскими войсками «зарбузан арабалары» мало чем смог помочь ордынцам. Так, например, в 1541 г. в ходе артиллерийской дуэли через Оку русский «наряд» нанес серьезный урон крымским батареям: *«И туркове изо многих пушек и из пицалей начаша стреляти на людей великого князя, и воевода великого князя повелеша изо многих пушек и ис пицалей стреляти, и многих татар побиша царевых добре и у турок многие пушки разбиша»*. Во время стремительного отхода от Оки Сахиб-

Гирей был вынужден оставить на ее берегах значительную часть своих «боевых телег» и даже некоторые из привезенных им орудий: «**Пушки и пищали пометаша и телеги** и всякую рухляди войскои»²⁸⁷. В 1552 г. тележные укрепления, с большим трудом доставленные под Тулу, были брошены Девлет-Гиреем еще за три часа до подхода армии Андрея Курбского. Отступление хана было таким поспешным, что он, если верить отзывам современников, «...**телеги пометал** и верблюдов порезал, а иных живых бросил». В результате в руки русских попали «...**наряд пушечный, ядра, стрелы и зелье многое**»²⁸⁸.

В целом, в отличие от Западной и Южной Азии, тактика *вагенбургов* не получила широкого распространения ни в Восточном, ни в Западном Дашт-и Кипчак. Причина этого, на наш взгляд, кроется в специфике ведения боевых действий и особенностях технологического обеспечения самой тактической схемы. Для эффективного применения *вагенбурга* требовались массивные телеги с толстыми и высокими бортами, а так как легкие двухколесные арбы кочевников не являлись адекватной заменой, то степным военачальникам приходилось или специально собирать телеги перед началом военной компании, а затем тащить их вслед за основной армией, или изготавливать «боевые повозки» непосредственно накануне сражения. Оба подхода создавали серьезные логистические проблемы и требовали значительных затрат времени и усилий. В этой связи характерен пример Захир ад-Дина Бабура, который, даже имея квалифицированных мастеров, необходимое сырье и инвентарь, был вынужден потратить 20–25 дней на изготовление и монтаж собственного *вагенбурга*²⁸⁹. При сражениях в степи данная задача становилась еще более трудной. Армия, снабженная *зарбузан арабалары*, в условиях степного бездорожья передвигалась очень медленно, давая противнику шанс перегруппироваться или уйти из-под удара. Поломка колесной базы телег в условиях безлесой степи грозила длительным ремонтом с трудно прогнозируемыми последствиями. Кроме того, если доставить *вагенбург* к месту сражения было сложно, но все же возможно, то эвакуировать его в случае неудачного развития событий и контрнаступления противника было практически невозможно. В подобной ситуации татары просто бросали свои полевые укрепления и верхом устремлялись в родные степи. В результате не только телеги, но и дорогостоящие пушки и боеприпасы попадали в руки противника²⁹⁰.

Некоторое время крымско-татарские полководцы упорно искали способы эффективного совмещения тактики легкой лучной конницы с *зарбузан арабалары*. Однако подобная задача оказалась трудноразрешима, т.к. *вагенбург* неизбежно тормозил продвижение татарских кавалерийских отрядов, тем самым лишая их важнейшего оперативного преимущества.

Наиболее очевидным путем решения данной логистической проблемы было облегчение повозок, составлявших *вагенбург*, а также замена тягловых животных, что позволило бы ускорить продвижение артиллерийского табора. Такая попытка была предпринята еще в первой половине XVI в. Во время похода на Венгрию телеги были заменены на легкие степные арбы, а волы и быки — на более быстроходных верблюдов. Гарнизон обновленного «*зарбузан арабалары*» составляли 10 полевых орудий и несколько сотен пятигорских и черкесских *секбанов*: «*Потом за самым Царем идет полк людей великий, кийждо имеет по пяти и по шести коней простых другаго за другаго хвостами связавше; потом за оным войском пушек полевых десять з запасы их и ииыми потребствы везоша, и стрельцов неколико сот Пятигорских и Черкасов с пищальми, и потом за теми стрельцами шли телеги, и их же вельбюды возяху, телеги же овья бяху вси о дву колесах (арбы)*». То, как могли выглядеть крымские арбы XVI–XVII вв., показывает рисунок французского инженера на польской службе в Г. Боплана. Повозка представляла собой легкую одноосную двуколку без бортов, снабженную двумя большими колесами с мощными *ступицами*, ровным полом прямоугольной формы и прямым деревянным *дышлом*. Можно предположить, что арбы *вагенбурга* могли усиливаться деревянными щитами, но не такими мощными и длинными, как борты боевых двухосных телег. Последний факт свидетельствует о том, что, по сравнению с классическим *вагенбургом*, его крымский аналог, составленный из легких арб, служил менее надежной защитой от дистанционного оружия противника. Кроме того, даже облегченный «*зарбузан арабалары*» не мог двигаться с той же скоростью, что и основная часть армии, составленная из кавалерийских корпусов.

В какой-то момент показалось, что выходом является компромиссное решение о разделе действующей армии на два эшелона. На завершающем этапе похода легкая конница устремлялась вперед, а табор

оставался во втором эшелоне, являясь оперативным резервом и одновременно точкой сбора конных отрядов. В некоторых случаях, с телег снимали легкие пушки и грузили их на лошадей и верблюдов. Это позволяло быстро перебрасывать малокалиберную артиллерию на большие расстояния с максимально возможной скоростью. Так, например, в 1555 г. во время похода на Русь крымская армия вместе с пушками и посаженными на лошадей «янычарами» преодолевала за сутки около 50 км²⁹¹. Однако в целом подобное половинчатое решение было весьма неудачным. Лишенный пушек и поддержки основной массы конницы крымский табор мог оказаться легкой добычей отрядов противника. Именно это и произошло в 1555 г., когда крымский лагерь и кош были неожиданно атакованы и захвачены конницей И. В. Шереметьева.

«Татарская вьючная лошадь»
Гравюра Мельхиора Лорка, 1581 г.

Данный негативный опыт был учтен ордынцами во время похода 1572 г. Эффективно применив артиллерию в сражении на Оке, Девлет-Гирей оставил ее вместе с *вагенбургом* на берегах реки, чтобы не замедлять движение своей конницы на пути к Москве. По умолчанию предполагалось, что пушки смогут защитить «зарбузан арабалары» в случае неожиданной атаки русских. Однако данное решение имело катастрофические последствия для крымской армии. Во время решающей битвы при Молодях лишённые артиллерии ордынцы так и не смогли взять штурмом русский «гуляй-город», потерпели поражение, а в ходе бегства потеряли и оставленный на Оке «зарбузан арабалары», который был захвачен москвитями²⁹².

Невозможность эффективного совмещения действий легкой конницы с «зарбузан арабалары» во время дальних походов привела к тому, что начиная со второй половины XVI в. крымские военачальники стали прибегать к тактике *вагенбургов* все реже и реже²⁹³. Однако сам

тактический прием отнюдь не вышел из оборота. Просто вместо того, чтобы тащить за своей конницей тяжелые «тележные крепости», татарские полководцы первой половины–середины XVII в. стали все чаще использовать в качестве опорной точки боевого построения *вагенбурги* своих сюзеренов, союзников и вассалов. Так, во время войны на Украине крымская конница опиралась на казацкие, а затем польские таборы. Позднее для этой цели служили «*зарбузан арабалары*» Османской империи²⁹⁴.

Что касается ногаев, то в их военной практике применение «городков тележных» сохранилось вплоть до середины XVIII в. Причем со временем роль табора в ногайских войсках только возрастала. В отличие от крымцев, ногаи Большой и Малой Орды с самого начала использовали для строительства своего варианта *вагенбурга* не тяжелые телеги, а традиционные степные арбы (рис. 47). Появление таких легких полевых укреплений в военной практике ногаев было вынужденной мерой, а нередко и единственным способом избежать разгрома при столкновении с лучше вооруженной калмыцкой конницей, противостоять которой в полевом сражении ногаи в первой половине XVII в. так и не научились²⁹⁵. В свою очередь, калмыки данного периода не особенно стремились штурмовать ногайские *вагенбурги*, справедливо опасаясь чрезмерно высоких потерь, поэтому, когда ойратская конница достигала ногаев, укрывшихся в «городке тележном» (как, например, в 1628 г.), дело до сражения могло и не дойти²⁹⁶. Согласно Эвлия Челеби, ногаи первой половины XVII в. также применяли заграждения из телег в качестве защиты горных проходов: «*Калмыки дважды приходили [на Северный Кавказ] со стотысячным войском, чтобы сделать своими подданными ногайцев страны Арсланбека, племя ногайцев, **войдя** со всеми своими семьями и стадами **в это ущелье и завалив телегами ворота обоих входов в ущелье, отсиделось** [там] **без страха и боязни и спаслось от калмыков***»²⁹⁷. Ведя военные действия в степи, ногайские военачальники также старались сочетать укрепления «тележного городка» с «крепкими местами», созданными самой природой (оврагами, ручьями, холмами и т.д.). Так, в 1619 г. ногаи, откочевав к Яику, остановились «...*в крепком месте укрепясь городком*». Во время калмыцкого вторжения 1651 г. ногаи вновь спасались «...*в крепких местах у моря*» и т.д.²⁹⁸

«Ногайская арба»

Фрагмент гравюры из «Крымского альбома»
Русского географического общества (РГО)

Вершиной развития стало появление супер-вагенбургов, составленных из сотен и даже тысяч арб и телег. Так, например, в 1736 г. ногайцы Навруз-улу (5 тыс. чел.) «...сделали себе заццищение из арб и телег, поставя оные в три ряда». В том же году ногайцы Салтан-улу отбивались от калмыков и русских, используя часть телег из огромного табора, насчитывавшего до 10 тыс. кибиток. Чтобы взять штурмом подобные «тележные крепости», требовались значительные усилия и многочисленные воинские контингенты²⁹⁹. О высокой значимости «тележных городков» в военной системе ногаев говорит тот факт, что они даже вошли в традиционный ногайский эпос под названием

«от арба» («огненная арба») и «от арба шерк аттырган» («огненная арба выстреливающая огонь»)³⁰⁰.

Отмечая несомненную эффективность *вагенбурга* в качестве особой разновидности передвижных полевых укреплений, следует также отметить, что при определенных обстоятельствах «тележная крепость» могла превратиться в ловушку для ее гарнизона. В 1663 г. отряд калмыков и запорожцев под покровом ночи подошел к ногайско-татарскому табору, расположенному в урочище Цыбульник под г. Ерылов. Согласно показаниям пленных татар, под защитой телег скрывалось более 10 тыс. чел. После того как союзники неожиданно ворвались в табор, бой быстро превратился в бойню. Все ногаи и татары (кроме тех, кто «в болотах отопился») были перебиты³⁰¹.

Окопы («ор», «мурджил») и «огневые засады»

Определенное значение в пехотной тактике крымско-татарских и ногайских армий рассматриваемого периода имели окопы — «ор», «мурджил». В войсках тюркских народов Восточной Европы и Центральной Азии практика использования окопов и траншей стала распространяться в XVI–XVII вв., беря свое начало в военном искусстве оседло-земледельческих народов. Как правило, вырытые ямы с насыпанным бруствером из земли, песка и камней служили для защиты пеших стрелков, тактическим партнером которых на поле боя являлась легкая лучная конница. Помимо защиты от дистанционного оружия противника, окопы, траншеи и насыпи обеспечивали скрытое размещение *тюфенки*, что позволяло привлекать их для нанесения неожиданного огневого удара по вражеским боевым порядкам³⁰².

Появление «окопной тактики» в тактическом арсенале крымских татар, вероятно, следует связывать с влиянием военного искусства Османской Турции, воины которой активно использовали окопы и траншеи в ходе сражений конца XV–XVI вв. Что касается ногаев, то они могли овладеть данным тактическим приемом как через посредничество крымцев, так и благодаря народам Северного Кавказа или Средней Азии.

Естественным фактором, ограничивавшим применение окопов и траншей в Причерноморском регионе, был степной ландшафт. Как показала боевая практика XVI–XVII вв., окопы как особый вид

полевых укреплений в степи были не особенно эффективны. Конница противника могла легко обойти их с флангов, зайти с тыла, блокировать и атаковать окопавшихся воинов с разных сторон. В подобных условиях при низкой скорострельности и точности стрельбы из гладкоствольных фитильных ружей окопы могли стать настоящей ловушкой для немногочисленных отрядов *тюфенки*.

Зато на пересеченной и, особенно, горной местности окопы давали обороняющимся стрелкам важное преимущество перед атакующим противником. Перекрытый окопами с огнестрельной пехотой горный проход становился труднопреодолимым препятствием даже для хорошо вооруженной и многочисленной вражеской конницы³⁰³. Именно благодаря умелому применению окопов и «огневых засад» тюркские кочевники Восточного и Западного Дашт-и Кипчак с разницей в год сумели нанести серьезные поражения доселе практически непобедимой «копийной и куюшной» ойратской кавалерии.

В 1643 г. джунгаро-монгольская армия атаковала отряды казахско-го султана Джангира. По сведениям современников, сражение проходило в узком горном проходе («*меж камнеем*»). Засевшие в окопах («*шанцах*») триста казахских батыров остановили ружейным огнем лобовой натиск многотысячной джунгарской конницы, в то время как укрывшийся за скалами отряд султана Джангира (300 воинов) атаковал ойратов с тыла. Подошедшая к месту битвы 20-тысячная казахско-узбекская армия Жалантоса (Ялантуша) вынудила джунгар прекратить атаки и оставить поле боя³⁰⁴.

Еще более сокрушительное поражение западные ойраты (калмыки-торгоуты) потерпели в следующем, 1644 г. В этом году в поход на Кабарду двинулась большая калмыцкая армия (более 10 тыс. чел.) во главе с тайшой Хо-Урлюком. Угроза калмыцкого нашествия объединила ногаев, кабардинцев и различные горские народы Северного Кавказа. На помощь союзникам подошел и крымско-татарский корпус. В сражении на р. Малка калмыки опрокинули кабардинский авангард (1 тыс. чел.), а затем в ходе встречного боя на р. Псигон-псу заставили отступить главные силы кабардинско-ногайской армии. Союзники отходили в горы, увлекая за собой ойратскую конницу. Решающее сражение произошло в одном из горных ущелий, в которое калмыков-торгоутов заманил передовой кабардинско-нагайский отряд.

В начале битвы калмыцкие копейщики стремительно атаковали противника, который обратился в притворное бегство. Когда ойратские всадники ворвалась в ущелье, кабардинские и ногайские стрелки открыли по калмыкам интенсивный ружейный огонь³⁰⁵. Данный эпизод сражения подробно описан Эвлия Челеби: «В тот год, когда Тайша-шах, падишах калмыков, со стотысячным войском вознамерился громить кабардинские кабаки, ногайцы Арсланбека и все воины — кабарты прослышали об этом, и во всех ущельях и на возвышенных местах, в [Других] местах **засели в засаде стрелки из ружей**, и всего вышло на поле битвы и стало в готовности до десяти тысяч джигитов. Едва только калмыцкие воины увидели черкесов и ногайцев — маленькую кучку, — они с криками «Хо!» сделали внезапный выпад, и ногайцы вместе с кабарты обратились в бегство. Увидя это, калмыки стали преследовать их и углубились в горы. **Тотчас ногайские стрелки из ружей, скрытые в засадах, словно семиглавый дракон, выскочив из засады, ударили по калмыкам залпами свинца**. Вмиг несколько тысяч калмыков они обратили в прах и небытие»³⁰⁶. В то время как главные силы торгоутов штурмовали позиции стрелков, блокировавших горный проход, другие воины союзной армии с саблями в руках атаковали фланги и тыл калмыцкой колонны: «Охватив калмыков с фронта и с тыла, они так ударили по ним ногайскими клинками, что в одну минуту 20 тысяч кяфиров-калмыков пали от мечей, еще 20 тысяч попали в плен. В руках [победителей] оказалось 67 тысяч калмыцких коней»³⁰⁷. Зажатая в ущелье, лишенная возможности маневрировать калмыцкая конница потерпела страшное поражение (самое масштабное за весь XVII в.). Вырвавшихся из окружения торгоутов кабардинцы и ногайцы преследовали до самой Астрахани. Погибли 14 калмыцких тайшей (в том числе Хо-Урлюк и его сын Кирсан). Были убиты и попали в плен до 10 тыс. калмыков, только 2500 воинов вернулись в родные кочевья³⁰⁸.

Несколько позднее кабардинцы и ногаи смогли заманить в «огневую засаду» армию тайши Мончака: «Кабарты и ногайцы, применив другую хитрость, спрятались в ущельях своей страны и так ударили по врагам из ружей „кабартай“, что Мончак спасся всего с двумя тысячами калмыков»³⁰⁹.

Письменные источники фиксируют факты применения «окопной тактики» крымскими татарами и ногаями в ходе боевых действий

против войск Московского государства, а также во время междоусобных столкновений. Так, после неудачного боя с русскими отрядами в 1651 г. ногайский Чебан-мурза поспешил укрыться «...в окопи»³¹⁰. Во время мятежа ширинов хан Мухаммед-Гирей особое внимание уделил подготовке окопов «на скалах и ущельях». Эти укрепления должны были занять пешие ружейные стрелки, главной задачей которых было оставить натиск конницы ширинов: «Когда настало утро, хану стало известно, что они [ширины] собираются ударить по Бахчисараяю. Он тут же приказал со всех сторон от Бахчисарая, на скалах и в ущельях сделать укрепления и вырыть окопы для стрелков»³¹¹.

Несмотря на ряд побед, одержанных благодаря умелому применению «окопной тактики», она имела в крымско-татарском и ногайском военном искусстве XVII–XIX вв. ограниченное распространение. На рытье окопов требовалось много времени, которого часто не хватало в ходе динамичных кавалерийских сражений. Кроме того, для качественного обустройства данного вида земляных укреплений требовался соответствующий рабочий инвентарь (лопаты, кирки и т.д.), который часто отсутствовал в легких крымско-татарских и ногайских отрядах, предпочитавших передвигаться без больших обозов.

Развернутые построения и рассыпной строй ружейных стрелков

В письменных источниках имеются косвенные свидетельства применения крымско-татарскими полководцами развернутых шереножных (?) построений ружейных стрелков *тюфенкчи*, действующих вне стен «*зарбузан арабалары*», окопов и траншей. Как правило, такой способ ведения сражения применялся в ходе неожиданной атаки противника или штурме укрепленных вражеских позиций. В этом случае первый армейский эшелон боевых порядков армии составляли артиллерия и отряды пеших стрелков, в то время как конница прикрывала фланги и формировала второй армейский эшелон.

Развернутые построения *янычар* и *секбанов* были использованы крымско-татарскими полководцами (в комбинации с *вагенбургами* «*зарбузан арабалары*») при ведении оборонительного боя против ногаев в 1548/49 гг. и русских в 1555 г. Причем в обоих случаях

**Боевое построение османских войск
в битве при Мохаче (1526 г.)**

Артиллерия и янычары в первой линии построения. Конница формирует второй эшелон

Миниатюра из «Сулейман-наме», 1558 г.
(Топкапы, Стамбул).

интенсивный огонь *тюфенкчи* и артиллерии остановил атаку вражеской конницы и переломил ход сражения.

Зимой 1548/1549 г. крымская конница была разгромлена ногаями и покинула поле боя. Последние пытались закрепить успех, но были остановлены залпами ружейных стрелков и артиллеристов. Воспользовавшись передышкой, татарские всадники вернулись на поле битвы, контраковали и опрокинули ногаев³¹².

Весьма эффективно крымские ружейные стрелки проявили себя во второй день битвы при Судьбищах 4 июля 1555 г. В начале сражения отборная русская панцирная конница в очередной раз опрокинула татар. В битве пали ханские сыновья *калга* Ахмед-

Гирей и Хаджи-Гирей, а также «...*пять султанов и бесчисленное множество знатных*» и «...*простых ратников мусульманских*». Последним оплотом обороны татарской армии остались *тюфенкчи* и артиллеристы, сгруппировавшиеся вокруг хана Девлет-Гирея. Согласно А. Курбскому, русские «...*так бимася крепце и мужественнее теми малыми людьми, иже все были татарские разогнали. Царь же един остался между янычары: бо было с ним аки тысяща с ручницами и дел [пушек] не мало*»³¹³. Именно они спасли положение и отразили атаку русской конницы, в ходе которой был ранен и чуть не попал в плен командующий русской армией И. В. Шереметьев. Ранение военачальника и срыв решающей атаки стало ключевым фактором поражения московских войск³¹⁴.

В ходе наступательного боя крымские пешие ружейные стрелки действовали эффективно в тех случаях, когда они активно взаимодействовали с кавалерийскими татарскими отрядами. *Тюфенкчи*,

используя развернутый или рассыпной строй, приближались к позициям противника, завязывали с ним интенсивную перестрелку и приковывали к себе внимание вражеских военачальников. В это время массы лучной конницы стремительно врываются на поле сражения и атакуют врага с флангов и тыла. Пример успешного применения подобной тактики в Джерекликской битве приводит Эвлия Челеби: *«Тотчас достославный хан отдал приказ, и все **стрелки из ружей спешились с коней**, и пока они завязали перестрелку с неверными на берегу заводи, прилегающей к острову, сорок–пятьдесят тысяч татар с криками „Аллах! Аллах!“ на конях вошли в заводь, пройдя через камыши и прибрежные топи. И когда они вступили на остров, то в единый миг окривали цепями три тысячи неверных, не дав им опомниться, но не предавая их мечу»*³¹⁵.

Другим примером применения подобной тактики является битва в Савинской дубраве (3 августа 1632 г.). Передовой татарский авангард (300 всадников) выманил в поле ливенский гарнизон (700 детей боярских и казаков) и подвел его под удар главных татарских сил. Привычные к боям с конными крымскими отрядами служилые *«...засели в лесу и в течение дня бились с татарами»*. Однако в этот раз в составе крымских войск находился отряд *«...янычар с возненным боем»*. Опираясь на многочисленную конницу, *тюфенкчи «...ходили приступом»* на укрепления служилых и, в конце-концов, опрокинули казаков. В бою было убито около 300 «ратных людей», в том числе голова Меньшой Гринев. Остальные попали в плен. Однако победа далась татарам дорогой ценой. Крымцы потеряли до тысячи человек, а также нескольких мурз³¹⁶.

Редким примером успешных действий крымских войск против вражеского *вагенбурга* являлись сражения 1624 и 1629 гг. В битве у Карасубазара в 1624 г., когда османы *«...выступили из Кафы, устроясь обозом. Магмет Гирей и Шагин Гирей штурмовали обоз, его разорвали, турецких людей разбили и втоптали в море»*. В масштабном бою у Перекопа 30 мая 1629 г. пехотные подразделения, действовавшие при поддержке артиллерии, также внесли свой вклад в победу крымско-буджакских армий. Однако стоит оговориться, что в обоих случаях на стороне крымцев сражались могучие союзники. В 1624 г. это была запорожская пехота, а в 1629 г. — османские янычары. Кроме того, прорыв табора в Перекопском сражении был совершен в тот момент,

когда оборонявшие его запорожцы и татары схватились между собой. Причем даже эта междоусобица союзников не позволила атакующим одержать окончательную победу. Казаки смогли найти в себе силы оттеснить буджакцев, вновь сомкнуть телеги табора и начать организованное отступление³¹⁷.

В тех случаях, когда рельеф местности или условия битвы не позволяли коннице поддержать своих пеших стрелков в атаке, те действовали заметно менее уверенно. Так, на втором этапе битвы при Судьбищах в 1555 г. «янычары» при поддержке артиллерии (*«со всеми людьми и з пушками и з пищальми»*) трижды пытались выбить спешившийся русский отряд, укрепившийся в дубраве, но так и не добились успеха³¹⁸. По некоторым данным, в ходе штурма русского *«гуляй-города»* в битве при Молодах в 1572 г. пешие «янычары» также были посланы в атаку, но снова не выполнили поставленную боевую задачу³¹⁹. В 1627 г. *калга* Шахин-Гирей отправил в погоню за буджакскими ногаями Кан-Темира отряд из тысячи «татар и стрельцов». Однако в скоротечном полевом сражении *тюфенкчи* и часть конных лучников (200 чел.) были перебиты, а 500 татар перешли на сторону победителя³²⁰. В 1631 г. (по другим данным в 1633 г.) запорожцы и донцы (1500 чел.) высадились в Крыму и после непродолжительного боя опрокинули крымских *сейменов* и *тюфенкчи*, загнав их в «малый город» в Гезлеве. Позднее у Мангупа был разбит и другой гвардейский отряд, причем крымцы потеряли две пушки. В сражении у д. Малаховой 21–22 мая 1643 г. крымские войска Карач-мурзы (около 2500 чел.) столкнулись с отрядом курских служилых людей. Последние только успели занять боевые позиции, как на них обрушился удар татарских войск. По всей видимости, местность благоприятствовала обороне, поэтому Карач-мурза не мог атаковать служилых всей мощью своей конницы. На штурм русских позиций были брошены ружейные стрелки, над головами которых реяли крымские боевые знамена: *«Поставя около... ратных людей шатры и палатки, и с знамены пешие люди приступали с возненным боем»*. По сообщениям современников, *«...жестокые приступы»* продолжались *«...днями и ночью»*, однако прорвать позиции служилых *секбаны* в этот раз не смогли. Карач-мурза был вынужден начать отступление³²¹.

Опираясь на *вагенбург*, горные укрепления или артиллерийские подразделения, ханские янычары и *секбаны* могли достаточно

эффективно противостоять атакам ногайской, русской, кабардинской и даже калмыцкой конницы. Однако выдержать стремительный ойратский «копийный напук» в условиях степного боя без пушек и боевых повозок было значительно сложнее. В ходе военных кампаний первой половины 60-х гг. XVII в. крымские ружейные стрелки неоднократно пытались остановить ружейными залпами кавалерийскую атаку калмыков. Так как косоплеты после этого увозили с собой в качестве трофеев флаги, значки и пищали крымских воинов, данные боевые столкновения заканчивались не слишком удачно для ханских янычар и *секбанов*³²².

На наш взгляд, слабость развернутых построений крымской пехоты в полевых сражениях XVI–XVII вв. была обусловлена, в первую очередь, немногочисленностью самих *тюфенчи*. Плотности и мощность огня крымских янычар и *секбанов* не хватало, чтобы одолеть в дистанционном бою полки московских пищальников или остановить набравших разбег конных калмыцких «куяшников».

Если спешивание ружейных стрелков *тюфенчи* перед началом боя было стандартной процедурой, то татарские и ногайские лучники сходили с коней крайне неохотно. Как правило, это происходило в экстремальной ситуации, например, при штурме полевых укреплений противника, обойти которые по каким-то причинам было невозможно. В ходе подобного сражения спешенные лучники обычно действовали в развернутых построениях, в тесном контакте со своими конными товарищами. Их главной тактической задачей было сбить обороняющегося противника с его укрепленных позиций, открыв путь татарской коннице. В качестве примеров успешного применения подобной тактики можно привести сражения 1623 и 1637 гг.

В июне 1623 г. подразделения курских служилых людей (300 детей боярских, 150 стрельцов, 200 казаков «с вогненным боем») попытались перекрыть дорогу татарскому отряду (около 3 тыс. чел.), который по завершении набега двигался с «*кошем*» и полоном в степь. Служилые заняли позиции в «крепких местах» у Думчего кургана (на повороте за верховьем рек Семи и Семицы). Обойти их, не потеряв *кош*, было, по всей видимости, невозможно, поэтому на восходе солнца 16 июня 1623 г. татары пошли в лобовую атаку. При этом часть кочевников спешилась и атаковала в пеших порядках («бились коньми и пехотой»).

Куряне приняли подобный комбинированный бой и также сражались «коньми и пехотой». Вероятно, стрелы татар наносили значительный ущерб русским кавалеристам (детям боярским?), поэтому все служилые спешили и начали биться «пехотою». Основной урон наступающим татарам наносили ружейные стрелки: «*На том бою было убито и ранено из пищалей немалое число татар*». Тем не менее, кочевники сумели прорваться и, «...пропустя свой кош», двинулись дальше³²³.

В июне 1637 г. войска Сафат-Гирея атаковали яблоновские укрепления, состоявшие из двух «городков земляных», трех «острожков» и «надолбов». Татары пришли «...в тесных местах», часть из них, «...сшед с лошадей, пеши большим боем бились с государевыми ратными людьми». Первая атака (15 июня) была отбита гарнизоном, однако штурм 16 июня оказался удачным. По подсчетам А. А. Новосельского, 15 служилых были убиты, а 209 чел. попали в плен³²⁴.

Однако в большинстве прочих случаев спешенные крымско-татарские лучники, сражавшиеся вне *вагенбургов* и иных полевых укреплений, действовали значительно менее уверенно. Сходя с коней, татары и ногаи лишались своего важнейшего тактического преимущества — скорости и мобильности, которые давали им легкие и выносливые степные скакуны. Спешенные лучники были уязвимы перед атакой кавалерии противника, что наглядно продемонстрировали сражения XVI–XVII вв. По этой причине крымско-татарские полководцы проводили спешивание своих кавалерийских подразделений лишь в самых крайних случаях и при первой же возможности вновь отдавали воинам приказ вернуться в седла.

Ближний бой в пеших порядках

Редкой разновидностью тактических приемов крымско-татарских и ногайских войск XVI–XVII вв. был ближний бой в пеших порядках. Подобный способ ведения сражения обычно применялся в случае штурма полевых укреплений противника или в ходе схватки на пересеченной местности. Крымские и ногайские военачальники использовали его крайне неохотно, так как даже в случае успешного проведения рукопашного боя ордынцы несли в нем несоразмерно большие потери. Слабое распространение защитного вооружения и качественного оружия ближнего боя делали спешенных крымских и ногайских воинов

уязвимыми в схватке с пехотой оседло-земледельческих народов и особенно в случае неожиданной атаки кавалерии противника, для которой пешие степняки были желанной добычей.

Весьма показательна в этой связи знаменитая Молодинская битва 28 июня — 3 августа 1572 г. Ядром боевых построений русской армии в данном сражении был большой *вагенбург* — «*гуляй-город*», в котором укрывались многочисленные пехотные и кавалерийские подразделения. Разгромить московские войска можно было только взяв *гуляй-город* штурмом, тем более, что в нем в качестве пленного содержался крымский командующий Дивей-мурза, захваченный в ходе боя 30 июля. Стремясь скорее покончить с русскими и освободить своего полководца, хан Девлет-Гирей 2 августа 1572 г. бросил войска на штурм *гуляй-города*. Для выполнения данной задачи значительная часть татар и ногаев сошла с коней и атаковала *вагенбург* в пеших порядках. Штурмующих прикрывали ружейные стрелки и конные лучники. Раз за разом, несмотря на интенсивную стрельбу русских орудий и стрельцов, пешие татарские «полки» подступали к самым стенам *гуляй-города*. Прорвавшись к щитам *вагенбурга*, ордынцы хватились руками за их края, пытались растащить боевые телеги, в то время как обороняющиеся отбивались клинковым и древковым оружием. Однако все попытки крымских войск взять *гуляй-город* штурмом были отбиты русскими, причем спешенные татары и ногаи понесли значительные потери: *«А в субботу царь крымский послал царевичей и ногайских тотар и многие полки пеших и конных к гуляю городу выбивати Дивея мурзу. И тотаровя пришли к гуляю и изымалися у города за стену руками; и тут многих тотар побили и руки пообсекли безчисленно много»*. Пока ордынцы ожесточенно штурмовали *вагенбург*, отборные сотни большого полка во главе с князем М. И. Воротынским обошли «долом» крымскую армию и атаковали ее с фланга и тыла. Одновременно русская артиллерия и стрельцы *гуляй-города* обрушили на ордынцев мощнейший огневой залп, *вагенбург* раскрылся и дети боярские передового полка Д. И. Хворостынина вместе с немцами ротмистра Ю. Фаренсбаха стремительно атаковали крымцев с фронта. В результате армия Девлет-Гирея оказалась между «молотом» панцирной конницы Воротынского и «наковальной» *гуляй-города*: *«И боярин князь Михайло Воротынский обошел с своим*

большим полком крымских людей долом, а пушкарем приказал всем из большово наряду, ис пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всево наряду и князь Дмитрей Хворостинин с немцы вышел». Не давая противнику опомниться, русские и немцы бросились врукопашную «...да учили с нагайцы и с крымцы дело делати съемное, и сеча была великая». В ходе ближнего боя ханская армия потерпела сокрушительное поражение: «И на том деле убили царево сына да внука царева колгина сына и многих мурз и тотар живых поимали». Колоссальные потери вынудили Девлет-Гирея начать отступление³²⁵.

Даже в тех случаях, когда противник встречал пешие татарские отряды за пределами *вагенбурга*, ордынцы несли неоправданно большие потери. Во время кампании в Венгрии в 1657 г. татары напали на венгров после того, как последние «обозы распустили», т.е. расцепили телеги, составлявшие *вагенбург*. Однако победа в конной и пешей рукопашной схватке с венграми далась крымцам ценой огромных потерь³²⁶.

К числу немногочисленных примеров успешного пешего ближнего боя можно отнести упомянутое выше сражение с калмыками в 1644 г., когда ногайские и кабардинские воины сначала смешали торгоутскую конницу ружейным огнем, после чего, «...охватив калмыков с фронта и с тыла, они так ударили по ним ногайскими клинками, что в одну минуту 20 тысяч кяфиров-калмыков пали от мечей, еще 20 тысяч попали в плен»³²⁷. Несмотря на то, что Эвлия Челеби упоминает использование в ходе сражения «ногайских клинков», рискнем предположить, что решающее значение в рукопашной схватке сыграли все же не малочисленные ногайские сабельщики, а затянутые в кольчатые панцири черкесы, которые даже во время визита к соседям «...появлялись всегда... в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золоченого серебра»³²⁸.

Подводя итог настоящего раздела, необходимо отметить, что рост значения боя в пеших порядках в тактическом искусстве армии Крымского ханства был обусловлен османским влиянием. Вместе с турецкими пушками и ружьями крымскими военачальниками были заимствованы базовые тактические приемы османской пехоты (*вагенбург* «*зарбузан арабалары*», окопы, развернутый строй и т.д.). В то же время пехотное тактическое искусство Крыма имело и ряд важных

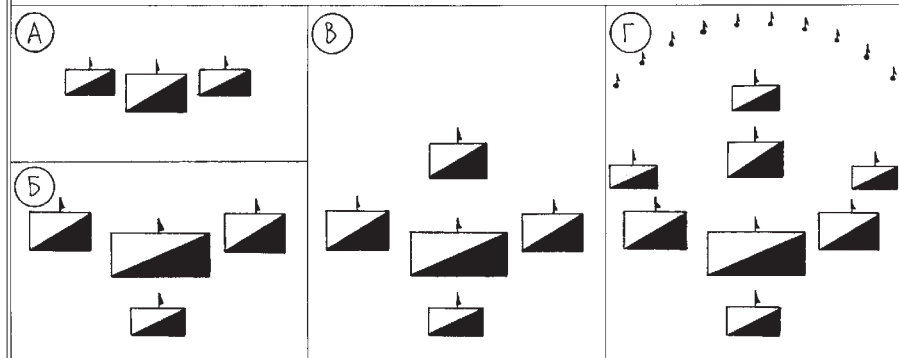
региональных особенностей. Так, во многих военных кампаниях крымские янычары и *секбаны* передвигались на лошадях и спешили только перед самым боевым столкновением. Таким образом, по европейской классификации они представляли собой не столько пехотные, сколько драгунские подразделения. Главным партнером крымских *тюфенкчи* были не панцирники-сипахи (как в османских войсках), а легковооруженные конные лучники, что создавало дополнительные риски для ханской пехоты в случае массированного наступления противника. Кроме того, крымская пехота была представлена почти исключительно ружейными стрелками, в то время как османских янычар в случае необходимости страховали отряды пеших латников и воинов, вооруженных длиннодревковым оружием. Таким образом, конные крымские *тюфенкчи* были мобильней янычар султана, но крымский пехотный строй был значительно менее устойчив, чем его османский аналог. Наконец, не стоит забывать, что все тактические пехотные приемы османских войск крымские военачальники могли повторять только в миниатюре. Огневая мощь крымских и османских войск была просто несопоставима. Если численность ханских *тюфенкчи* даже в середине XVII в. не превышала 2 тыс. чел., то количество янычар в турецких войсках (не считая других ружейных стрелков: левантов, азапов, *секбанов* и т.д.) исчислялась десятками тысяч воинов, причем численность янычарской пехоты постоянно росла: 12 798 чел. (1567 г.), 37 627 чел. (1609 г.), 54 222 чел. (1680 г.)³²⁹.

Боевые построения крымской армии в полевом сражении

К сожалению, до нашего времени дошло не так много подробных описаний вариантов боевого построения крымских и ногайских войск для ведения полевого сражения. Однако боевой порядок крымско-татарских армий XVI–XVII вв. может быть реконструирован на основе комплексного анализа источников.

В письменных материалах рассматриваемого исторического периода упоминаются следующие оперативно-тактические единицы крымско-татарских войск: «сторожевой полк», «передовой полк», «правая и левая рука», «царев» или «великий полк»³³⁰. Во время первого этапа Конотопской битвы крымско-татарская армия состояла из авангардного

Варианты построения войск кочевников Дашт-и Кипчак конца XV-XVI вв.

Варианты боевых построений войск кочевников
Восточного Дашт-и Кипчак конца XV- XVI вв.

Реконструкция Боброва Л.А.

по материалам среднеазиатских письменных источников XVI в.

отряда Адиль-Гирея, а также «трех огромных, как тучи, масс» конницы, то есть центрального полка и двух фланговых отрядов³³¹.

Эти сведения позволяют сделать вывод, что развернутое построение крымско-татарских войск в ходе больших полевых сражений практически в точности соответствовало боевым порядкам тюркоязычных кочевников Восточного Дашт-и Кипчак того же исторического периода³³². Первую линию построения формировал двухчастный авангард — *мынкала/мангалай*, состоявший из *харавула* (рус. «сторожевой полк») и *ертаула* (рус. «передовой полк»). Вторую линию построения составляли *Улуг кул/Орта* (рус. «царев полк», «великий полк») и фланговые корпуса — *сол кол* (левое крыло), *он кол* (правое крыло). Можно предположить, что в некоторых случаях имелась и третья линия построения в виде резервного/засадного корпуса — *кечка/буктырма*.

Подобный вариант боевого построения войск, по сведениям мусульманских авторов XVI в., восходил к воинской практике эпохи Чингизхана: «В соответствии с тем, как это было принято у Чингиз[-хана], выделили правое крыло, левое крыло, центр, арьергард и [часть], которая должна быть в засаде»³³³.

Материалы Конотопской битвы свидетельствуют, что крымская армия могла выстраиваться в форме полумесяца-«хилял». При таком

варианте боевого построения войска располагались в форме полумесяца, обращенного «рогами» (фланговыми корпусами) в сторону противника. Подобный вариант построения был широко распространен у кочевников Евразии еще в эпоху Великого Монгольского нашествия³³⁴.

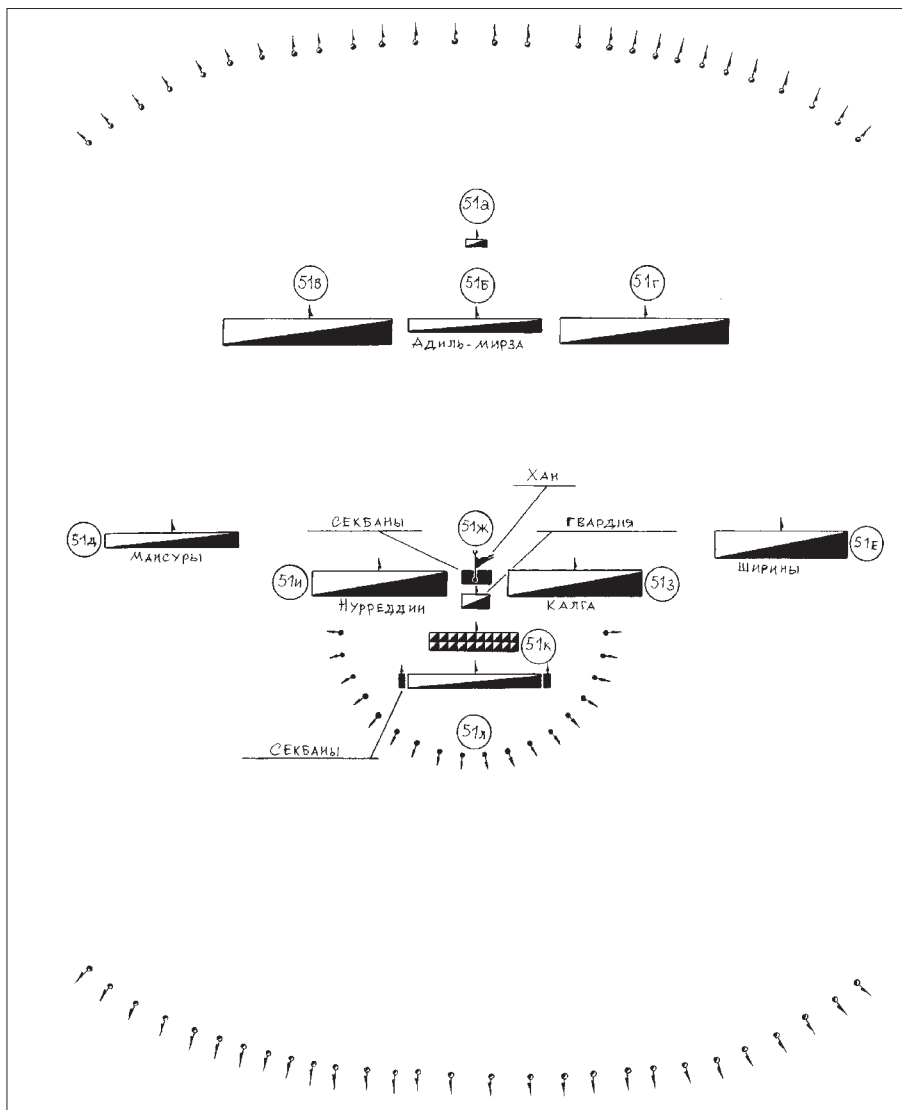
Местоположение того или иного родового/племенного отряда в строю (в центре, на флангах) было закреплено традицией. Наиболее почетными считались воинские ряды на внешнем краю фланговых корпусов³³⁵.

В конце XV — первой половине XVI вв. крымские ханы модернизировали традиционный вариант боевого построения кочевников на манер османской тактики «Дестур-и-Руми». Теперь в центре армии (в составе «Улуг кула» или резерва) мог размещаться оснащенный пушками *вагенбург* с гарнизоном из пеших воинов, вооруженных огнестрельным оружием. Наличие *зарбузан арабалары* придавало устойчивость крымско-татарским кавалерийским соединениям и позволяло отбить массивную контратаку противника.

Согласно османской военной традиции XVI–XVII вв., янычары и *секбаны*, действующие за пределами стен *вагенбурга*, как правило, также входили в состав центрального армейского корпуса³³⁶. Эту же практику унаследовали и крымско-татарские полководцы. Так, например, *тюфенки* входили в состав Улуг кула в битве при Судьбицах (1555), в Конотопской битве (1659) и др. Готовясь к сражению с мятежными ширинами в 1667 г., Мухаммед-Гирей приказал татским *секбанам* составить центр боевого построения крымской армии: **«К полуночи прибыло 2 тысячи прекрасных стрелков из ружей из Татского иля. Они расположились в центре прочным оплотом и встали наготове»**³³⁷.

Подробное описание развернутого построения крымско-татарской армии в сражении с московскими войсками оставил Эвлия Челеби: *«И тогда в обход лагеря двинулись с левой стороны десять тысяч татар из племени мансур, а с правой стороны — бей из племени ширин с двадцатью тысячами воинов; справа от хана — калга-султан с двадцатью тысячами бахадыров; а слева от хана — нуреддин-султан с двадцатью тысячами воинов и молодцов с сагайдаками, да еще вместе с самим его высочеством ханом было две тысячи греческих молодцов, исповедующих праведную веру, т.е. секбанов, вооруженных*

Построение крымско-татарских войск середины XVII в.
 Реконструкция Боброва Л.А. по описанию Э. Челеби.

ружьями, и две тысячи человек из ханской охраны. И всего подошло колоннами и рядами десять тысяч человек из карачеев и из племени бадрак, Сафа-Гирей-султан и Хаджи-Гирей-султан и еще двадцать семь султанов с сагайдаками в сопровождении своих личных воинов,

слуг и секбанов. И здесь же около хана стояли в боевой готовности воины из племен седжют, мангыт, аркан, дайыр, булганак, чуйнадж, гюльдже, кирдже, топал, джургун и еще много сотен племен из разных областей. А подошедшие позже на помощь ногайцы Адиль-мирзы и сотня могучих батыров, молодцов и джигитов, а также еще два отряда с пятьюдесятью тысячами батыров на флангах стали авангардом войска. Затем черкесские бей с воинами, вооруженными ружьями, остались в качестве часовых, и во все четыре стороны были назначены дальние дозоры, которые сменялись каждый час»³³⁸.

Таким образом, крымская армия для участия в данном сражении была разделена на пять больших корпусов: четырехчастный авангард, два фланга, трехчастный центральный корпус и резерв. Численность отрядов традиционно преувеличена Эвлия Челеби, однако данные об их расположении представляют значительный интерес.

Авангард под командованием Адиль-мирзы формировали четыре кавалерийских отряда: сотня отборных воинов «могучих батыров, молодцов и джигитов» (вероятно, *харавул*), ногайское ополчение (согласно Челеби, оно выступало под «...красными салгаками, зелеными знаменами и флагами»³³⁹), а также два отряда, составляющих *яртаул* и имеющих отряды батыров на флангах.

Левое крыло общеармейского построения составили мансурсы, правый ударный фланг (численность которого в два раза превышала левый) — ширины.

Ядро центрального полка (вокруг ханской ставки) сформировали пешие греческие стрелки-*секбаны* и конные гвардейцы. Справа от элитных подразделений разместились отряды конных лучников калги-султана (51 э), слева — *нуреддин-султана*.

Третью линию построения (или резерв) составили «личные воины, слуги и *секбаны*» султанов, а также племенные ополчения. Тылы армии прикрывали черкесские ружейные стрелки.

Практика размещения пехоты в центре боевых порядков под прикрытием кавалерийских «полков» на флангах неоднократно применялась османскими и крымскими военачальниками на протяжении XVI–XVII вв. Так, в ходе знаменитой битвы под Цецорой в 1620 г. османские янычары сформировали центр построения, буджакские ногаи — правое, а крымцы — левое крыло армии³⁴⁰. В 1624 г. в сражении у Карасубазара

центральный «полк» крымской армии составляли запорожские ружейные стрелки, укрывшиеся за полевыми укреплениями. Многочисленная крымская и ногайская конница, усиленная отрядами кумыков и черкесов, размещалась на флангах ханских войск³⁴¹.

В некоторых случаях (как правило, при штурме вражеских полевых укреплений или отражении атаки противника) пехотные и кавалерийские подразделения менялись местами. Первый эшелон крымской армии формировали пешие и/или спешенные воины, в то время как конница составляла второй эшелон боевого построения. Данный вариант расположения пеших и кавалерийских частей многократно фиксируется в османской военной практике XVI–XVII вв. (рис. 48, 50). Подобный боевой строй был применен крымцами в ходе второго этапа битвы при Судьбищах (1555), Молодинской битве (1572) и др.

Главной проблемой крымско-татарской армии была ее относительно низкая прорывная способность и слабая устойчивость в длительном дистанционном и ближнем бою. Оба фактора были обусловлены малочисленностью ударной (в том числе панцирной) конницы и огнестрельных подразделений. Данные недостатки крымские полководцы пытались (с разной степенью успешности) компенсировать маневренностью своих конных корпусов и умелым применением ружейных и артиллерийских соединений. При этом в сражениях с оседло-земледельческими народами приоритет отдавался кавалерийской тактике, а в столкновениях с кочевниками и народами Северного Кавказа татарские военачальники пытались максимально использовать артиллерию и стрелков-*тюфенчи*.

Управление войсками в бою

Одной из ключевых причин эффективности тактических действий крымско-татарских армий XVI–XVII вв. была близкая к совершенной система руководства войсками в бою. Ее обеспечивали строгая вертикальная структура подчинения и наличие хорошо подготовленного и опытного командного состава. «Цементом», скрепляющим систему управления ордынской армии, была жесткая (а подчас и жестокая) дисциплина, включавшая элементы коллективной ответственности.

Общее руководство войсками в сражении находилось в руках командующего, которому подчинялись командиры отдельных отрядов.

Последние должны были выполнять определенные им перед сражением тактические задачи и/или оперативные указания вышестоящего военачальника. Однако частная инициатива командиров частей и соединений также не исключалась. Командующий, как правило, не вступал в бой, а обзирал поле сражения с возвышенности. В это же время командиры более низкого ранга при определенных обстоятельствах участвовали в схватке.

Динамичность кавалерийского сражения и стремительное изменение боевой обстановки требовали быстрого принятия тактических решений, поэтому система оперативного управления войсками осуществлялась не только путем устной отдачи приказаний командующим (непосредственно или через посыльных), но и иными способами. Важнейшими из них были сигналы, подаваемые знаменами или с помощью военной музыки. На уровне подразделений управление осуществлялось путем устных команд. Направление атаки командир подразделения мог также указывать рукой или ногой. Согласно сообщению польского посланника М. Броневского (1578): *«Татары чрезвычайно быстро умеют строить свои ряды и двигать их; эти эскадроны до такой степени приучены слушаться не только приказаний своих начальников, но достаточно одного указания плети, или даже движения руки, чтобы рассеянных привести в порядок»*³⁴². Об особом «условном знаке поданным руками», который служил сигналом для начала маневра, писал и Эвлия Челеби: *«Тогда татарские воины по заранее условленному знаку, поданному руками, сделали вид, что собираются стрелять из пушек и ружей, и притворились, будто намереваются не то зайти во фланг, не то обойти врага»*³⁴³.

Характерным для крымско-татарской армии было большое количество разнообразных знамен и значков. Собственные знамена имел не только хан, *калга*, *нуреддин*, но также бей, мирзы и командиры отдельных отрядов³⁴⁴. Сообщения современников, описывающие внешний вид татарских армий, буквально пестрят упоминаниями о разнообразных татарских и ногайских «знаменах». В начале августа 1632 г. русские разведчики могли наблюдать многочисленные «татарские полки со знаменами», двигавшиеся по Изюмскому шляху. В январе 1636 г. у р. Берекети (приток Сев. Донца) стояли три татарских «полка» (2 тыс. чел.) *«...со знаменами, украшенными хвостами»*. Во время

боя с отрядом г. Курска 21–22 мая 1643 г. ружейные стрелки («пешие люди») Карач-мурзы атаковали позиции русских служилых «...с знаменны и... с вогненным боем». В 1644 г. татары шли в поход «...с многими знаменами». В том же году большие массы татарской конницы двигались по Пахнуцкой дороге «...полками с знаменами» и т.д., и т.п.³⁴⁵

Многочисленность знамен и значков в крымско-татарских армиях рассматриваемого периода объясняется тем, что они являлись не только символом власти командира войскового подразделения или соединения, но и играли важную роль в системе управления войсками кочевников. Во время похода и сражения знамя указывало на местоположение военачальника и его ставки. В ходе битвы знамена служили ориентиром для сражающихся воинов, которые должны были следовать за знаменем своего командира³⁴⁶. После завершения атаки или боевого столкновения татары и ногаи должны были собраться под своим знаменем.

В некоторых случаях хан предоставлял свое знамя *калге*, *нуреддину* или мурзе на время похода. Это считалось символом того, что боевые действия санкционированы правителем Крыма. Так, в 1644 г. только что вступивший на престол Ислам-Гирей в знак подтверждения готовившегося похода «...дал мурзам свое знамя»³⁴⁷. На следующий год ханское знамя было вручено *нуреддину*, собиравшемуся в набег на Московское государство³⁴⁸ и т.д.

Наряду с личными знаменами крымско-татарской и ногайской знати, в войсках ханства использовались знамена, присланные в Крым по повелению османского султана, они являлись символом благоволения и покровительства Высокого Порога³⁴⁹. По данным польского посланника Броневского (1578) «...ханы признают над собою власть Турков, которые избирают и назначают князей татарских, [и] **дают им знамя**»³⁵⁰. По сообщению Эвлия Челеби «...ханам было пожаловано два знамени, два **санджака** и **байрака**»³⁵¹. В случае потери султанского знамени в бою Высокий Порог мог отказать в выдаче хану нового знамени. Так, например, Джанибек-Гирей, лишившийся бунчука («туг») в Персидском походе, так и не дождался из Стамбула нового султанского знамени³⁵².

Согласно описаниям Реммаль Ходжи (40-е гг. XVI в.), конструктивно крымско-татарские знамена делились на бунчуки из конского

волоса («туг») и флаги («санджак»)³⁵³. Бунчуки представляли собой деревянное древко, увенчанное фигурным или шаровидным навершием, на котором подвешивалась кисть из одного или нескольких лошадиных хвостов. У санджака на навершие подвешивалось цветное матерчатое полотнище, как правило, треугольной или (реже) прямоугольной формы.

По данным польского посланника М. Броневского (1578) символом гвардейского отряда крымского хана был белый бунчук, рядом с которым носили османский санджак красно-зеленого цвета: *«При ханском отряде всегда есть знамя, состоящее из белого лошадиного хвоста, прикрепленного к длинной палке, и шелковое турецкое знамя зеленое с красным»*³⁵⁴. По другим данным, главным знаменем Крымского ханства был санджак с золотым навершием и черно-красным полотнищем, покрытым арабскими надписями. В походе такое знамя несли перед крымским ханом и хранили в его личном шатре: *«Имяху же черное знамя и червоное подобны турецким величеством, сердцем златым, на нем же знамени был написан закон Магометов, зане вкупе с турки держат веру. Тое же знамя сохраняют с великою честью в шатре царском егда же оное знамя изнесут тогда и сам Царь за ним идет, и на конь всадает, а за ним сынове его»*. Что касается ханского «полка» (т.е. «Улуг кула»), то при нем было четыре больших знамени: красно-желтое, белое, белое с зеленой окантовкой (или зелеными «языками») и черным бунчуком, а также красное с золотым шаровидным навершием, покрытое арабскими надписями: *«...со знамени, их же бяху четыре... Пред его [ханом] полком носят четыре знамени: едино червчато з желтою китайкою, второе четвертное з белою, третие белой китайки, у нея же концы зеленя а наверху хвост конский черный, четвертое все червчатое китайковое со златым яблоком, писанием златням арапским написано»*.

Что касается других знамен и бунчуков крымско-татарской армии, то, по единодушному мнению современников, они отличались значительным цветовым разнообразием: *«Сынове же царския, кийждо особня имел знамена и знаки с кобыльими хвосты, у всякаго разныя шерсти хвост»*; *«...прочие знамена и бунчуки, которых очень много, бывають различного цвета»*³⁵⁵. Во время боевых действий в Причерноморских степях в 60-х гг. XVII в. калмыками были захвачены чер-

Крымские татары со знаменем

Фрагмент барельефа
на могиле Яна II Казимира
в Сен Жермен де При
работы Ж. Тибо (1672 г.),
посвященной битве под Берестечком 1651 г.

и малые ногаи и ногойцы Шейдяка, Адиля, Кёр-Юсуфа, ногойцы племен Чобана, Новруза, Деви, Ислам-бека, Урмамета... т.е. подошло сто сорок тысяч удачливых в добыче татар из всех племен»³⁵⁸.

Сведения письменных источников подтверждаются изобразительными материалами XVI–XVII вв. На османской миниатюре из сочинения Локман бен Хусайна аль-Ашури (список 1579 г.) изображена переправа крымско-татарских и османских войск через Дунай в 1566 г. (рис. 8). Над головами степняков реют два больших знамени, увенчанных фигурными золотыми навершиями. Первый санджак имеет желтое полотнище треугольной формы с широкой красной полосой по краю. Второй санджак — это зеленый флаг подтреугольной формы, разрезанный на два длинных «языка», благодаря чему полотнище имеет характерную форму «ласточкиного хвоста». Схожее треугольное знамя с подтреугольным раздвоенным на конце флагом реет над крымско-татарскими воинами на барельефе, изображающем битву под Берестечком в 1651 г. На миниатюрах «Шахнаме-и Надири» (20-е гг. XVII в.) показаны знамена и значки крымско-татарской армии хана Джанибек-Гирея (1610–1623, 1628–1635). Главные знамена ордынских войск представляют собой длинные деревянные древка с фигурным золотым навершием и треугольным полотнищем красного цвета. Значки командиров отрядов (?) снабжены копейными наконечниками, короткими

и красные камчатые знамена³⁵⁶. Согласно эпосу, ногоайские воины сражались под желтыми («сары ту») и белыми («ак ту») знаменами³⁵⁷. Во время боевых действий в середине XVII в. ногаи, по сообщению Э. Челеби, применяли красные и зеленые знамена: *«Но в это время показались красные салгаки (?), зеленые знамена и флаги, и души всех татарских воинов успокоились, когда они поняли, что к ним на помощь подходят воины исламма. Это подошли большие ногаи*

черными бунчуками, белыми и оранжевыми треугольными флажками.

Наряду со знаменами, важную роль в системе управления войсками в бою играла военная музыка. Согласно записям Эвлии Челеби, большой военный оркестр был отправлен в Крым османскими султанами: «Ханам было пожаловано 2 знамени, 2 санджака и байрака и военный оркестр в 7 рядов. Он играет перед войсками в оставшиеся от предков афросиябовы трубы, джемшидовы зурны и барабаны»³⁵⁹. Однако не приходится сомневаться, что наряду с османскими в крымско-татарских войсках были и собственные музыканты.

Ударные инструменты (большие и малые барабаны) имели важное значение еще в боевой практике монгольских войск XIII в. Они помогали синхронизировать действия отдельных монгольских отрядов и подавали сигнал к началу общей атаки. В Золотоордынский период к барабанам добавились бубны и литавры, а также различные духовые инструменты: рога, трубы, карнаи и др.³⁶⁰ В это время в задачу военных оркестров входили уже не только сигнальные функции, но и поддержание боевого духа воинов во время битвы.

У крымских татар XVI–XVII вв. военная музыка была весьма востребована как во время похода, так и во время самого сражения. Так, выступление хана в поход при пересечении Перекопа в 1666 г. сопровождалось «...звуками бубнов и литавр»³⁶¹. На поле битвы крымско-татарская армия выходила под рокот больших барабанов и грохот «бубнов» (т.е. малых седельных барабанов), к которому затем

Османский военный оркестр

Фрагмент миниатюры из «Сурнаме-и Вехби»,
1650–1685 гг. (Топкапы, Стамбул)

присоединялись звуки рогов, зурн, литавр и цимбал: *«Когда подниматся хоят, тогда вельми рано бьют в бубен единою палкой, по оном биении скоро предние людии пойдут, потом с час промешкавши в рог затрубят по московски, якобы со псовой охотою, и тако весьма прытко по оном трубении на коней вседают»*; *«...тотчас же забили в боевые султанские барабаны, и все мусульмане — воители за веру сели на своих скакунов, заранее подготовленных к бою... и с криками „Аллах!“ бросились на войско неверных»*³⁶²; *«...наутро забили в боевые барабаны, и вперед выставили две тысячи сильных воинов. Татарские воины пригнулись к головам лошадей, взяли в руки луки и положили на тетивы по две–три тяжелые стрелы, все разом крикнули „Аллах! Аллах!“*, вознеся к Аллаху просьбу о спасении, и напали на укрепленный лагерь»; *«...сначала ударили в барабаны на стороне ханского войска, и по законам чингизидов заиграли Афрасиабозы трубы, Искандеровы барабаны, Джемшидовы зурны, барабаны шаха Хушенка, литавры хакановы, цимбалы царя Дария; все воины припали к головам коней, и татарское войско двумя колоннами двинулось на поле доблести. И они стали под сень знамен»*³⁶³.

Высшего пика гром военной музыки достигал в момент атаки крымских войск, что должно было устрашать противника и подбадривать собственных воинов. Ту же роль военная музыка играла у народов Восточного Дашт-и Кипчак XVI в., в частности, у казахов и узбеков, которые использовали весьма схожий набор музыкальных инструментов: большие и малые барабаны, трубы, флейты и литавры³⁶⁴.

Можно предположить, что наряду с оркестрами ударными музыкальными инструментами (в частности, барабанами) были снабжены представители командного состава крымско-татарской армии. Барабан, как и знамя, был символом власти правителя области. Так, например, описывая орского бея, Эвлия Челеби особо подчеркивает, что *«...он является обладателем знамени и барабана»*³⁶⁵. Не исключено, что, как и в Средней Азии, малые барабаны-«тулумбасы» могли крепиться к седлу командиров кавалерийских подразделений крымско-татарской армии для подачи сигнала отряду во время боя. В пользу данной версии свидетельствуют факты применения татарами подобных барабанов во время охоты: *«Эти князья и главнейшие мурзы выезжают верхом с почетной свитой, где все вооружены луками*

и стрелами... к седельной луке одного из начальников всегда бывает привязан тулумбас (*tamborrino*), на случай надобности во время охоты углубится в лес»³⁶⁶. Кроме того, по некоторым данным, «...у каждого десятника был... маленький барабан, который возили на луке седла, и свирель или свисток — для подачи сигналов».³⁶⁷

Особое место в системе управления войсками тюркских кочевников Дашт-и Кипчак в сражении занимали боевые кличи: *ураны* и *сурены*. Они применялись для обозначения начала атаки на противника, а также в качестве паролей для определения соратников, союзников и противников в ходе сражения.

Важной отличительной особенностью боевых кличей крымских татар было то, что они обычно имели религиозный характер, в то время как *сурены* и *ураны* номадов Восточного Дашт-и Кипчак представляли собой родовой пароль или девиз³⁶⁸. В качестве боевых кличей крымских татар современниками были зафиксированы возгласы: «Аллах!» и «Олла Билла!».³⁶⁹ Так, в частности, Флетчер (1588–1589) писал, что, «...устремляясь на неприятеля, бросаются они с большим визгом и кричат все вдруг: Олла Билла, Олла Билла (Бог в помощь, Бог в помощь)»³⁷⁰. Согласно записям Эвлия Челеби, ногайские воины во время атаки кричали «Джу!» и «улюлюкали»: «Тотчас ногайские воины изготовились к битве и, прильнув к головам коней, с криками „Джу! Джу!“ бросились на воинов достославного хана»; «С противной стороны подошли ногайцы Адиля и буджакские татары с сорока–пятьюдесятью тысячами воинов. Тотчас ногайские воины изготовились к битве и, прильнув к головам коней, с улюлюканьем бросились на воинов достославного хана».³⁷¹

В целом комбинированная система управления войсками в бою, основанная на сочетании военной музыки, манипуляций флагами и бунчуками, устных приказов и боевых кличей была достаточно эффективна. На поле боя крымско-татарские и ногайские отряды действовали весьма согласованно. Военная история XVI–XVII вв. практически не дает нам примеров того, чтобы тюркские кочевники Западного Дашт-и Кипчак проиграли полевое сражение из-за нарушения системы управления войсками.

Тактическая разведка, развертывание войск, преследование бегущего противника, военные хитрости

Важную роль в деле военного искусства крымских татар и ногаев играла тактическая разведка. Как правило, ее осуществляли отдельные кавалерийские отряды, двигавшиеся впереди основных сил армии. В состав таких отрядов включались отборные татарские, ногайские и черкесские воины на лучших конях. В их задачи входил сбор сведений о расположении и перемещениях войск противника, захват «языков», а в случае необходимости выполнение отдельных боевых тактических приемов («*травля*», притворное бегство и др.). Во время проведения операции отряды должны были страховать друг друга и взаимодействовать с харавулом крымской армии. Если противник решался на преследование разведывательных татарских отрядов, они наводили его под встречный удар авангардного корпуса, выполнявшего роль засады. Подробное описание крымской тактической разведки оставил польский посланник М. Броневский (1578): «*Став на неприятельской земле, Хан снова отправляет вперед **известное число опытейших и искуснейших соглядатаев**, которые идут впереди всего войска и встречающихся по пути поселян и других людей захватывают и представляют Хану; а Хан уже спрашивает их о положении и войсках неприятеля... А для того, чтобы эти отряды не попали как-нибудь нечаянно в засаду или не наткнулись на какой-нибудь отряд он распределяет такие же отряды, татар в засаде, в разных местах у крепостей и городов, лежащих по дороге... Татарское войско, вступив в неприятельские пределы, не разделяется на отряды или эскадроны; они все вместе одною кучею подвигаются. В разных местах они оставляют караульные посты, которые составляют как бы резервы более или менее значительные. Когда первые из этих караулов заметят неприятеля, то начинают поспешно отступать, стараясь таким образом навести неприятеля на отряд, находящийся в засаде; но если войско неприятельское значительно, тогда они со всевозможною поспешностью бегут к своей главной армии»³⁷².*

Хорошо налаженная тактическая разведка являлась одним из важнейших конкурентных преимуществ татарских и ногайских армий в столкновениях с войсками оседло-земледельческих народов.

Благодаря своим «летучим» подразделениям крымское и ногайское командование было хорошо осведомлено о численности и действиях противника и не давало застать себя врасплох. На протяжении рассматриваемого исторического периода (более 170 лет) противнику лишь считанное количество раз удавалось ввести в заблуждение разведывательные крымско-татарские и ногайские отряды и нанести неожиданный удар по ордынской армии. В свою очередь, кочевники блестяще пользовались слабостью тактической разведки своих русских, литовских и польских противников. Так, например, главной причиной разгрома элитной московской кавалерии под Конотопом в 1659 г. стала слабость разведывательных тактических подразделений. Этот же фактор оказал влияние на итог осенней кампании 1660 г., завершившейся так называемой «Катастрофой под Чудновым». Ситуация резко изменилась только после того, как к русским войскам прибыла многочисленная калмыцкая конница, имевшая собственную хорошо организованную систему тактической разведки.

Важным элементом в основе военного искусства эпохи Средневековья и раннего Нового времени являлся выход войск на позиции и развертывание боевых порядков перед началом сражения. В этот момент средневековая армия была особенно уязвима перед лицом мощной атаки противника, поэтому операцию надо было проводить организованно и в максимально сжатые сроки. По единодушному мнению современников, тактическое развертывание крымско-татарских и ногайских войск происходило исключительно быстро. Каждое родовое подразделение и племенной отряд знали свое положение в общем строю, оно было закреплено традицией и «заветами Чингиз-хана». Дополнительным ориентиром выступало знамя или копейный значок командира подразделения: *«Татары чрезвычайно быстро умеют строить свои ряды и двигать их; эти эскадроны до такой степени приучены слушаться не только приказания своих начальников, но достаточно одного указания плети, или даже движения руки, чтобы рассеянных привести в порядок»*³⁷³.

Сигналом для выдвижения на позиции служили удары больших и малых барабанов (см. выше). Развертывание происходило под прикрытием цепей конных лучников, которые отвлекали внимание противника и «травилились» с его кавалерийскими подразделениями.

Помимо прочего, подобная «завеса» скрывала от глаз вражеских полководцев передвижения основных масс ордынской конницы и пехоты.

В военной практике крымских татар и ногаев исключительное значение придавалось преследованию войск противника в случае успешного завершения основного сражения. Это объяснялось как собственно военными причинами (желанием не только разбить, но и разгромить, а то и уничтожить армию врага), а также стремлением получить богатые трофеи и пленников. Для ведения преследования обычно выделялась значительная (а часто и большая) часть крымско-татарской армии, фланги которой, как во время облавной охоты, разворачивались в огромные распластанные тактические крылья. Если противник отступал организованно, используя тележный табор, то главные силы кочевников атаковали *вагенбург* с разных сторон, пытаясь разорвать ряды повозок. В том случае, если гарнизон *вагенбурга* сохранял хладнокровие и вел интенсивный ружейный и пушечный огонь, то шансы на прорыв резко возрастали, так как татарская конница мало подходила для штурма огненосных передвижных укреплений. Именно так, отаборившись телегами, русские войска прорывали ордынское окружение в 1655, 1659, 1660 гг. Если же враг в панике бежал с поля боя, то шансов на спасение у него было крайне мало, так как татары упорно преследовали и загоняли даже отдельных вражеских всадников.

Во время преследования крымцы и ногаи чувствовали себя очень уверенно, справедливо надеясь, что в случае вражеской контратаки они смогут уйти из-под удара противника, используя скорость своих степных скакунов. Подобная самоуверенность несколько раз сыграла с татарами злую шутку. Например, во время битвы при Молодях 28 июля 1572 г. отступающие русские и немецкие всадники подвели ордынцев под мощный огневой удар *«гуляй-города»*: *«И в те поры из-за гуляя князь Михаило Воротынский велел стрельцем ис пища-лей стреляти по татарским полком, а пушкарем из большого снаря-ду ис пушек стреляти. И на том бою многих безчисленно нагайских и крымьских тотар побили»*³⁷⁴.

Свою роль в тактическом искусстве крымских татар играл арьергард, в задачи которого входило прикрытие главных сил армии после неудачного сражения. Так, после проигранной Молодинской битвы хан Девлет-Гирей оставил в качестве прикрытия 3 тыс. «резвых людей»,

которые должны были «травиться» с русской конницей, прикрывая отступление ордынской армии. Однако в этот раз русские полководцы действовали активно и сумели нанести поражение татарскому арьергарду, преследуя его до самой Оки³⁷⁵.

В случае, если противник начинал преследование большими массами свежей панцирной конницы, татарская армия рассыпалась на мелкие отряды, буквально «таявшие» в бескрайних степных просторах. Эту особенность отступления ордынских войск очень точно подметил наемный французский офицер начала XVII в. Жак Маржерет: *«Ежели отряд русских всадников, тысяч в пятнадцать или двадцать, решится преследовать татарских наездников, они рассыпаются во все стороны, и под пушечным выстрелом остается из них не более 3 или 4 тысяч человек; да и те сходятся более с привидениями на ослах, нежели с воинственными всадниками. Посему татары обыкновенно возвращаются восвояси без большого урона, если только русские не успеют пересечь им пути на переправах через реки или не займут проходов в лесу, где могут напасть на неприятеля. Но это редко случается»*³⁷⁶.

Военное искусство крымских татар и ногаев невозможно представить себе без разнообразных оригинальных военных ухищрений, призванных облегчить выполнение основных тактических задач. Если среди европейских военачальников эпохи Средневековья подобные уловки считались «коварством» и «варварством», то в ордынской военной системе они, напротив, воспринимались как проявление воинского мастерства полководца.

Наиболее характерной разновидностью военных хитростей крымских татар и ногаев можно считать неожиданные (в том числе ночные) нападения на армию противника в тот момент, когда та находилась на марше или, наоборот, на отдыхе, размещалась на бивуак, выстраивалась в боевые порядки, совершала переправу через реку и т.д. Высоко ценилось умение обмануть, ввести в заблуждение вражеского полководца, а также организовать неожиданное нападение на армию противника из засады. Основными способами достижения эффекта неожиданности была скрытая передислокация войск накануне и в ходе сражения. Для обеспечения скрытности использовался рельеф местности (холмы, горы, лес), темное время суток и т.д. Большое внимание

придавалось проведению ложных тактических маневров, целью которых было отвлечение внимания противника от направления главного удара. С целью дезинформирования и запугивания врага использовался прием «ложный резерв»: *«Когда они [татары. — Л.Б.] делают набег с небольшим числом войска, то сажаят на лошадей чучел в виде людей, чтоб их казалось более»*³⁷⁷. Распространенным приемом был также поджог сухой травы, приводивший к мощным степным пожарам.

В случае, если противник упорно оборонялся, крымские татары (в точном соответствии с монгольской военной практикой XIII в.) гнали на него стада крупного рогатого скота. Последние должны были прорвать боевые порядки противника, после чего кочевники врываются в образовавшуюся брешь. Так, например, в ходе сражения 27 мая 1643 г. русские служилые (700 чел.) *«...от татар на степи в осаде сидели в буераке, окопався земляным городком»*. Чтобы сберечь жизни воинов, крымский военачальник приказал гнать на русские позиции захваченных быков и коров: *«И татаровья... к белгородцам приступали крепким приступом и животинными стадами на белгородцев нагоняли трожды... приступали до ночи»*. Только своевременно подошедшая помощь помогла служилым прорвать затянувшуюся осаду³⁷⁸.

В ходе боевых действий применялись и оригинальные тактические решения. В качестве примера можно привести сражения у г. Соколя (на берегу р. Буг) в 1519 г., в котором ордынцы сошлись в бою с большой польско-литовской армией К.И. Острожского. Татары выманили элитную польскую кавалерию, наведя ее на предварительно сожженное поселение, где рыцарские кони стали проваливаться в погребные ямы сгоревших домов. В тот момент, когда польская кавалерия пыталась развернуться на столь специфической местности, она была атакована татарскими отрядами. В сражении погибло якобы 1200 рыцарей (явное преувеличение), в том числе многие представители польской знати. Трофейные рыцарские доспехи татары привезли в Крым. Описание данного сражения оставил М. Литвин: *«У Сокаля войско наше было разбито не силою, а хитростью, вследствие неудобной местности, потому что оно было коварно завлечено на площадь только что сожженного города, зиявшую множеством ям, подземелий, пещер и погребов. Тогда первый раз возгордился по отношению к нам род Гиреев, когда им принесены были в Таврику кровавые доспехи наших воинов»*³⁷⁹.

Военные хитрости добавляли маневрам крымских татар и ногаев гибкости и эффективности. Большинство приемов было унаследовано ордынцами из тактического арсенала номадов периода развитого Средневековья³⁸⁰, однако, применялись данные приемы творчески, с учетом новых наработок, а иногда и с применением новых видов вооружения (ружей и пушек).

Выводы

Эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени является самостоятельным и весьма важным этапом развития военного искусства тюркских номадов Западного Дашт-и Кипчак. При этом распространенное в отечественной историографии мнение о том, что крымские татары и ногаи данного периода последовательно воспроизводили военную систему золотоордынского или, тем более, монгольского образца, представляется нам не совсем корректным. Несмотря на то, что в основе военного дела позднесредневековых тюркских номадов региона действительно лежали золотоордынские военно-культурные традиции, комплекс вооружения крымских татар и ногаев, их тактика, военная организация и стратегия на протяжении XV–XVII вв. стремительно эволюционировали, приспособляясь к меняющимся реалиям эпохи.

Так, в частности, военная организация армии Крымского ханства конца XV–XVII вв. имела весьма существенные отличия не только от классической монгольской «десятичной» системы XIII в., но и от ее золотоордынского деривата XIV в. Она сочетала в себе элементы «десятичной», «родо-племенной» и «османской» моделей организации вооруженных сил. Ханам из рода Гиреев удалось не только сохранить гвардейский корпус, но и усилить его за счет пехотных и артиллерийских контингентов, что резко повысило боеспособность крымско-татарской армии в целом. Несмотря на некоторую организационную пестроту, симбиотическая военная система Крымского ханства была достаточно хорошо сбалансирована, позволяла поддерживать в войсках высокий уровень дисциплины, а также проводить мобилизацию боеспособного населения в максимально сжатые сроки.

Военная организация ногаев имела более традиционный характер, но и она претерпела значительные изменения на протяжении рассматриваемого исторического периода. Основным содержанием данных

изменений был постепенный процесс замещения «десятичной» системы организации вооруженных сил ее «родо-племенным» аналогом, что являлось объективным отображением социально-политических процессов, происходивших внутри Ногайской Орды на протяжении XVI в.

Разрушительные вторжения Тимура, разгром ключевых ремесленных центров, перманентный военно-политический и экономический кризис, разрыв традиционных торговых связей оказали негативное влияние на уровень оснащённости войск кочевников Западного Дашт-и Кипчак XV в. доспехами, оружием дистанционного и ближнего боя. В первую очередь это проявилось в резком сокращении численности ударных панцирных отрядов, снижении значимости конного копейного боя и рукопашной схватки в целом. По сравнению с другими степными правителями региона крымские Гирей находились в более выигрышном положении, однако и они не спешили наращивать численность панцирных подразделений в своих войсках. Создание собственных доспешных и оружейных производств или массовые закупки панцирей, копий, сабель и других предметов вооружения за границей требовали колоссальных финансовых вложений, но при этом не решали актуальных боевых задач. В условиях «Пороховой революции» военный потенциал армий оседло-земледельческих государств неизмеримо возрос. Даже при максимальном напряжении сил кочевники не могли сравниться с ними по степени оснащённости войск ружьями, пушками, доспехами, оружием ближнего боя и т.д. Тем не менее, правители номадов сумели найти весьма изящный выход из непростой ситуации. Вместо того, чтобы соревноваться с Московским государством и Речью Посполитой в количестве панцирников, крымские полководцы сделали ставку на легкую конницу и дистанционный лучной бой. Чем более грозной, бронированной и огненосной становилась кавалерия восточноевропейских народов, тем более легкое и подвижное вооружение использовали татары. Благодаря тому, что дальность настильной и навесной стрельбы из сложносоставных луков значительно превосходила дальность стрельбы из пистолетов и гладкоствольных карабинов, ордынцы могли осыпать противника стрелами с безопасного расстояния, не приближаясь к его боевым порядкам. В случае вражеской контратаки татары уходили из под удара латников, используя преимущество в скорости, которое давали им легкие

и выносливые степные кони. Таким образом, базовыми факторами татарской военной практики второй половины XV–XVII вв. окончательно стали мобильность и массированный лучной бой. В этих условиях массовой панцирной коннице, аналогичной тяжеловооруженным *кошунам* времен Тохтамыша, в военном искусстве татар XVI–XVII вв. просто не осталось места. Защитное вооружение превратилось в прерогативу знати, наиболее богатых ополченцев и воинов элитных подразделений. Резко снизилось значение длиннодревкового оружия и конного копейного боя. Символом крымской армии в XVI в. окончательно становится легкий конный лучник. В рукопашную схватку такие бездоспешные всадники вступали крайне неохотно и лишь при значительном численном превосходстве. При этом главным оружием ближнего боя были не ударные копыя и пики, а сабли, а также дубины, палицы, кистени и т.д.

Таким образом, подчеркнутая легкость оружейного комплекса «ветроподобных татар» была обусловлена не только существующей системой снабжения, неразвитостью оружейных производств, составе войск, но и особенностями военного дела противников Крымского ханства.

Сравнивая оружейный комплекс и кавалерийскую тактику крымских татар XVI–XVII вв. и золотоордынцев XIV в., некоторые авторы спешат заявить о «деградации» военного дела крымцев. На наш взгляд, более правильно говорить о мимикрии военного искусства тюркских номадов Восточной Европы в меняющихся условиях позднего Средневековья и раннего Нового времени. Характерно в этой связи, что приспособление к новым реалиям оказалось весьма успешным. Об этом свидетельствуют многочисленные победы крымско-татарских армий над московскими, польскими, литовскими и украинскими войсками в XVI–XVII вв. Обновленную ордынскую конницу было легко отбить, сложно разбить и невозможно уничтожить.

Уязвимые стороны крымско-татарской и ногайской конницы были оборотной стороной ее достоинств. Слабая оснащенность доспехами и оружием ближнего боя снижали устойчивость ордынских войск в дистанционном и ближнем бою. Малочисленность панцирных контингентов часто не позволяла крымским военачальникам нанести последний решающий удар по построениям противника

**Русская конница
опрокидывает литовских татар**
Фрагмент картины неизвестного
художника «Битва под Оршей» (1514),
первая треть XVI в.

(уже расстроенным в ходе лучно-го обстрела), разорвать и уничтожить вражескую армию по частям. Практически непреодолимым препятствием для легкой лучной конницы ордынцев были тележные *вагенбурги*, обеспеченные гарнизоном из огнестрельной пехоты и артиллерии. Однако, как показала военная практика первой половины–середины XVII в., главную опасность для ногаев и татар представляла конница

других кочевых народов, не уступавшая ордынцам в скорости, но превосходившая их по степени оснащённости защитным и наступательным вооружением.

Важной тенденцией в развитии военного дела Крымского ханства конца XV–XVII вв. стало распространение огнестрельного оружия. Благодаря содействию Османской Турции крымские татары раньше других кочевых народов обзавелись собственными подразделениями огнестрельной пехоты и артиллерии. Первые отряды стрелков-*тюфенкчи* и полевая артиллерия появились в крымских войсках еще в начале 90-х гг. XV в. Если в начале рассматриваемого периода огнестрельные подразделения ханства состояли из османских янычар, то позднее к ним добавились стрелки-*секбаны*, набранные из числа оседлых жителей полуострова (греков, черкесов, татов, готов и др.). По меркам оседлых народов численность пехотного корпуса и артиллерийского парка Крымского ханства была невелика. Так, в XVI в. общая численность крымских *тюфенкчи* не превышала 1 тыс. чел., а в середине XVII в. — 2 тыс. чел. Артиллерийский парк ханства насчитывал около сотни орудий, при этом к действующей армии во время военных походов обычно было приписано не более 20 (в редких случаях 40–60) пушек малого калибра. Однако следует подчеркнуть, что, уступая по огневой мощи оседлым народам, крымцы значительно превосходили по данному показателю всех своих ближних и дальних кочевых соседей. Вплоть до последней трети XVII в. (т.е. почти 200 лет) крымские ханы обладали

самими многочисленными контингентами ружейных стрелков среди всех кочевых народов Великой степи. Наличие в войсках огнестрельной пехоты и артиллерии существенно усилило армию Крымского ханства и оказало значительное влияние на эволюцию крымско-татарского тактического искусства конца XV–XVII вв.

В ногайских войсках первые отряды ружейных стрелков появились в середине XVI в. Вплоть до конца столетия они были представлены в основном контингентами русских стрельцов. В первой половине XVII в. ногаи начали приобретать огнестрельное оружие у среднеазиатских купцов и народов Северного Кавказа. Астраханские ногаи для защиты от калмыков стали получать во временное пользование пищади российского производства. Если в крымских войсках функции *тюфенчи* выполняли оседлые жители ханства, то ногаи сами освоили искусство ружейной стрельбы и стали активно применять «огненный бой» в ходе военных кампаний первой половины — середины XVII в.

На основании комплексного анализа источников выявлено пять базовых тактических приемов ведения конного боя крымскими татарами и ногаями конца XV — середины XVII вв.

Три из них могут быть отнесены к числу основных, то есть определяющих общий рисунок сражения и оказывающих решающее влияние на его исход. Это «хоровод» (оригинальный кольцевидный строй кочевников для ведения лучного боя на средней и малой дистанции), «*тулгاما*» (охват фланга/флангов противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям) и притворное бегство (провоцирующая атака с последующим контролируемым/притворным отступлением, сопровождающимся лучной стрельбой по преследователям и завершающимся массированным контрударом). Ключевым содержанием данных тактических приемов был массированный лучной бой преимущественно на малой и средней («хоровод»), а также средней и дальней дистанции («*тулгاما*», притворное бегство).

К числу вспомогательных могут быть отнесены два тактических приема: цепи конных лучников («*травля*», «*воронья стая*») и «*кылыч*». Первый из них предусматривал обстрел построений противника (как правило, с максимальной дистанции) группами конных лучников, действующих в рассыпном строю и проводящих атаку небольшими отрядами с разных направлений. Данный тактический прием позволял

измотать врага еще до начала решающей схватки, «прощупать» его боевые порядки (выявить их слабые стороны) и отвлечь внимание полководцев противника от главного направления планируемого удара. Кроме того, цепи конных лучников являлись естественным заслоном, позволявшим развернуть или перегруппировать войска перед решающей атакой. Главным содержанием тактического приема «*кылыч*» был ближний бой с целью прорыва вражеских построений. Частым элементом «*кылыч*» также являлась лучная стрельба с минимальной дистанции.

Большинство указанных тактических приемов крымских татар и ногаев восходило к боевой практике кочевников Дашт-и Кипчак золотоордынского периода. Однако данные приемы были в значительной степени модернизированы крымско-татарскими полководцами с учетом новых военных реалий эпохи «Пороховой революции».

Анализ письменных материалов позволил выделить четыре базовых тактических приема, применявшихся крымскими татарами и ногаями для ведения боя в пешех порядках. К числу основных могут быть отнесены «*зарбузан арабалары*»/«*топ арабалары*» (ведение огневого дистанционного боя силами пехотных и артиллерийских подразделений, действующих под прикрытием *вагенбурга*), «огневые засады» и ружейный дистанционный бой с применением окопов-«*ор*», развернутые и рассыпные построения ружейных стрелков. К вспомогательным тактическим приемам ведения боя относился пеший «*кылыч*» (пехотный рукопашный бой). Данные тактические приемы были заимствованы крымскими татарами и ногаями из военного искусства турок-османов. Важное отличие от османской военной практики заключалось в том, что главным партнером пехотных подразделений в крымских и ногайских войсках являлись не панцирные кавалеристы-*сипахи*, а легковооруженные конные лучники.

Основной разновидностью боевого построения крымско-татарской армии в полевых сражениях был развернутый строй, состоящий пяти корпусов расположенных в три эшелона. Первую линию построения формировал двухчастный (реже четырехчастный) авангард-*мынкала/мангалай*, состоявший из *харавула* и *ертаула*. Вторую линию построения составляли *Улуг кул/Орта* (великий/центральный полк) и фланговые корпуса — *сол кол* (левый фланг), *он кол* (правый фланг). В третьем эшелоне находился резервный/засадный корпус — *кечка/буктырма*.

Местоположение того или иного родового/племенного отряда в строю (в центре, на флангах) было закреплено традицией. Для успешного выполнения маневра *тулгана* фланговые корпуса могли быть выдвинуты вперед, благодаря чему общепармейское построение напоминало по форме полумесяц («*хилля*»). При этом правый фланг (ударный при выполнении классической правофланговой *тулганы*) мог быть дополнительно усилен. Данный вариант боевого построения практически в точности соответствовал боевым порядкам тюркоязычных кочевников Восточного Дашт-и Кипчак того же исторического периода и восходил к военной практике номадов развитого Средневековья.

В конце XV — первой половине XVI вв. крымские ханы модернизировали данный вариант боевого построения по примеру османской тактики «*Дестур-и Руми*». Ключевым нововведением стало усиление центрального корпуса отрядами пеших ружейных стрелков, артиллерийскими батареями и тележным *вагенбургом* «*зарбузан арабалары*». Наличие усиленного центра повышало устойчивость крымско-татарских войск при ведении оборонительного сражения. Интенсивный огонь *тюфенчи* и артиллерии позволял отразить вражескую атаку и давал крымской коннице возможность перегруппироваться и нанести ответный удар. При атаке оборонительных позиций противника ружейные стрелки и артиллеристы выдвигались вперед, а конница формировала фланги и вторую линию боевого построения. Охрана тылов поручалась *секбанам* и легким кавалерийским отрядам.

В менее масштабных сражениях использовались более простые варианты боевых построений. Так, например, авангард мог быть односторонним, а резерв вливался в состав центрального корпуса.

Управление войсками в бою осуществлялось с помощью визуальных и звуковых сигналов. Важнейшим ориентиром для сражающихся были большие и малые знамена (бунчуки-«*туг*» и флаги-«*санджак*»), а также копейные значки командиров отрядов. Сигналами являлись звуки военной музыки (в основном, ударных и духовых инструментов), а также военные кличи и пароли («*ураны*» и «*сурены*»). На уровне подразделений управление осуществлялось с помощью устных приказов, а также особых знаков, подаваемых рукой или плетью командира подразделения. Данный способ управления кавалерийскими войсками

был достаточно эффективен и восходил к военной практике кочевников периода развитого Средневековья.

Сильными сторонами крымско-татарского тактического искусства было быстрое развертывание войск на поле сражения, организация преследования отступающего противника и отвод собственных войск в случае поражения. Эффективность данных приемов была обусловлена многочисленным и достаточно качественным конным парком (что позволяло совершать все передвижения на максимальных скоростях), а также высоким уровнем дисциплины. При отводе войск тылы крымской армии прикрывали особые подразделения «резвых людей», которые «травились» с преследователями, задерживая их продвижение, пока другие кочевники стремительно уходили из под удара. Если настойчивый противник продолжал преследование, то армия кочевников «таяла», распадаясь на десятки и сотни малых отрядов, каждый из которых уходил от погони самостоятельно. В результате настичь и уничтожить главные силы отступающей ордынской конницы в степной местности было практически невозможно. По тем же причинам татарские всадники могли очень долго и упорно преследовать бегущего противника. Иногда такая погоня могла продолжаться несколько дней и даже недель. Главным способом защиты от преследующей крымской конницы был тележный табор (*вагенбург*), захват которого представлял собой трудновыполнимую боевую задачу для легких ордынских лучников.

Собранные материалы позволяют выделить три основных этапа в эволюции тактического искусства крымских татар и ногаев рассматриваемого исторического периода.

Первый этап может быть локализован концом XV — первой половиной XVI вв. В начале данного периода в военном искусстве крымских татар произошли важные структурные изменения. Во-первых, окончательно сформировалась классическая «татарско-ногайская» тактика ведения кавалерийского сражения, основанная на тотальном доминировании легкой лучной конницы при минимизации значения ближней рукопашной схватки. Во-вторых, была реформирована гвардия крымских ханов, в состав которой были включены османские воинские контингенты, в том числе отряды ружейных стрелков и артиллерия. Это в свою очередь позволило принципиальным образом

трансформировать традиционную ордынскую тактику ведения полевого боя. Теперь главным партнером легкой конницы становятся отряды пеших пищальников-*тюфенкчи*, опирающиеся на тележный пушечный *вагенбург* османского образца. Обновленная тактическая схема хорошо зарекомендовала себя в ходе военных кампаний против кочевников Большой Орды, ногаев, черкесов и позволила

«Татарин»

Рисунка Альбрехта Дюрера (?),
первая треть XVI в.

крымским татарам одержать ряд важных побед (1502 г., 1546 г., 1548–1549 гг. и др.). Однако она оказалась не слишком эффективна против армий оседло-земледельческих народов, широко использующих артиллерию и огнестрельную пехоту. Кроме того, тяжелый *вагенбург* существенно замедлял движение крымско-татарской армии, лишая стремительную ордынскую конницу ее важнейшего оперативного преимущества. Стремясь разрешить возникшее организационно-логистическое противоречие, крымские военачальники инициировали новую волну военных преобразований.

Военные реформы конца XV — первой половины XVI вв., в результате которых была развита пехотная тактика, связаны с именами трех татарских правителей данного периода: Менгли-Гирея I (1466–1467, 1469–1474, 1478–1515), при котором в войсках Крымского ханства появились пушки, ружейные стрелки и *вагенбурги*, Саадет-Гирея I (1523–1532), во время правления которого значительно увеличилась численность османского корпуса *капыкулу* на территории полуострова, и резко возросла тактическая роль янычар, и Сахиб-Гирея I (1532–1551) — создателя корпуса крымских *секбанов*. Все эти правители были теснейшим образом связаны с представителями политической элиты Османской Турции, а Саадет-Гирей и Сахиб-Гирей лично подолгу жили в Стамбуле. Крымские военные реформы были проведены при поддержке Турции на основе передового османского опыта, под присмотром османских офицеров и благодаря военным поставкам с ее территории.

Что касается ногайской тактики конца XV — первой половины XVI вв., то она была почти исключительно кавалерийской. При этом ногаи использовали те же тактические приемы боя в конном строю, что и татары: «*хоровод*», «*тулгاما*», притворное бегство и др. Пехотная тактика не была распространена в ногайских войсках данного периода.

Главным содержанием второго этапа эволюции крымско-татарского военного искусства (вторая половина XVI — середина XVII вв.) стали попытки крымского командования найти оптимальный баланс кавалерийской и пехотной тактики ведения боя. Однако попытки ускорить продвижение *вагенбурга*, заменив волов на верблюдов или лошадей, а тяжелые четырехколесные телеги — на арбы-двуколки, принципиально не изменили ситуацию. «*Зарбузан арабалары*» по-прежнему продвигался значительно медленнее кавалерийских подразделений. По этой причине действующую армию стали разделять на два эшелона. Первый состоял из конницы, а основу второго формировал *вагенбург*. Но и это решение не оказалось весьма удачным, и татары претерпели ряд чувствительных поражений. В конечном счете выбор был сделан в пользу кавалерийской тактики и соответствующей военной стратегии. Начиная со второй половины XVI в. *вагенбург* в ходе боевых действий за пределами крымских владений стал применяться татарами все реже. Ружейные стрелки передвигались на конях и спешивались только перед самым боевым столкновением. Парк полевой артиллерии в большинстве походов ограничивался легкими малокалиберными орудиями, перевозимыми на лошадях.

Серьезной проблемой крымско-татарской армии на втором этапе военных преобразований стала малочисленность ее огнестрельных подразделений. Несмотря на то, что к османским янычарам добавлялись все новые и новые отряды крымских *секбанов*, общая численность корпуса ружейных стрелков увеличилась крайне незначительно. В условиях отсутствия пушечного *вагенбурга* крымцы все сильнее проигрывали в огневой мощи своим оседлым соседям, которые последовательно умножали численность пехотных и кавалерийских огнестрельных подразделений и расширяли собственный артиллерийский парк. Временным компромиссным решением стало привлечение в качестве огневой поддержки отрядов вассалов и союзников. Во второй половине периода в данной роли, как правило, выступали запорожские пехотинцы и таборы украинских казаков.

Определенные изменения произошли и в кавалерийской тактике крымских татар. Благодаря увеличению числа сабельщиков в войсках несколько повысилась (хотя и не очень существенно) устойчивость ордынцев в рукопашной схватке (1646 г., 1657 г., 1659 г. и др.). Вследствие все более активного применения огнестрельного оружия потенциал «хороводов» конных лучников и дистанционного боя на малой дистанции сократился. Зато пропорционально возросло значение лучной стрельбы на средней и максимальной дистанции и соответствующих им тактических приемов («тулгана», цепи конных лучников и др.). Увеличение дистанции стрельбы снижало ее поражающий эффект, однако позволяло крымским татарам противостоять кавалерии оседло-земледельческих народов в полевых сражениях.

Второй этап эволюции ногайского военного искусства ознаменовался появлением в войсках ордынцев отрядов ружейных стрелков, дополнивших традиционное конное ополчение ногайских племен. Для усиления позиций пищальников ордынские полководцы стали использовать стационарные и передвижные полевые укрепления — окопы и «тележные городки».

К моменту ойратского нашествия военное искусство крымских татар и ногаев представляло собой региональный вариант Позднетюркской военно-культурной традиции, доминировавшей в XVI в. на просторах Дашт-и Кипчак от причерноморских степей до Центрального Казахстана. На полях сражений господствовала легкая лучная конница, опиравшаяся на отряды ружейных стрелков, укрывающихся в окопах и *вагенбургах*. Идея огнестрельной пехоты была заимствована степными полководцами из военной практики оседлых государств Западноазиатской военно-культурной традиции. Однако в отличие от османских янычар отряды ногайских и крымских *тюфенкчи* были слишком малочисленны, чтобы эффективно противостоять все возрастающей огневой мощи армий оседло-земледельческих государств, а также новой военной угрозе, надвигающейся на земли тюркских кочевников с Востока.

Прямое столкновение номадов Восточной Европы и Центральной Азии в ходе ойратского нашествия первой половины XVII в. в очередной раз продемонстрировало превосходство азиатского военного искусства. Легкая лучная конница ногаев и крымских татар не могла

противостоять в полевом сражении «копийным и куяшным» калмыкам. Намного более успешно действовали крымские и ногайские ружейные стрелки. Однако и они (в силу своей малочисленности) могли эффективно противодействовать ойратам лишь в ходе боев на пересеченной горной местности. Степные войны первой половины — середины XVII в. констатировали кризис позднетюркской военной системы и необходимость новой волны военных реформ.

Начало третьего этапа эволюции военного дела крымских татар и ногаев может быть соотнесено с преобразованиями Мехмед-Гирея начала 60-х гг. XVII в. Подражая ойратам, крымско-татарские полководцы стали целенаправленно снабжать своих воинов длиннодревковым оружием — кавалерийскими копьями и пиками. Одновременно осуществлялись закупки защитного вооружения у народов Северного Кавказа. Данные меры позволили повысить устойчивость татарской и ногайской конницы в ближнем и дистанционном бою. По мере того, как кавалерийские отряды довооружались копьями и панцирями, формировались новые подразделения огнестрельной пехоты из числа оседлого населения Крымского полуострова, велось активное строительство новых фортификационных укреплений (в основном в районе Перекопа). Вернули свою былую популярность и *вагенбург*. Использование «тележных городков», «таборов» и «тележных крепостей» превратилось у ногаев в типичный и весьма эффективный способ защиты от атак калмыцкой конницы. В среднесрочной перспективе меры, направленные на усиление обеспеченности войск огнестрельным оружием, привели к созданию на полуострове собственного ружейного производства.

Подводя итог исследования, необходимо отметить, что эволюция военного искусства крымских татар и ногаев конца XV — середины XVII вв. представляет собой яркий пример попытки адаптации традиционной кочевой военной системы к новым условиям эпохи «Пороховой революции». Ключевую роль в реформировании крымско-татарских вооруженных сил рассматриваемого периода сыграла Османская Турция, без помощи которой масштабное переоснащение войск ханства инновационными видами вооружения было бы просто невозможно. Начальный этап преобразований был проведен достаточно успешно. Ставка на легкую мобильную лучную конницу

на фоне сокращения панцирных подразделений (т.е. фактический отказ от тактической идеи прорыва в пользу идеи охвата) позволила крымским татарам достаточно эффективно противостоять кавалерии оседло-земледельческих народов в полевых сражениях. С другой стороны, наличие в татарских войсках отрядов ружейных стрелков, артиллерии и *вагенбургов* помогало крымцам бороться с войсками других тюркских кочевников и народов Северного Кавказа, не имевших огнестрельного оружия. Используя слабости своих противников, крымские войска вели в целом успешные военные кампании

«Татарин»

Работа мастера школы Фредерико Зукано, 1557–1609 гг.

против всех своих геополитических конкурентов. Созданная военная система, опирающаяся на помощь со стороны Османской Турции, оказалась достаточно устойчивой и способной к быстрой реанимации даже после серьезных военных поражений (как, например, после ногайского нашествия 1522–1523 гг.). Таким образом, можно утверждать, что крымское военное искусство достаточно удачно подстроилось под новую военно-политическую реальность региона. Данный факт оказал значительное влияние на усиление позиций Крымского ханства в Восточной Европе в конце XV — середине XVI вв. Однако со временем кризисные явления стали проявляться все в большей степени. Не имея собственной развитой оружейной промышленности, Крымское ханство не могло оперативно и своевременно обновлять и пополнять свои армейские арсеналы, постоянно обеспечивая действующие войска огнестрельным оружием и боеприпасами так, как это делали оседло-земледельческие государства. Низкая прорывная способность и слабая устойчивость

крымской армии в дистанционном и особенно ближнем бою становилась все более серьезной проблемой. В условиях продолжающейся «Пороховой революции» крымские полководцы все чаще нуждались в пехотных отрядах вассалов, сюзеренов и союзников, использующих огнестрельное оружие. Все слабости крымско-татарской военной системы обнажило ойратское (калмыцкое) нашествие первой половины — середины XVII в. Ногайская и крымская конница оказалась слишком легкой и плохо вооруженной, чтобы противостоять «копийным и куюшным» калмыкам, а крымские и ногайские *тюфенки* слишком малочисленными, чтобы остановить конный ойратский «напуск» в полевом сражении. Экстренные военные реформы второй половины XVII в. укрепили татарскую армию, но не решили ее основных проблем³⁸¹. Крымским преобразованиям явно не хватало глубины и масштаба. В отличие от джунгар того же периода крымские татары не сумели превратить «огненный бой» в ключевой элемент своего тактического искусства. Однако даже такие запоздалые и половинчатые реформы позволили крымским татарам еще на протяжении около 100 лет оставаться влиятельной военной силой в Восточноевропейском регионе.

Ссылки

¹Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. — Ростов-на-Дону, 1989. — С. 139–143.

²Там же. — С. 140–142.

³Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркский сборник: 2002. Россия и тюркский мир. — М., 2003. — С. 210–228.

⁴Там же. — С. 225.

⁵Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань, 2001. — С. 391–421.

⁶Там же. — С. 403, 406.

⁷Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. — М., 2002. — С. 578–583; Трепавлов В. В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. — М., 2013. — С. 167–172.

⁸Хабибуллин А. Н. К вопросу о типологии оборонительных сооружений Крымского ханства XV–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. — Казань, 2009. — С. 189–207.

⁹Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. // Восток (Oriens). — 2010. — № 2. — С. 56–66.

¹⁰Там же. — С. 58, 59.

¹¹Там же. — С. 62.

¹²Там же. — С. 60.

¹³ Пенской В. В. Сражение при Судьбищах 3–4 июля 1555 г. — эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости. — 2009. — № 7 (62). — С. 87–95; Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣинства своего». Стояние на Оке в 1541 г. // Военно-исторический журнал. — 2011. — № 12. — С. 41–47; Пенской В. В. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. II. — С. 127–236. <http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoj_1> (23.08.2012).

¹⁴ Brian Glyn Williams. The Sultans Raiders. The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. — Washington, 2013; Вильямс Б. Г. Татарские воины на службе османского султана // Золотоордынская цивилизация. — Казань, 2015. — № 8. — С. 379–391.

¹⁵ Сейдалиев Э. И. Военное дело кочевников Северного Причерноморья в IX–XIII вв. и Крымского ханства: сравнительный анализ на основании письменных источников // Золотоордынская цивилизация. — Казань, 2015. — № 8. — С. 166–190.

¹⁶ Бобров Л. А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII — первой половины XIX вв. // Parabellum novum: Военно-исторический журнал. — 2014. — № 2. — С. 115–147; Бобров Л. А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 — январь 1663 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, — 2014. — № 6. — С. 239–249; Бобров Л. А. Калмыцкая конница в Русско-Польской войне 1654–1667 гг.: вооружение, тактика, военная стратегия // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. (Матеріали першої Української міжнародної оружеведчої науково-практичної конференції). — Киев, 2014. — С. 47–63; Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины-середины XVII в. // «Золотоордынская цивилизация». — Казань, 2015. — № 8. — С. 357–378.

¹⁷ Зайцев И. В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. — 2003. — № 2 (13). — С. 86–93.

¹⁸ Прокопенко В. М. Крымские татары в европейской миниатюре

XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] // Kitab хона. <http://www.kitabhona.org.ua/lib_izo/tatareurmin.html> (06.10.2012).

¹⁹Подробнее о «Пороховой революции» см.: Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. — М., 2010. — С. 2–448.

²⁰Военная организация — составная часть военного искусства, включающая систему комплектования, управления армией, боевую подготовку и систему обеспечения войск.

²¹Комплекс вооружения — составная часть военного искусства, включающая оружие нападения (дистанционного и ближнего боя), а также защитное вооружение (доспех). Исследование комплекса вооружения тесно связано с изучением технологических и военно-экономических аспектов обеспечения войск оружием и доспехами.

²²Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 58, 59, 61.

²³Гайворонский О. Повелители двух материков. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. — Киев, Бахчисарай, 2007. — Т. I. — С. 157, 188, 190, 191, 340.

²⁴По некоторым данным, при калге Шахин-Гирее в 1624 г. находился гвардейский отряд, составленный из «кызылбашей», который якобы насчитывал до 2 тыс. воинов. Этот отряд принял участие в знаменитой битве под Кафой в 1624 г. и в дальнейшем оставался при Шахин-Гирее вплоть до его бегства с полуострова (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М. — Л., 1948. — С. 111, 116); Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 92. Наиболее вероятно, что данное подразделение было укомплектовано не столько иранцами, сколько воинами союзных Ирану народов Северного Кавказа.

²⁵Там же. — С. 189–192.

²⁶Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 203.

²⁷Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1867. — Т. 6. — С. 362–364.

²⁸Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 109, 391.

²⁹Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Киев, 1890. — Вып. I. (XVI ст.). — С. 17; Броневский М. Описание Крыма... — С. 361, 365, 366.

³⁰Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 168.

³¹Там же. — С. 198.

³²Герберштейн С. Московия. — М., 2007. — С. 267, 268.

³³Михалон Литвин — псевдоним, под которым историки склонны видеть посланца короля Сигизмунда I в Крымское ханство Михаила Тишковича (Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян... — С. 4, 5) или участника посольства в Крым в 1542–1543, 1554 гг. Венцеслава Миколаевича (Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современных иностранцев. — М., 2000. — С. 226).

³⁴Возможно, за «пустые ножны» М. Литвин принял колчаны для дротиков («джид»), которые внешне действительно могли напоминать широкие «пустые ножны».

³⁵Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян... — С. 11, 12, 24.

³⁶Бобров Л. А. Комплекс вооружения крымских татар ногаев конца XV–XVII вв. по материалам письменных и изобразительных источников // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. — 2016 (в печати).

³⁷Броневский М. Описание Крыма... — С. 364–367.

³⁸По всей видимости, имеется в виду особый вид длиннодревкового оружия, известный в русском языке XVI–XVII вв. под названием «рогатина». Отличительной особенностью рогатины был наконечник с широким листовидным пером, насаженный на относительно короткое массивное древко.

³⁹Флетчер Д. О государстве русском. Проезжая по Московии. — М., 1991. — С. 91, 109, 110.

⁴⁰Московское государство XV–XVII вв... — С. 85, 234–236.

⁴¹Олеарий А. Описание путешествия в Московию. — Смоленск, 2003. — С. 349.

⁴²Боплан Г. Описание Украины. — М., 2004. — С. 219, 221.

⁴³План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. — СПб., 1891. — С. 74, 79.

⁴⁴Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины. — М., 1961. — Вып. 1. — С. 220, 221.

⁴⁵Там же. — С. 225.

⁴⁶Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). — Симферополь, 2008. — С. 27, 101.

⁴⁷Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.) — М., 1979. — Вып. № 2. — С. 52.

⁴⁸Там же. — С. 54.

⁴⁹Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 39, 99.

⁵⁰Там же. — С. 100.

⁵¹Необходимо подчеркнуть, что приведенные сообщения авторов XVI–XVII вв. не являются типовыми клишированными описаниями кочевников («степных азиатских варваров») вообще, а отображают особенности военного дела тюркских номадов Восточной Европы рассматриваемого периода. Характерно в этой связи, что в тот момент, когда в регионе появились ойратские кочевники, использующие иной комплекс вооружения и тактику ведения боя русские, европейские и османские авторы независимо друг от друга, тут же зафиксировали данную особенность военного искусства пришельцев. При этом особое внимание было уделено массовому использованию ойратами (калмыками) копий и панцирей-куяков, что было крайне нетипично для крымских татар и ногаев (Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 368–370). Особую ценность сообщениям авторов XVI–XVII вв. придает факт, что некоторые из них (М. Литвин, М. Броневский, Э. Челеби) лично посещали Крым. Причем М. Литвин мог наблюдать внешний вид татарских войск, выступающих в поход, М. Броневский уточнял собственные впечатления, беседуя со «многими достойными веры христианами, которые часто следовали за Ханом в его походах, а также с «...пленными и нашими дворянами, нередко видевших его войска», а Эвлия Челеби даже сам принимал участие в военных кампаниях крымского правителя. Г. Л. Боплан долгое время служил на Украине, будучи офицером польской армии, и мог детально ознакомиться с военным делом татар в ходе бесед со своими сослуживцами. Что касается С. Герберштейна, Д. Флетчера, Ж. Маржерета, Ю. Крижанича, то они хотя и не видели армию татар в ходе боевых действий, но детально расспрашивали о них

своих русских и польских собеседников, что позволило им собрать и систематизировать весьма ценные сведения о вооружении и тактике кочевников, достоверность и оригинальность которых не вызывает сомнения у исследователей (Герберштейн С. Московия... — С. 34, 267; Горелик М. В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С. 156, 157). Все эти факты позволяют отнести к указанным сообщениям авторов XVI–XVII вв. с высокой степенью доверия.

⁵² Московское государство XV–XVII вв... — Москва, 2000. — С. 85; Боплан Г. Описание Украины... — С. 219; Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 54; Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 102.

⁵³ Санин Г. А. Отношения России и Украины с крымским ханством в середине XVII века. — М., 1987. — С. 223.

⁵⁴ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 322.

⁵⁵ Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не ставали они ни где и биться с ними не умеют»... — С. 374.

⁵⁶ Несмотря на некоторую стилизацию, османская книжная миниатюра XVI в. является важным источником для изучения костюма и комплекса вооружения воинов Османской империи. Большинство интересующих нас иллюстраций относится к произведениям, воспевающим военную и политическую деятельность турецких правителей. Миниатюры создавались вскоре после изображаемых событий и фиксировали внешний вид реальных исторических персонажей (в том числе близких родственников здравствующего правителя), поэтому поле для фантазии художника было предельно сужено. Сопоставление подлинных образцов одежды и вооружения османских воинов с их изображениями показало высокую степень достоверности рисунков и позволило привлекать книжные миниатюры для реконструкции внешнего вида турецких янычар, *секбанов*, *сипахов* XVI в. (Николле Д. Янычары. — М., 2004. — С. 3, 15–17, 19, 23, 28, 30, 37–44, 53, 54, 57, 62, 63, 65, 66, 70). Образцом изображения татар на османских книжных миниатюрах могли послужить как внешний вид кочевников посещавших Стамбул, так и описания вооружения и костюма татар, сделанные османскими офицерам, лично наблюдавшими номадов в ходе боевых

действий. Некоторые изображения татарских правителей в османских книгах трактуются современными исследователями как портреты (Зайцев, — 2003. — С. 87, 88, 90, 92 (Зайцев И. В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. — 2003. — № 2 (13). — С. 87, 88, 90, 92). Не исключено, что основой для некоторых миниатюр могли послужить рисунки, выполненные с натуры. Что касается европейской графики и живописи, то данные произведения по степени достоверности в передаче деталей можно разделить на три основные группы. К первой относятся рисунки (и изготовленные на их основе гравюры), выполненные с натуры. Так, например, известно, что А. Олеарий лично выполнял рисунки к своей книге, используя при этом как графические наброски, сделанные во время поездки, так и «модели, одетые в национальные костюмы», которые были привезены из путешествия. Для того чтобы воспроизвести изображения максимально точно, Олеарий привлек к работе трех высокооплачиваемых граверов (Олеарий А. Описание путешествия в Московию... — С. 15). Ко второй группе относятся произведения, выполненные профессиональными художниками и граверами на основе оригинальных рисунков и подробных описаний современников, имевших возможность наблюдать татар лично (работы А. Брюина, Ж. Тибо, Я. Сандрарта и др.). К третьей группе относятся стилизованные изображения, иллюстрирующие личные представления художника о татарах (как правило, при данном подходе татары предстают либо как дикие «азиатские варвары», либо, напротив, как тип османских воинов, т.е. в чалмах, с щитами-тарчами и т.д.). В настоящей работе анализируются европейские рисунки и гравюры, относящиеся только к первым двум категориям изобразительных памятников. Сопоставление данных произведений с вещественными и письменными материалами, а также османскими книжными миниатюрами позволяет сделать вывод об их высокой ценности как изобразительных источников по теме настоящего исследования.

⁵⁷ Не исключено, что на миниатюре изображены османские сипахи из состава гвардейского корпуса крымского хана.

⁵⁸ Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. — М., 2002; Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников

Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. — Астана, 2013. — С. 18, 19, 23.

⁵⁹Контарини А. Путешествие Амвросия Контарини посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России XV–XVI в. — СПб., 1836. — С. 98.

⁶⁰Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 157.

⁶¹Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 23.

⁶²Даже в середине XVII в. оружейное производство на территории Крыма не получило всестороннего развития. Посещавший полуостров в этот период османский путешественник Эвлия Челеби, детально описав ремесленные мастерские различных регионов Крыма, среди оружейников упомянул лишь специалистов по производству саадаков: «Народ здесь [в селении Яйшили] зовется яйшили, то есть «лучники», потому что с удивительным мастерством они делают татарские луки... Основным славным ремеслом людей этого города [Бахчисарая] является изготовление седел для коней, татарских колчанов, плетей и стрел, отделанных пером коршуна» (Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 47, 113). Сколько-нибудь массового панцирного производства на полуострове, по всей видимости, в этот период не было, а торговля доспехами имела ограниченное распространение. Описывая лавки столичного Бахчисарайского рынка, Челеби особо подчеркнул, что «...бронников там нет» (Там же. — С. 107). Когда Мухаммед-Гирею в 1661 г. потребовалось за короткий срок изготовить несколько тысяч копейных наконечников, он был вынужден обратиться к горским черкесам (Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 370).

⁶³При ведении навесной стрельбы крымцы посылали стрелы на расстояние, вдвое превышавшее дальность стрельбы гладкоствольных ружей XVII в. (Боплан Г. Описание Украины... — С. 245).

⁶⁴Судя по данным вещественных, изобразительных и письменных источников, оружейный комплекс крымских татар XVI–XVII вв. представлял собой региональный вариант Западноазиатской военно-культурной традиции, доминировавшей в Мусульманском мире и (до начала XVII в.) в Московском государстве. На вооружении

крымско-татарской знати находились кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири, зеркальные доспехи, шлемы, миссюрки, наручи, набедренники и щиты османского, иранского, северокавказского и московского производства. Некоторые представители ордынской аристократии прикрывали броней и своих боевых коней, что нашло отображение как в изобразительных (рис. 7, 11), так и в письменных источниках. Например, в 1572 г. Дивей-мурзой выехал на рекогносцировку верхом на «аргамак нарядна в доспехе» (Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 172). Дружинники и гвардейцы приобретали вооружение за собственный счет или получали его от своих сюзеренов. Основной разновидностью корпусных панцирей гвардейцев, дружинников и наиболее состоятельных ополченцев были кольчуги и стеганые «тягеляи», изготовленные османскими или северокавказскими мастерами. Некоторое количество вооружения поступало в Крым из Турции в качестве султанских «подарков» и «жалованья». Так, например, перед походом на Астрахань в 1568 г. хану были присланы 70 «доспехов» и 70 «шеломов», а также 300 «портищ» «бархата, камок и атласов золотых на тягиляи татарам». Тогда же Касим-паша передал хану в качестве «жалованья» для его воинов 1 тыс. тягеляев и еще столько же крымцы должны были купить в г. Гезлеве. Главным оружием военной элиты ханства были саадаки и сабли. Реже применялись боевые топоры, булавы, кистени и дротики. Длинными ударными пиками и копьями были вооружены лишь отдельные панцирники и воины элитных ударных подразделений (рис. 13).

⁶⁵ Необходимо отметить, что сокращение числа конных копейщиков было общей тенденцией для армий большинства государств Европы и Западной Азии второй половины XVI — первой половины XVII вв. (Бобров Л. А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков... — С. 115–116). Что же касается ногаев, то их комплекс вооружения был схож с крымско-татарским, с той лишь разницей, что доспехи и длинноклинковое в войсках Большой Ногайской орды имели еще меньшее распространение, чем в крымских армиях, а ударные пики и вовсе вышли из широкого военного обихода. Главным оружием ногайских всадников были лук и стрелы. Известное распространение имели дротики. В случае ближнего боя применялись дубины, ножи, боевые топоры и только самые богатые воины сражались саблями.

Кольчатые панцири московского, северокавказского и османского производства носили преимущественно представители ногайской знати (Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 368). Дефицит защитного вооружения вынуждал ногайских мирз регулярно обращаться к московским царям и крымским ханам с просьбой прислать «пансырь добрый», «тягилай бархатный» и т.д. (Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 170).

⁶⁶ Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении... — С. 215, 216.

⁶⁷ Бобров Л. А. Калмыцкая конница в Русско-Польской войне... — С. 47–63; Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 357–378.

⁶⁸ Специфика «хоровода» заключается в том, что он представляет собой как разновидность построения войск номадов, так и особый тактический прием, предназначенный для ведения дистанционного боя.

⁶⁹ Горелик М. В. Степной бой... — С. 156, 157.

⁷⁰ Там же. — С. 256; Марко Поло. Книга о разнообразии мира. — М., 2005. — С. 256.

⁷¹ Горелик М. В. Степной бой... — С. 157, 158.

⁷² Горелик М. В. Армии монголо-татар... — С. 30.

⁷³ Герберштейн С. Московия... — С. 168.

⁷⁴ Бабур-наме. Записки Бабура. — Ташкент, 1993. — С. 107.

⁷⁵ Селиверстов Д. А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. — Казань, 2011. — С. 191, 192.

⁷⁶ Горелик М. В. Степной бой... — С. 155–158.

⁷⁷ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. — Новосибирск, 1997. — С. 124, 126.

⁷⁸ Марко Поло. Книга о разнообразии мира... — С. 193.

⁷⁹ Герберштейн С. Московия... — С. 168.

⁸⁰ Там же. — С. 268.

⁸¹ Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении... — С. 216.

⁸² Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. — СПб., 2013. — Ч. I. — С. 237, 254.

⁸³ Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 372.

⁸⁴ Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. — М., 1965. — С. 107; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алматы, 1992. — С. 344; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государство и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. — СПб., 2000. — С. 263.

⁸⁵ Так, например, некоторые авторы определяют его как «таранный» (?) удар, сокрушающий фланг противника.

⁸⁶ Бабур-наме. Записки Бабура... — С. 107.

⁸⁷ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 237–241, 251–253.

⁸⁸ Бобров Л. А., Сальников А. В. Тактический прием «тулгама» в военном искусстве монголов XIII в. // Былые годы. — 2015. — № 4. — С. 786–797.

⁸⁹ Для стрельбы по противнику, находящемуся справа, конному лучнику пришлось бы удерживать лук правой рукой или изгибать корпус, оттягивая тетиву лишь до груди, а не до щеки или до уха.

⁹⁰ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян... — С. 12.

⁹¹ Санин Г. А. Отношения России и Украины с крымским ханством... — С. 167, 168.

⁹² Бобров Л. А., Сальников А. В. Тактический прием «тулгама»... — С. 790, 791.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Бабулин И. Б. Битва под Конотопом 28 июня 1659 года. — М., 2009. — С. 25–28.

⁹⁵ Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 97–99, 139.

⁹⁶ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 224, 225.

⁹⁷ Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 163–167.

⁹⁸ Бобров Л. А., Сальников А. В. Тактический прием «тулгама»... — С. 786–797.

⁹⁹ Бабур-наме. Записки Бабура... — С. 107.

¹⁰⁰ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 226, 227.

¹⁰¹ Бабулин И. Б. Битва под Конотопом... — С. 21–23.

¹⁰² Уже в первые десятилетия XVII в. русская конница начала активно вооружаться огнестрельным оружием — пистолетами, «езжими пищалями» и карабинами, которые постепенно вытесняли из военного обихода традиционные сложносоставные луки. Данный процесс был обусловлен несколькими причинами. Так, в частности, важную роль сыграло совершенствование кавалерийского огнестрельного оружия. Кроме того, боеприпасы к «езжим» пищалям были значительно дешевле и просты в изготовлении, чем стрелы, а процесс обучения стрельбе из ружей и пистолетов занимал существенно меньше времени, чем постижение основ искусства лучного боя (Курбатов О. А. «Оружность» русской конницы. 1630-х — начало 1650-х гг. // Цейхгауз. — 2006. — Вып. № 23. — С. 2). Однако не меньшее значение в переоснащении русских всадников сыграли потрясения эпохи «Смутного времени», оказавшие сильное влияние на вооружение, снаряжение и общую боеготовность традиционной дворянской конницы. По выражению О. А. Курбатова «Бедствия Смутного времени вкупе со стихийным перевооружением привели к забвению традиции «лучного боя», которому необходимо было обучаться и практиковаться с самого детства» (Там же). Таким образом, замена луков и стрел на пистолеты и карабины у русских всадников была не только осознанной необходимостью, но и, отчасти, вынужденной мерой, вызванной масштабным военно-политическим и экономическим кризисом начала XVII в. Снабженные огнестрельным оружием воины сотенной службы (а позднее, рейтары) достаточно хорошо зарекомендовали себя в ходе боевых столкновений с аналогичной польско-литовской кавалерией. Однако в конных сражениях с татарами, делавшими ставку на динамичный лучной бой на средней дистанции, новое кавалерийское оружие не давало русской коннице решающего преимущества. Боевая практика показала, что дальность стрельбы из пистолетов была слишком мала, чтобы эффективно противодействовать татарским лучникам, поэтому в 1637 г. воинам, несущим службу на Большой засечной черте было строго указано, чтобы «с одним пистолем однолично никак человек в полку не был», так как «... короткий бой к татарскому бою без карабинов худ и короток» (Там же). Выходом из ситуации стало компромиссное решение. С одной стороны, русское командование требовало, чтобы воины степного пограничья, наряду с пистолетами, обзаводились карабинами (имевшими большую

дальность стрельбы), а с другой — всячески поощряло использование в конном бою против кочевников старых добрых саадаков (но только теми всадниками, которые владели искусством лучного боя). Характерен в данной связи указ от 25 декабря 1648 г., в котором владимирским, суздальским, юрьево-польским, муромским и гороховецким помещикам было велено на следующий 1649 г. «...быти на государеве службе с приезде до отпуску, на добрых лошадях. И которые владеют лучною стрельбою, и тем быти с саадаки, да у них же быти по пистоле; а которые с саадаки не ездят, и у тех быти по карабину по доброму, да по два пистоли; а у служилые б люди были за ними с карабины ж или долгими пищалями» (Там же. — С. 4).

Неоднозначный результат дала практика применения против татар рейтарских полков. Дружные залпы рейтарской кавалерии могли отогнать летучие отряды кочевников, однако в динамичном конном бою сомкнутые построения рейтар, лишённые поддержки огнестрельной пехоты, были далеко не всегда эффективны против степных лучников. В сражении под Конотопом в 1659 г. рейтарский полк Фанстробеля «сумел повернуть фронт и дать залп из карабинов прямо в упор по атакующей татарской коннице. Однако это не смогло остановить ордынцев, и после короткого боя полк был истреблен» (Бабулин И. Б. Битва под Конотопом... — С. 21). В конном сражении у р. Березовка в 1663 г. рейтары были опрокинуты встречным ударом номадов (Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. Вооружение и военная организация. — Новосибирск, 2012. — С. 99). Весьма показательна ситуация с рейтарами Зауралья, главным противником которых была конница татарских и башкирских кочевников. Проведенная в 1667 г. П. И. Годуновым проверка показала, что сибирские рейтары со временем отказались от регулярного строя и стали вести бой «по-казацки», причем в сражениях с татарами «начальные люди и рейтары служили с саадаки», т. е. вместо карабинов и пистолетов, положенных им по регламенту, применяли луки и стрелы. На возмущенные вопросы Годунова о причине подобного поведения сибирские служилые прямо заявили воеводе, что «...рейтар татарина догнать в поле строем не успеет» (Там же. — С. 97). Интересно, что с мнением служилых был солидарен и Ю. Крижанич, много лет проживший в Сибири: «Латники и рейтары для нас

беспольны, ибо [они] медлительны, и татары их легко побеждают... А особенно новым и полезным против татар был бы строй, в котором конник носил бы мушкет, лук и стрелы и секирку вместо меча» (Там же. — С. 98). Слова Крижанича в значительной степени оказались пророческими. Во второй половине XVII-начале XVIII вв. Сибирь пережила «ренессанс» конного лучного боя, который в этот период активно практиковали не только юртовские татары и новокрещены, но и русские служилые люди (Там же. — С. 49–51). В степях Восточной Европы конный лучной бой также оказался весьма востребован. В российской коннице середины — второй половины XVII в. его активно применяли калмыки, служилые татары, казаки и др. В этот период именно иррегулярная конница представляла особую опасность для татар в динамичном кавалерийском степном сражении. Легкие лучники и копейщики могли не только отбить нападение ордынцев, но и стремительной контратакой сорвать сам маневр *тулгана* и вести активное преследование отступающих татар и ногаев. Что касается рейтар, то они в боях с кочевниками были наиболее активны при ведении боя от обороны при взаимодействии с драгунскими, пехотными и артиллерийскими подразделениями.

¹⁰³ Бобров Л. А., Рюшин М. А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 357–378.

¹⁰⁴ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 239–241, 254, 255.

¹⁰⁵ Бобров Л. А. «Воронья стая» над Крымом... — С. 239–249; Бобров Л. А. Калмыцкая конница в Русско-Польской войне... — С. 47–63.

¹⁰⁶ Бобров Л. А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков... — С. 113–126.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Горелик М. В. Степной бой...; Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 16, 17.

¹⁰⁹ В этом случае в засаду помещалась основная часть войск кочевников, а малый отряд (авангард) провоцировал нападение противника, подводя его под удар главных сил степняков (Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 242, 243).

¹¹⁰ Герберштейн С. Московия... — С. 168.

¹¹¹ Литвин М. О нравах татар, литовцев и московитян... — С. 12.

¹¹² Боплан Г. Описание Украины... — С. 251.

¹¹³Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 244, 245.

¹¹⁴Броневский М. Описание Крыма... — С. 365.

¹¹⁵Флетчер Д. О государстве русском... — 194, 105.

¹¹⁶Бабулин И. Б. Битва под Конотопом... — С. 29.

¹¹⁷Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмидио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 // Записки Императорского Одесского Общества. — Одесса, 1902. — Т. 14. — С. 60.

¹¹⁸Бабулин И. Б. Битва под Конотопом... — С. 19–23.

¹¹⁹Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 87, 88.

¹²⁰План завоевания Крыма... — С. 78.

¹²¹Бобров Л. А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков... — С. 121.

¹²²Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 242, 243.

¹²³Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 10.

¹²⁴Боплан Г. Описание Украины... — С. 245.

¹²⁵Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 10.

¹²⁶План завоевания Крыма... — С. 78.

¹²⁷Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 10.

¹²⁸Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 406, 419.

¹²⁹Там же. — С. 10, 11.

¹³⁰Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. — М., 2011. — Вып. № 2. — С. 75–77.

¹³¹Московское государство XV–XVII вв... — С. 85.

¹³²Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 357–378; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... — СПб, 2008.

¹³³В этой связи интересен пример боя, произошедшего в Бруслановском стане (у г. Ельца) 23 мая 1631 г. В мае к р. Мече

подошел отряд странно одетых и вооруженных «татар», насчитывавший 800 (по другим данным около 600) всадников. Согласно сообщением елецкого полкового казака, бежавшего из плена, все воины в данном «татарском» отряде были «...люди нарядные, в шапках мишюрках и в наручах, и кони все добрые». От этого отряда отделилась группа из 300 всадников, которая двинулась на территорию Елецкого уезда. Им «напереем» из г. Ельца были брошены сотни товарища воеводы В. Тарбеева. 23 мая 1631 г. служилые люди под командованием казачьего головы Л. Кисленского атаковали «татар», стремясь навязать им рукопашную. Однако те, вопреки обычной практике, не бросились врассыпную, а приняли «съмный» бой. Ожесточенная сабельная рубка продолжалась с полудня до заката. При этом были убиты как сам Л. Кисленский, так и его брат, а часть служилых попала в плен. «Татары» же потеряли только 10 чел. Их отрубленные головы казаки привезли в Елец (Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 207). Вопрос о том, с какими панцирниками сошлись в данном бою русские служилые, остается открытым. Известно, что в майском набеге 1631 г. участвовали преимущественно азовцы и малые ногаи (казыевцы). «Вожами» похода были «азовские аги» (Там же. — С. 298, 209). Это позволяет предположить, что ельцовские казаки столкнулись с неким отборным корпусом, составленным из азовских и ногайских воинов, оснащенных оружием из арсеналов Азова. Однако более вероятно, что казаки вступили в бой с отрядом черкесов («горских» или «темрюцких черкасов»), которые периодически присоединялись к татарским набегам на Московское государство (Там же. — С. 337, 380). Это объясняет как одоспешенность участников набег (миссюрки, наручи), их «нарядный» внешний вид, «добрых коней», так и способность к длительному сабельному бою.

¹³⁴ Герберштейн С. Московия... — С. 268.

¹³⁵ Пилипчук Я. В. Татарская политика Казимира IV, 1480–1492 // Золотоордынская цивилизация. — 2015. — Вып. № 8. — С. 318, 319.

¹³⁶ Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 92, 93.

¹³⁷ Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 168.

¹³⁸ Там же. — С. 174, 175.

¹³⁹ Бабулин И. Б. Битва под Конотопом... — С. 22, 23.

¹⁴⁰ Малов А. В. Русско-Польская война 1654–1667. — М., 2006. — С. 29.

- ¹⁴¹ Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении... — С. 216.
- ¹⁴² Московское государство XV–XVII вв... — С. 85.
- ¹⁴³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 338.
- ¹⁴⁴ Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 225.
- ¹⁴⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 378, 379.
- ¹⁴⁶ Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). — М., 1994. — С. 32.
- ¹⁴⁷ Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 406, 407.
- ¹⁴⁸ Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. — М., 2014. — С. 409, 427, 437, 459.
- ¹⁴⁹ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 192, 193.
- ¹⁵⁰ Бабулин И. Б. Битва под Конотопом... — С. 22, 23.
- ¹⁵¹ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 231.
- ¹⁵² Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... — С. 339–356.
- ¹⁵³ Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 370, 371.
- ¹⁵⁴ Там же. — С. 373. Российские и украинские военачальники, зная о том эффекте, который производили калмыки на татар и ногаев, настаивали на присылке в их армии хотя бы небольших отрядов ойратской конницы. Так, например, гетман И. Самойлович в письме от 6 марта 1678 г. особо просил российское командование прислать калмыков, утверждая, что *«...и то б их было буде не больши хотя бы с две тысячи человек, впрям бы... много ими исправилось неприятелем страху»*. Памятуя о «калмыцком факторе», царь Федор Алексеевич дал воеводе Рамодановскому в 1678 г. четкое указание не начинать активных действий против татар и турок под Чигириным до прихода калмыцкого корпуса. В результате 80-тысячная московская армия почти две недели простояла на р. Тясмин, ожидая подхода 2–4-тысячного ойратского отряда. Представление о калмыках как о весьма грозном противнике и ценном союзнике оказалось весьма устойчивым. Об этом свидетельствуют сообщения российских, украинских, польских, шведских,

османских и прусских военачальников конца XVII — середины XVIII вв. (Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 373).

¹⁵⁵Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 246.

¹⁵⁶Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 122–143.

¹⁵⁷Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма... — С. 95. В. Т. Тепкеев совершенно справедливо предположил, что присланный ханом к черкесским оружейникам образец представлял собой трофейную калмыцкую пику (Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. — Элиста., 2012. — С. 321).

¹⁵⁸Тунманн. Крымское ханство. — Симферополь, 1991. — С. 23, 47.

¹⁵⁹Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении... — С. 212.

¹⁶⁰Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 11.

¹⁶¹Там же. — С. 12.

¹⁶²Там же. — С. 11–13.

¹⁶³Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. — М., 2009. — Т. 3. — С. 70.

¹⁶⁴Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI–середине XIX вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. — СПб., 2012. — Ч. I. — С. 103–107.

¹⁶⁵Пользуясь случаем, хотел бы выразить слова благодарности и признательности М. А. Несину, который обратил внимание автора настоящей публикации на соответствующее сообщение Менгли-Гирея.

¹⁶⁶Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1. (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник императорского русского исторического общества (далее — ИРИО). — СПб, 1884. — Вып. № 41. — С. 187.

¹⁶⁷Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59; Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 367.

¹⁶⁸Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 31, 32.

¹⁶⁹В середине 40-х гг. XVII в. в Москву стали поступать сведения о том, что черкесы якобы обучают крымских татар искусству стрельбы из пищалей (Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 368). Однако, даже если подобное обучение и имело место, оно не оказало сколько-нибудь существенного влияния на распространение среди татар огнестрельного оружия. Вплоть до конца рассматриваемого периода основную массу крымских *тюфенкчи* составляли представители оседло-земледельческих народов.

¹⁷⁰Там же. — С. 101.

¹⁷¹Пенской В. В. Великая огнестрельная революция... — С. 222, 223, 229, 231.

¹⁷²Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV- первая половина XVI вв.). — М., 2004. — С. 96, 97.

¹⁷³Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 160 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015); Гайворонский О. Повелители двух материков...

¹⁷⁴Броневский М. Описание Крыма... — С. 364.

¹⁷⁵Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 53; Зайцев И. В. Астраханское ханство. — М., 2004. — С. 96, 97.

¹⁷⁶Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом... — С. 126.

¹⁷⁷Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян... — С. 18.

¹⁷⁸Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 103, 104, 137, 214.

¹⁷⁹Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 101.

¹⁸⁰Там же. — С. 37, 38.

¹⁸¹Там же. — С. 224.

¹⁸²Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. — СПб, 2004. — С. 72, 285.

¹⁸³Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма... — С. 96.

¹⁸⁴Николе Д. Янычары... — С. 69, 70.

¹⁸⁵Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... —

- С. 38, 39; Введенский Г. Э. Янычары. — СПб., 2003. — С. 35.
- ¹⁸⁶Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 38, 39; Введенский Г. Э. Янычары... — С. 222.
- ¹⁸⁷Там же. — С. 111.
- ¹⁸⁸Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. — СПб, 2002. — С. 204–212.
- ¹⁸⁹Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 38, 39; Введенский Г. Э. Янычары... — С. 41.
- ¹⁹⁰Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 96, 97.
- ¹⁹¹Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 188–191. Возможно, что часть ружейных стрелков после этого похода вернулась на территорию Османской империи.
- ¹⁹²Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 400–402; Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 140, 143.
- ¹⁹³Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 420.
- ¹⁹⁴Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 93.
- ¹⁹⁵Тунманн. Крымское ханство... — С. 23.
- ¹⁹⁶Броневский М. Описание Крыма... — С. 364.
- ¹⁹⁷Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59.
- ¹⁹⁸Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 286, 288.
- ¹⁹⁹Там же. — С. 317.
- ²⁰⁰Там же. — С. 349.
- ²⁰¹Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 223, 224.
- ²⁰²Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 61.
- ²⁰³Там же. — С. 170, 171.
- ²⁰⁴Там же. — С. 171.
- ²⁰⁵Там же. — С. 83–85.
- ²⁰⁶Беннигсен А., Вайнштейн Ж. Большая Ногайская Орда и торговля в Причерноморских степях (конец XV в. — 1560-е гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. — Казань, 2009. — С. 352.
- ²⁰⁷Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 87, 127.
- ²⁰⁸Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 141.
- ²⁰⁹Там же. — С. 135.
- ²¹⁰Там же. — С. 137.
- ²¹¹Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 146.

- ²¹²Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 359.
- ²¹³Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии. — Казань, 2011. — С. 85, 86.
- ²¹⁴Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... — С. 167.
- ²¹⁵Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 360.
- ²¹⁶Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма... — С. 47.
- ²¹⁷Там же. — С. 52.
- ²¹⁸Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 223.
- ²¹⁹Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 114.
- ²²⁰Олеарий А. Описание путешествия в Московию... — С. 349.
- ²²¹Описание Черного моря и Татарии... — С. 109.
- ²²²Памятники дипломатических сношений... — С. 187.
- ²²³Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 61.
- ²²⁴Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом... — С. 81.
- ²²⁵Там же. — С. 151; Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 37, 38.
- ²²⁶Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 213.
- ²²⁷Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 94.
- ²²⁸Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма... — С. 160.
- ²²⁹Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 38.
- ²³⁰Там же. — С. 200.
- ²³¹Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 109, 120.
- ²³²Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 81, 140, 143; Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 217.
- ²³³Экстремальным вариантом пополнения артиллерийского арсенала ханства был захват пушек в качестве военных трофеев. Так, например, после разгрома османской армии в 1624 г. крымцы захватили

33 османских орудия (Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 112–113).

²³⁴Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 37, 38.

²³⁵Там же. — С. 38, 62, 73, 76, 196, 198, 199.

²³⁶Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 149, 165, 169; Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 81.

²³⁷Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 85.

²³⁸Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣинства своего»... — С. 46.

²³⁹Пинк И. Б. Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1552 г. // *Para Bellum*. — 2004. — № 2 — С. 81.

²⁴⁰Там же. — С. 81–83.

²⁴¹Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 120.

²⁴²Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 81, 140, 143.

²⁴³Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 420.

²⁴⁴Пинк И. Б. Осада Тулы крымским ханом... — С. 82, 83; Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59.

²⁴⁵Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 217.

²⁴⁶Броневский М. Описание Крыма... — С. 364.

²⁴⁷Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣинства своего»... — С. 43.

²⁴⁸Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 406, 407.

²⁴⁹Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 123.

²⁵⁰Бобров Л. А., Пастухов А. М. Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 2007. — С. 175, 176.

²⁵¹Там же. — С. 177–178.

²⁵²Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 61; Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 81, 137; Пинк И. Б. Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем... — С. 77, 80; Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 93, 95, 97–99, 139, 163, 164, 189, 190, 254; Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 119, 120, 211, 317, 319, 383, 389.

²⁵³Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 140, 143.

- ²⁵⁴Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 230–232, 265;
Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59.
- ²⁵⁵Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 93.
- ²⁵⁶Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 163–167.
- ²⁵⁷Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 163, 164.
- ²⁵⁸Там же. — С. 189, 190.
- ²⁵⁹Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 211.
- ²⁶⁰Там же. — С. 208.
- ²⁶¹Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи... — С. 123, 180.
- ²⁶²Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 317–320.
- ²⁶³Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 360.
- ²⁶⁴Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 383;
Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи... — С. 438.
- ²⁶⁵Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 389.
- ²⁶⁶Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом... — С. 125.
- ²⁶⁷Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59.
- ²⁶⁸Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 94.
- ²⁶⁹Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 119;
Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59.
- ²⁷⁰Как мы убедились выше, крымские татары стали использовать пищали лишь немногим позже русских воинов (1493 г. и 1478 г. соответственно), однако если численность крымских *тюфенкчи* все следующее столетие не превышала 1 тыс. чел., то Московское государство уже в 1545 г. могло выставить в поле 2 тыс. только новгородских пищальников, не считая ружейных стрелков с территории других русских земель (Пенской В. В. Великая огнестрельная революция... — С. 300, 303–306).
- ²⁷¹Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 56–66; Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю... — С. 113, 114.
- ²⁷²Бабур-наме. Записки Бабур... — С. 306, 310, 317, 318.
- ²⁷³Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю... — С. 113, 114.

²⁷⁴ К числу редких исключений относились тюркские номады Восточной Европы IX — первой трети XIII вв., в военном искусстве которых «тележные крепости» играли весьма важную роль (Сейдалиев Э.И. Военное дело кочевников Северного Причерноморья... — С. 180). Однако в ордынский период популярность этого тактического приема практически сошла на нет. Новый всплеск интереса к данной разновидности полевых укреплений фиксируется только в конце XV—XVIII вв.

²⁷⁵ Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59; Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма... — С. 169.

²⁷⁶ Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма... — С. 169, 184.

²⁷⁷ Там же. — С. 170.

²⁷⁸ Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 420.

²⁷⁹ Там же. — С. 406.

²⁸⁰ Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59.

²⁸¹ Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣинства своего»... — С. 43.

²⁸² Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 213.

²⁸³ Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 406.

²⁸⁴ Там же. — С. 406, 407.

²⁸⁵ Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... — С. 59.

²⁸⁶ Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 163, 165, 166.

²⁸⁷ Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣинства своего»... — С. 45.

²⁸⁸ Пинк И. Б. Осада Тулы крымским ханом Девлет-Гиреем... — С. 82.

²⁸⁹ Бабур-наме. Записки Бабура... — С. 307.

²⁹⁰ Неудивительно, что большинство военачальников, действовавших в степи, предпочитали перевозить грузы и оружие (в том числе пушки) не на повозках, а на конях и верблюдах (Бобров Л. А., Пастухов А. М. Ойратская артиллерия... — С. 211, 221–234).

²⁹¹ Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 91, 92.

²⁹² Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 167, 172, 176.

²⁹³ Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства... —

С. 62–63. Интересно, что в русском военном искусстве полевые *вагенбурги* стали применяться только с начала 70-х гг. XVI в. До этого времени они использовались лишь при осаде вражеских крепостей (Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы»... — С. 65, 84). Т.е. русские стали использовать полевые *вагенбурги* более чем через полвека после того, как они вошли в боевую практику крымско-татарской армии. Не исключено, что крымский «*зарбузан арабалары*», а также польско-литовские таборы оказали определенное влияние на появление «*гуляй-города*» в московских войсках второй половины XVI в.

²⁹⁴ В то же время при ведении боевых действий на территории самого Крыма и его окрестностей татары продолжали применять *вагенбурги* на протяжении всего XVII в. Так, например, во время одной из междоусобиц начала столетия оба претендента на власть использовали тележные таборы. Интересно, что в гарнизон одного из них, наряду с черкасами и татарами, входил отряд запорожских казаков, вооруженных легкими пушками и пищалями (Описание Черного моря и Татарии... — С. 99; Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 120.

²⁹⁵ Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 359–360.

²⁹⁶ Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии... — С. 89; Трепавлов В. В. «Орда самовольная»... — С. 171.

²⁹⁷ Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 91.

²⁹⁸ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 141, 148; Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии... — С. 215.

²⁹⁹ Цюрюмов А. В., Батыров В. В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). — Элиста, 2006. — С. 56, 57.

³⁰⁰ Сикалиев Л. И. Ногайский героический эпос. — Черкасск, 1994. — С. 124.

³⁰¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб, 1867. — Т. 5 (1659–1665). — С. 171, 172.

³⁰² Весьма востребованы окопы и траншеи оказывались также при осаде укрепленных поселений противника. Так, например, узбекские военачальники середины XVI–XIX вв. окружали вражескую крепость

сетью окопов («мурджил») и траншей, которые старались подвести максимально близко к стенам цитадели вплоть до замкового рва. Если это удавалось, то существенно облегчало штурм и позволяло саперам («наккабан») вырыть подкопы под крепостные стены и башни (Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю... — С. 114, 115).

³⁰³ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю... — С. 114, 115; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... — С. 584, рис. 224, 5.

³⁰⁴ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю... — С. 115.

³⁰⁵ Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 359, 360.

³⁰⁶ Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 87.

³⁰⁷ Там же. — С. 87, 88.

³⁰⁸ Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют»... — С. 360.

³⁰⁹ Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 87, 88.

³¹⁰ Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма... — С. 52.

³¹¹ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 223, 224.

³¹² Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 406–407.

³¹³ Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 93.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 41.

³¹⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 211.

³¹⁷ Там же. — С. 112, 113, 137; Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 97–99, 139, 163, 164, 165.

³¹⁸ Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 94.

³¹⁹ Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 229.

³²⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 119.

³²¹ Там же. — С. 319, 320.

³²² Бобров Л. А. «Воронья стая» над Крымом... — С. 241–243.

³²³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 152, 153.

³²⁴ Там же. — С. 265, 266.

³²⁵ Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 174, 175.

³²⁶ Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма... — С. 32.

³²⁷ Челеби Э. Книга путешествий. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья... — С. 87–88.

³²⁸ Описание Черного моря и Татарии... — С. 111.

³²⁹ Николле Д. Янычары... — С. 3, 17, 25; Пенской В. В. Великая огнестрельная революция... — С. 223.

³³⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 100, 234, 323, 399; Пенской В. В. Сражение при Судьбищах... — С. 92; Пенской В. В. Сражение при Молодях... — С. 168. Крымские «полки» имели переменную численность, которая зависела от особенностей боевой обстановки и общего количества войск, участвовавших в походе. Так, например, в военной кампании 1632 г. принимал участие татарский «полк», насчитывавший 2500 чел. (Новосельский, 1948, — С. 212). В январе 1636 г. у р. Берекети (приток Сев. Донца) стояли три татарских «полка» общей численностью около 2 тыс всадников (Там же. — С. 234) и т.д. Формирование «полков» производилось перед началом военной кампании во время похода или непосредственно перед сражением. Так, в 1643 г. татары сначала действовали отдельными отрядами, потом собрались в единую тактическую группу, а затем «разобрались по полкам» и начали отход в степь (Там же. — С. 323).

³³¹ Бабулин И. Б. Битва под Конотопом... — С. 19–22.

³³² Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 248–251.

³³³ Там же. — С. 248.

³³⁴ Кушкumbaев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 20–25.

³³⁵ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 250.

³³⁶ Николле Д. Янычары... — С. 20.

³³⁷ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 224.

³³⁸ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 223, 224.

³³⁹ Там же. — С. 222.

³⁴⁰ Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 57.

³⁴¹ Там же. — С. 97–99, 139.

³⁴² Броневский М. Описание Крыма... — С. 365, 366.

³⁴³ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 223, 231.

³⁴⁴ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 39, 99; Пенской В. В. Сражение при Судьбицах... — С. 92.

³⁴⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 212, 234, 319, 337, 339.

³⁴⁶ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 244.

³⁴⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 335.

³⁴⁸ Там же. — С. 349.

³⁴⁹ В некоторых случаях султанские знамена могли присылаться и правителям ногаев. Так, например, в начале XVII в. султан прислал «санджак» ногайскому бию Иш-Тереку (Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 47).

³⁵⁰ Броневский М. Описание Крыма... — С. 353.

³⁵¹ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 101.

³⁵² Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 51.

³⁵³ Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи... — С. 413.

³⁵⁴ Броневский М. Описание Крыма... — С. 366.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Бобров Л. А. «Воронья стая» над Крымом... — С. 243.

³⁵⁷ Сикалиев Л. И. Ногайский героический эпос... — С. 125.

³⁵⁸ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 222. Письменные источники свидетельствуют, что представителям ногайской знати, признавших сюзеренитет Москвы, могли присылаться российские знамена (Новосельский А. А. Борьба Московского государства... — С. 73).

³⁵⁹ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... —

С. 101.

³⁶⁰ Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 29, 30.

³⁶¹ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 40.

³⁶² Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 220.

³⁶³ Там же. — С. 244.

³⁶⁴ Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 252.

³⁶⁵ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 39, 99.

³⁶⁶ Описание Черного моря и Татарии... — С. 71, 72.

³⁶⁷ Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении... — С. 219.

³⁶⁸ Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... — С. 251–252; Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 30–31.

³⁶⁹ Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 220, 224, 242, 244.

³⁷⁰ Флетчер Д. О государстве русском... — С. 105, 106.

³⁷¹ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области... — С. 13; Челеби Э. Книга путешествия. Земли Молдавии и Украины... — С. 192.

³⁷² Броневский М. Описание Крыма... — С. 361, 365, 366.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Пенской В.В. Сражение при Молодях... — С. 169.

³⁷⁵ Там же. — С. 175.

³⁷⁶ Московское государство XV–XVII вв... — С. 85, 86.

³⁷⁷ Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 35.

³⁷⁸ Новосельский А.А. Борьба Московского государства... — С. 320.

³⁷⁹ Литвин М. О нравах татар, литовцев и московитян... — С. 13.

³⁸⁰ Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя... — С. 32–36.

³⁸¹ Калмыцко-ногайские и калмыцко-татарские войны первой половины — середины XVII в. дали мощный стимул для развития военного дела многих народов региона. Идея легкой копейной кон-

ницы, принесенная ойратами из Центральной Азии, была усвоена донскими, яицкими и запорожскими казаками, ногаями, крымскими и польско-литовскими татарами. Причем последние, адаптировав калмыцкий копейный бой к местным военным реалиям, положили начало новой разновидности европейской копейной кавалерии XVIII–XIX вв., получившей широкую известность под названием «уланы» (Бобров Л. А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков... — С. 115–147).